

№10

2015

СИМБИРСКЪ

12+

Литературный Журнал

12 симбирских
литературных апостолов.
Дмитрий Дмитриевич Минасев
стр. 5-19

Петр Баюра.
Воспоминания фронтовика
стр. 24-39

Итоги молодежного
литературного конкурса
«Верлибр-2015»
стр. 58-67

Евгений Анташкевич.
Харбин. Главы из романа
стр. 68-77

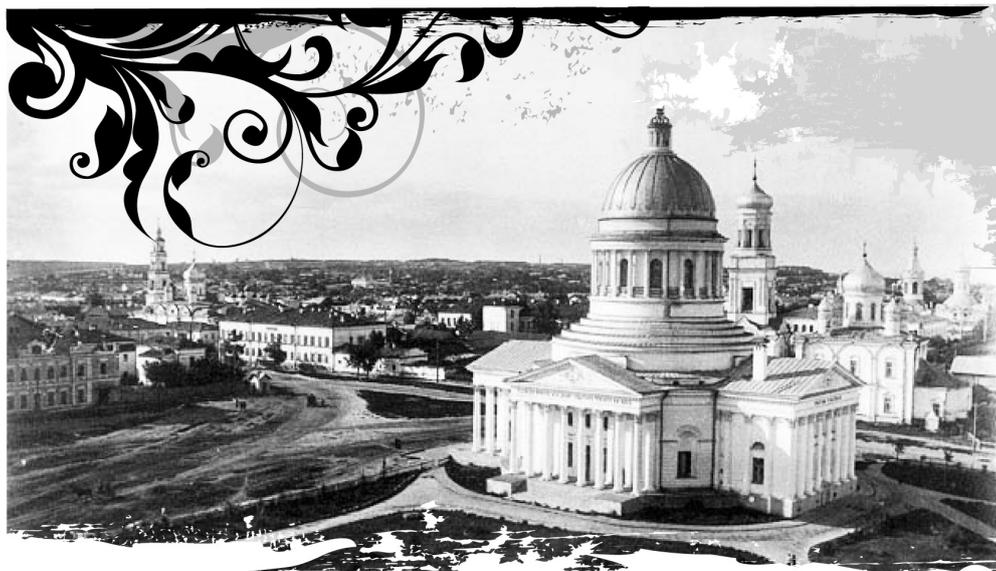

СИМБИРСКЪ

№10 (28)
2015

Литературный журнал
«СИМБИРСКЪ»

Главный редактор
Елена Викторовна Водкина (Кувшинникова)
E-mail: karamz_sad@mail.ru
Телефон 89603693212

Зам. главного редактора
Александр Лайков
E-mail: laickov@yandex.ru
Телефон 89648559054

Редакционный совет:

Председатель - Владимир Лучников
Владимир Артамонов
Александра Белова
Ольга Даранова
Виктор Малахов
Светлана Матлина
Николай Марянин
Ольга Шейпак
Юрий Шерстнев
Татьяна Эйхман

Издание осуществлено при поддержке
губернатора Ульяновской области
Сергея Ивановича Морозова

ОАО «Областная типография «Печатный двор»
432049, г. Ульяновск, ул. Пушкиарева, 27.

Подписано в печать 12.10.2015 г.
Тираж 400 экз. Заказ № 1061.

Издатель: Областное государственное автономное
учреждение «Издательский дом «Ульяновская правда»;
Адрес издателя, адрес редакции:
г. Ульяновск, ул. Пушкинская, 11.

© Литературный журнал «СИМБИРСКЪ» №10 (28), 2015.

Издание зарегистрировано Управлением
Федеральной службы по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых
коммуникаций по Ульяновской области
ПИ №ТУ 73-00350 от 21 марта 2014 г.
Учредитель: Областное государственное автономное
учреждение «Издательский дом «Ульяновская правда».

© Дизайн, компьютерная верстка - Олеся Тюльпа
Корректоры - Ольга Абрамова, Ирина Сабанова
На обложке: фото Олеси Тюльпа.

Литературный журнал
«СИМБИРСКЪ» №10 (28), 2015

Содержание

Елена Кувшинникова. Начать слушать другого..... 3

Год литературы

12 симбирских литературных апостолов.
Дмитрий Дмитриевич Минаев..... 5
Дмитрий Минаев. Стихи..... 6-10
Жорес Трофимов. Жил и...перевел Данте..... 11-12
Александр Лайков. Сохраним память короля рифмы.. 13-15
Григорий Медведовский. Уроки Минаева..... 16-19
Ирина Ушакова. «Народной бессознательной
дорогой» (О книге Валентина Курбатова
«Бегущая строка»)..... 20-22
Пишу в «Симбирскъ»
Никита Красильников. Экскурсия в Болдино..... 23

Дороги памяти военной

Петр Баюра. Воспоминания фронтовика..... 24-39
Галина Беспалова. Школьное сочинение сына..... 40-41

Страна поэзия

Наталья Дроздова. «Крепка, как смерть, любовь» 42-43
Юлия Володарская. Маленькими шагами. Стихи 43-45
Ольга Даранова. Пусть отдохнет от бремени душа.
Стихи..... 46-48

С любовью ко всему родному

Василий Дворцов. Ничего не придумаешь.
(О творчестве Юрия Лощица)..... 49-51

Ветер странствий

Александра Белова. Тайну Байкала хранят небеса.
Эссе..... 52-57

Молодые голоса

Светлана Чумуркина. Конкурс «Верлибр-2015»..... 58
Итоги II Всероссийского конкурса «Верлибр»..... 59-60
Стихи и проза участников конкурса
«Верлибр-2015» 60-67

Гость

«Русская Атлантида» Евгения Анташкевича. Интервью
с писателем..... 68-69
Евгений Анташкевич. Харбин. Главы из романа 69-77

Родом из детства

Любовь Боровикова. В сторону синего шара. Эссе..... 78-81

Река воспоминаний

Нина Свирская. В путь-дорогу за образованием..... 82-87

Пересемешник

Светлана Супрунова. Литературные пародии..... 88-91
Владимир Варламов. Пародии..... 92-96

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

на журнал «Симбирскъ» на первое полугодие 2016 года.
Подписку можно оформить во всех отделениях связи.

Индекс 54516

Цена: 1 мес. - 86,00 руб., 6 мес. - 516,00 руб.

Журнал «Симбирскъ» можно приобрести

в киосках «Симбирская печать»
и в отделе распространения по адресу:
ул. Пушкинская, 11.

По всем вопросам подписки

(в том числе альтернативной) на журнал можно
проконсультироваться по телефону

41-04-32

Рукописи принимаются только в электронном виде, не рецензируются и не возвращаются.

Авторы несут ответственность за достоверность представленных материалов.

Мнения автора и редакции могут не совпадать.

При перепечатке ссылка на «Симбирскъ» обязательна.

НАЧАТЬ СЛУШАТЬ ДРУГОГО

В новом выпуске журнала мы продолжаем публикации о «12 симбирских литературных апостолах». В ноябре 2015 года исполняется 180 лет со дня рождения Дмитрия Дмитриевича Минаева. Мы рассказываем о жизни и творчестве поэта, публикуем его стихи, а также отрывок из его перевода «Божественной комедии» Данте. Тематический раздел продолжают статьи Жореса Трофимова и Александра Лайкова, здесь же мы публикуем главы из поэмы Григория Медведовского «Уроки Минаева». Дмитрий Дмитриевич Минаев известен прежде всего как поэт-сатирик, мастер эпиграммы и каламбура. Но мы обращаем внимание читателей на то, что своим детищем и даже своим литературным подвигом сам Д. Минаев считал перевод «Божественной комедии» Данте. Результатом этого труда стали три тома с прекрасными иллюстрациями Доре, которые доньше хранятся в отделе редких книг областной научной библиотеки им. В.И. Ленина. Дмитрий Минаев хотел, чтобы потомки его вспоминали так: «Жил и перевел на русский язык Данте». И мы повторяем на страницах журнала эти слова и, кажется, слышим, слышим в строках перевода последнюю просьбу самого поэта:

*...И приведи к священным тем вратам,
Где Пётр Святой обитель души прекрасных
Всё стережёт. Я быть желаю там...*

В разделе «Год литературы» мы публикуем отклик Ирины Ушаковой на книгу В. Курбатова «Бегущая строка». Автор очерка пишет: «От прочтения книги Валентина Курбатова остается ощущение цельности мира, остается порядок в мыслях, будто кто пришел и прибрался: расставил на свои места понятия, смыслы, события... Писатель, кажется, только и мечтает «начать слушать другого и идти ему навстречу в отголосках, пока не сойдешься в любви». Мы редко умеем разглядеть в современнике выдающуюся личность, редко умеем ценить тех, кто живет в одно с нами время. Недавно канал «Культура» приблизил к нам, дал в собеседники мудрого Валентина Курбатова в документальном цикле «Нечаянный портрет». Хотелось его слушать и слушать, отыскать его книги и читать... Добавим, что по счастью Валентин Яковлевич Курбатов, живущий сейчас на Псковщине, – наш земляк. Он родом из нашего края.

В год 70-летия Победы мы продолжаем рубрику «Дороги памяти военной». Предлагаем вниманию читателей страницы воспоминаний Петра Тихоновича Баюры. Вглядитесь в фотографию учителя-фронтовика, сколько благородства в облике, какое одухотворенное лицо, мудрый взгляд... Этот фотопортрет мог бы стать собирательным образом уходящего поколения победителей. И в мемуарах П. Баюры – документальное свидетельство о том героическом и забываемом времени.

В разделе «С любовью ко всему родному» – очерк Василия Дворцова о писателе, литературоведе Юрии Лощице. И автор, и герой очерка являются лауреатами Гончаровской премии разных лет.

В рубрике «Ветер странствий» Александра Белова рассказывает о своем путешествии на Байкал.

В гостях у «Симбирска» – писатель Евгений Анташкевич (Москва), автор литературно-исторической эпопеи. В своих романах автор словно пробуждает нашу генетическую память, воскрешает тот самый «русский мир». Мы публикуем те главы нового романа писателя, действие в которых происходит в Симбирске времен Первой мировой войны.

На поэтических страницах читайте лирические стихи Юлии Володарской и Ольги Дарановой. В рубрике «Родом из детства» мы публикуем эссе Любови Боровиковой – отклик на сказку Туве Янссон «В конце ноября», размышления талантливого читателя «по поводу таинственной, вовсе не детской повести».

По традиции журнал поддерживает молодых авторов. Мы приветствуем литературную молодежь на наших страницах и публикуем стихи и прозу участников Всероссийского литературного конкурса «Верлибр-2015», организованного по инициативе культурного центра Ульяновского государственного педагогического университета.

Завершает «минаевский» номер рубрика «Пересмешник». Читайте литературные пародии Светланы Супруновой и Владимира Варламова.

На страницах журнала – разные авторы, разные голоса. Но, хочется верить, есть то самое ощущение цельности мира. Идти по Пути, «начать слушать другого, идти ему навстречу, пока не сойдешься в любви...»

Елена КУВШИННИКОВА

12 СИМБИРСКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ АПОСТОЛОВ

Дмитрий Дмитриевич МИНАЕВ (21 октября [2 ноября] 1835 г., Симбирск — 10 [22] июля 1889 г., там же) — русский поэт-сатирик, журналист, переводчик, критик.

Родился в семье офицера, Дмитрия Ивановича Минаева, поэта, переводчика «Слова о полку Игореве». В 1847 – 1851 годах обучался в Дворянском полку (курса не окончил).

В 1852 году сдал экзамены на первый классный чин и около трёх лет служил в Симбирской казённой палате. В 1855 году переехал в Петербург, где устроился чиновником Министерства внутренних дел. В 1857 году ушёл в отставку и занялся только литературной работой. Вначале Минаев печатается во второстепенных петербургских журналах и газетах, выступая с лирическими, а затем и сатирическими стихотворениями и переводами. В 1859 году выпустил сборник литературных пародий «Перепевы. Стихотворения Обличительного поэта». Сотрудничал в демократических журналах, в том числе в «Современнике», «Русском слове», «Искре», где развернулось дарование Минаева как поэта-сатирика. В 1862 году несколько месяцев редактировал сатирический журнал «Гудок». Примыкая к некрасовской школе, выражал сочувствие угнетённой деревне, «обличал» либералов, бюрократов, консервативную печать и цензуру; высмеивал и пародировал поэтов, относимых им к сторонникам «чистого искусства» (А.А. Фета, А.Н. Майкова, Н.Ф. Щербину, В.В. Крестовского и других). Публиковался под псевдонимами Обличительный поэт, Майор Бубнов, Общий друг, Иван Кисточкин. Приобрёл известность как король рифмы, мастер эпиграммы, пародии, фельетона в стихах и особенно каламбура. Двустопице Минаева «Даже к финским скалам бурым обращаюсь с каламбуром» стало классическим примером.

Минаев много занимался переводческой работой. Он перевёл Дж. Байрона («Дон Жуан», «Чайльд Гарольд», «Манфред» и «Каин»), Данте («Божественная комедия»), Гейне («Германия»), А. Мицкевича («Дядя»), П.Б. Шелли («Освобождённый Прометей»), стихотворения и пьесы Гюго, Барбье и многих других. Благодаря переводческому труду Д. Минаева русская публика могла познакомиться с европейской литературой. После каракозовского выстрела в конце апреля 1866 года Минаев был арестован за сотрудничество в журналах, «известных своим вредным социалистическим направлением, в особенности «Современнике» и «Русском слове», и просидел в Петропавловской крепости около четырёх месяцев.

В конце 1887 года Д.Д. Минаев с женой приезжает в Симбирск, где на Нижне-Солдатской улице, около реки Свяги, покупает дом с флигелями и садом. Скончался поэт 10 (22) июля 1889 года в Симбирске после тяжёлой болезни. За гробом поэта шли всего несколько человек, среди них были писатель Гавриил Потанин и поэт Аполлон Коринфский, который и оставил воспоминания об этом печальном событии.

21 июня 1899 года на собранные по всенародной подписке средства в Симбирске был открыт памятник поэтам — отцу и сыну Минаевым. В этом же году улица Солдатская была переименована в Минаевскую (ныне ул. Минаева в Ульяновске). В 1954 году в связи со строительством Куйбышевского водохранилища и затоплением кладбища прах Минаевых и памятник были перенесены на кладбище при Воскресенском храме.

Могила Минаевых

Улица Минаева

Дмитрий МИНАЕВ

СМЕХ

Всегда неподкупен, велик
И страшен для всех без различья,
Смех честный – живой проводник
Прогресса, любви и величья.

Наивно-прямой, как дитя,
Как мать – многолюбящий, нежный,
Он мудрости учит шутя,
Смягчает удел безнадежный.

Струясь, как по камням вода,
Как чистый фонтан водоема,
Торжественный смех иногда
Доходит до грохота грома,

Сливаясь в густых облаках
В немолчное, грозное эхо,
И тот, кто забыл всякий страх,
Дрожал от подобного смеха.

Смирная рыдания порыв
И гордую скорбь гражданина
Под маской шута затаив,
Запятав под плащ арлекина,

Стремление к лучшей судьбе
Родит он в груди всего мира
И с гидрой пороков в борьбе
Сверкает и бьет, как секира;

Он сонную мысль шевелит
И будит во мраке глубоко:
Плясал вокруг ковчега Давид,
Но был и царем, и пророком.

ЗОЛОТОЙ ВЕК

Октавы

1

Немало развелось теперь людей
Всем недовольных – холодом и зноем,
Печатью, сценой, множеством идей,
Нарядами с нескромным их покровом,
Решеньями присяжных и судей,
И стариной, и новой жизни строим,
И русскою сатирой, наконец...
Вступись же, сатирический певец,

2

Скорей за репутацию сатиры
И отвечай: вы правы! мы скромны,
Не кровопийцы мы и не вампиры,
Но в этом не видать еще вины,
Как думают различные задиры.
Когда нет зла среди родной страны,
Где каждый счастьем ближних только занят,
Где без улыбки праздничной лица нет,

3

Как может быть сатира наша зла?
Какие сокрушительные ямбы

Придут на ум, когда одна хвала
Сама собой ложится в дифирамбы,
Когда поэт, как из цветка пчела,
Отвсюду мед собирает, и не вам бы,
Друзья мои, скорбеть, что этот мед
Сатире нашей пищи не дает.

4

Живем мы в век «отчетностей» и съездов,
Общественных, обеденных речей,
Манифестаций шумных у подъездов
И экономной топки для печей,
Прогресса всех губерний и уездов,
Где что ни шаг, то всюду для очей -
«Отрадное и светлое явление»,
Достойное похвал и умиленья.

5

Сегодня – где-нибудь народный пир,
А завтра шумный праздник юбилея
И торжество на целый русский мир,
Где, от вина и счастья алая,
Сливаемся мы в сладкозвучный клир,
И никогда такая ассамблея
Насмешки злой – о, боже сохрани! -
Не вызовет в печати в наши дни.

6

Кто ж явится с сатирой бесстыдной
Среди торжеств, веселья и утех
Смуцать в толпе покоя ее завидный?
Нет, на такой мы неспособны грех.
У нас есть только юмор безобидный
И цензурированный самими нами смех,
Без всякого ехидства и протеста:
В Аркадии сатирикам нет места.

7

Но все-таки мы смелы чересчур
И говорим с известною свободой;
Без страха наш развязный балагур
Трунит над бедной финскою природой,
На «чернь» рисует ряд карикатур
(Над «чернью» смех похвальной стал модой),
А иногда, как гражданин-пиит,
Городовых и дворников казнит.

8

До колик мы смеемся иногда,
С эстрады клубной слыша анекдоты
О плутовстве одесского жида,
О мужичке, который до икоты
Напилился пьян... Всё это без вреда
Нас развлекает в клубе в день субботы;
Тот смех лишь возбуждает аппетит
И нашему веселью не вредит.

9

Наш юмор безобиден. Скуки ради
Стишки запретные мы любим почитать,
Мы подтруним над «сильным мира» сзади,
Чтоб льстить в глаза и стулья подавать,
И наши черновые все тетради
Наполнены – коль правду вам сказать –

1875

Хвалебными посланьями к вельможам...
Мы никого сатирой не тревожим.

10

И это ли не признак, что настал
Век золотой? Смех горький затаился
В груди людей, и каждый думать стал
Теперь: «И я в Аркадии родился!»
И потому российский Ювенал
В Полонского у нас преобразился
И начал славить умственный застой,
Как делает граф Алексей Толстой,

11

Который некогда так весел был и боек...
- Да, век прошел проселочных дорог,
Валдайских колокольчиков и троек,
Исчез и крепостник и демагог;
Цыганок нет, нет ухарских попоек,
А вместе с тем почил на долгий срок,
Похороненный с прочими грехами,
Наш прежний смех – и в прозе и стихами.

12

По рельсам чинно ездим мы теперь,
Цыганок заменили оперетки,
И прогрессистом смотрит прежний зверь;
Безумные попойки стали редки,
Крепостники, смирившись от потерь,
Не могут жить, как прежде жили предки,
Повсюду тишь да божья благодать...
Откуда же сатиры ожидать?

13

Сатира с отрицаньем неразлучна,
А мы давно девизом запаслись,
Что вокруг «всё обстоит благополучно»,
И, искренно поверив в тот девиз,
Нашли, что и без смеха нам не скучно,
А если б даже им мы увлеклись,
То этот смех не смех ведь, а скорее
Хихиканье ливрейного лакея.

ПОЛУСЛОВА

Обучена в хорошей школе
Ты, муза бедная моя!
От света, с тайным чувством боли,
Желанья жгучие тая,
Ты изломала бич сатиры
И сходишь так в мир грустный наш:
В одной руке – обломок лиры,
В другой же – красный карандаш.
Ты тихо песни мне диктуешь,
То негодуя, то любя,
И вдруг, прервав сама себя,
Свой каждый стих проценируешь,
И, дрогнув порванной струной,
Твой голос слух на миг встревожит,
Но только смех один большой
Наружу вырвется, быть может.
К чему ж нам петь?

И я едва

Расслушал, затаив дыханье,
Ее ответ: «Полуслова
Всё ж лучше вечного молчанья...»

МОТИВЫ РУССКИХ ПОЭТОВ

1

МОТИВ МРАЧНО-ОБЛИЧИТЕЛЬНЫЙ

Мир – это шайка мародеров,
Где что ни шаг, то лжец иль тать:
Мне одному такой дан норев,
Чтоб эту сволочь усмирять.

Не буду петь я: *mia cara!* *
«Ночной зефир струит эфир»,
Но, как гроза, как божья кара,
Заставлю дрогнуть целый мир.

Во все трактиры, рестораны,
Как зоркий страж, начну ходить,
Для вас, общественные раны,
Я буду пластырем служить.

Во всех приказных, бравших взятки
(Подогревая в сердце злость),
Во всех, кто грубы, грязны, гадки,
Мой стих вопьется, словно гвоздь.

Рысак ли бешеный промчится,
Спадет ли с здания кирпич,
Хожалый вздумает напиться -
Я буду всех разить, как бич,
И стану сам себе дивиться.

Людей сдержу я, как уздой,
И буду в жизненном потоке
Для них живой сковородой,
Где станут жариться пороки.
* *Моя дорогая! (Итал.)*

2

МОТИВ СЛЕЗНО-ГРАЖДАНСКИЙ

Мне жаль тебя, несчастный брат!..
Тяжел твой крест – всей жизни ноша.
Не предложу тебе я гроша,
Но плакать, плакать буду рад.

Пусть возбуждают жалость в мире
Твои лохмотья, чахлый вид -
Тебе угла не дам в квартире,
Но плакать буду хоть навзрыд.

Ходи босой в мороз и слякоть,
Я корки хлеба не подам,
Но о тебе в альбомах дам
Я стану плакать, плакать, плакать!..

3

МОТИВ ЯСНО-ЛИРИЧЕСКИЙ

Тихий вечер навевает
Грезы наяву,
Соловей не умолкает...
Вот я чем живу.
Месяц льет потоки света...
Сел я на траву, –
Огоньки сверкают где-то...

Вот я чем живу.
 В летний день, в затишьи сада,
 Милую зову,
 Поджидаю в поле стадо...
 Вот я чем живу.
 Лаской девы ненаглядной,
 Rendez-vous * во рву,
 Видом бабочки нарядной -
 Вот я чем живу.
 Я срываю шишки с ели,
 Незабудки рву
 И пою, пою без цели...
 Вот я чем живу.
 * Свиданием (франц.).

4

ЮБИЛЕЙНЫЙ МОТИВ*Кому угодно*

Когда сном крепким спал народ,
 И спячка длилась год за годом...
 (Тут нужно древний эпизод
 Сравнить с новейшим эпизодом.)

Когда на всех, в ком сила есть,
 Смотрела Русь в немом испуге...
 (Поэт обязан перечесть
 Здесь юбилятора заслуги.)

Тогда (обеденный певец
 Встает в порыве вдохновенья)
 Ты появился наконец!
 (Сбегают слезы умиленья.)

Как луч из мрачных облаков,
 Ты вдруг сверкнул, нам дал отвагу!..
 (Чтоб не забыть своих стихов,
 Поэт косится на бумагу.)

И вот теперь весь этот зал
 Тебя помянет в общем тосте!..
 (Певец хватает свой бокал,
 А лоб певца целуют гости.)

5

МОТИВ БЕШЕНО-МОСКОВСКИЙ

Русь героями богата,
 Словно вылита она
 Из гранита и булата,
 И прихода супостата
 Не боится вся страна,
 Не обдаст врагов картечью,
 Не покажет им штыка,
 Но отбросит перед сечью
 Молодецкой, русской речью,
 Просолив ее слегка,
 Этой речью сочной, рьяной,
 Крепкой, цепкой так и смяк,
 Забубенной, грозной, пряной,
 Удальством славянским пьяной,
 Едкой, меткой, как кулак.
 Кто ж противиться нам может?
 Славянин перед врагом
 Руку за ухо заложит,
 Гаркнет, свистнет и положит
 Супостатов всех кругом.

1865

РИФМЫ И КАЛАМБУРЫ

Из тетради сумасшедшего поэта

*

Ценят золото по весу,
 А по шалостям — повесу.

*

Не ходи, как все разини,
 Без подарка ты к Розине,
 Но, ей делая визиты,
 Каждый раз букет вези ты.

*

Я, встречаясь с Изабеллою,
 Нежным взглядом дорожу,
 Как наградой, и, за белую
 Ручку взяв ее, дрожу.

*

Черты прекрасные, молю я,
 Изобрази мне, их малюя,
 И я написанный пастелью
 Портрет повешу над постелью.

*

С нею я дошел до сада,
 И прошла моя досада,
 И теперь я весь алею,
 Вспомнив темную аллею.

ЭКСПРОМТ (Бойкой барыне)

Везде слывете вы за ловкую
 Хозяйку, с титулом «разбитной»,
 Но лучше вас иметь золовкой,
 Чем называть своей женой.

В полудневный зной на Сене
 Я искал напрасно сени,
 Вспомнив Волгу, где, на сене
 Лежа, слушал песню Сени:
 «Ах вы, сени мои, сени!..»

На пикнике, под тенью ели
 Мы пили более, чем ели,
 И, зная толк в вине и в зле,
 Домой вернулись еле-еле.

Вас в детстве слишком нежили;
 Как мы, в нужде вы не жили
 И при хорошем старосте
 В имении до старости,
 Забот не зная, прожили,
 Но средств своих не «прожили».

1880

ЛУННАЯ НОЧЬ

1

Полночный мрак!.. Лишь лунным светом
В моей тюрьме озарена
С ночного неба, теплым летом,
Решетка узкого окна.
О, сколько раз, с ночного крова,
В иные дни, с закатом дня,
Вот так же с неба голубого
Луна смотрела на меня.

2

Я был дитя. Вскочив с кровати,
Прижавшись к няне в поздний час,
Я слушал, словно в лихорадке,
О змей-горыныче рассказ.
Всё в страшной сказке было ново,
А в детской темно, нет огня...
И так же с неба голубого
Луна смотрела на меня.

3

Я помню ночь. Все в доме спали,
Лишь мы в аллее, милый друг,
Как дети, в трепете дрожали
За каждый шелест, каждый звук...
Руки пожатье... полуслово...
И, мягким светом осеня,
Вот так же с неба голубого
Луна смотрела на меня.

4

Осенний вечер. Тускло зала
Освещена, а впереди,
В гробу, в цветах она лежала,
Сложивши руки на груди.
В углу от горя рокового
Рыдал я, жизнь свою кляня,
И так же с неба голубого
Луна смотрела на меня.

5

Метель, сугробы... С диким воем
Кругом меня стонала степь.
Я шел закованный, с конвоем,
В ногах звучала мерно цепь.
Повсюду снег блестел, и снова,
Как будто путника вина,
Сквозь иней с неба голубого
Луна смотрела на меня.

6

Свидетель жизни неудачной,
Мне ненавистна ты, луна!..
Так не смотри в мой угол мрачный
Сквозь раму тусклого окна
И не буди того нескромно,
Что улеглось во мне давно...
Пусть лучше в небе будет темно,
Как на душе моей темно.

Данте АЛИГЬЕРИ

БОЖЕСТВЕННАЯ КОМЕДИЯ

Перевод Д. Д. МИНАЕВА (1876 г.).

Часть I

АД

Песнь I

Когда-то я в годину зрелых лет
В дремучий лес зашел и заблудился,
И понял, что назад дороги нет
(Потерян был прямой и верный след...)
Нет слов таких, что б ими я решился
Лес мрачный и угрюмый описать,
Где стыл мой мозг, и ужас тайны длился:
Так даже смерть не может устрашать...
Но в том лесу, зловещей тьмой одетом,
Средь ужасов обрёл я благодать.
Попал я в чащу дикую, нигде там
Я не нашёл, объят каким-то сном,
Знакомого пути по всем приметам.
Пустыня предо мной была кругом,
Где ужасом невольным сердце сжалось.
Я увидел перед собой потом
Подножие горы. Она являлась
В лучах светила радостного дня
И светом Солнца сверху позлащалась,
Прогнавшим страх невольный от меня.
В душе моей изгладилось смущенье,
Как гибнет тьма от яркого огня.
Как выброшенный на берег в крушенье
В борьбе с волной измученный пловец
Глядит назад, где море в исступленье
Ему сулит мучительный конец,

Так точно озирался я пугливо,
Как робкий, утомившийся беглец,
Что б ещё раз на страшный путь тоскливо,
Переводя дыхание, взглянуть:
Доныне умирало всё, что живо,
Свершая тот непроходимый путь.
Лишившись сил, как труп, в изнеможенье
Я опустился тихо отдохнуть,
Но снова, пересилив утомленье,
Направил шаг вперёд по крутизне,
Всё выше, выше каждое мгновенье.
Я шёл вперёд, и вдруг навстречу мне
Явился барс, покрытый пёстрой кожей
И с пятнами на выгнутой спине.
Я, как врасплох застигнутый прохожий,
Смотрю: с меня он не спускает глаз
С решимостью, на вызов не похожей,
И заграждает путь, на нём ложась,
Так что я думать стал об отступленье.
На небе утро было в этот час.
Земля очнулась после пробужденья,
И плыло Солнце в небе голубом,
То Солнце, что во дни мира творенья
Зажглось впервые, встречено кругом
Сияньем звёзд с их ясным, кротким светом...
Одобренный весёлым светлым днём,
Румяным и торжественным рассветом,
Я выносил без страха барса гнев,
Но новый ужас ждал меня при этом:
Передо мной вдруг оказался лев.

Назад закинув голову, он гордо
 Шёл на меня – стоял я присмирив.
 Смотрел в глаза так алчно он и твёрдо,
 Что я, как лист, затрепетал тогда,
 Гляжу: за ним видна волчицы морда.
 Она была до ужаса худа:
 Ненасытимой жадностью, казалось,
 Волчица подавляема всегда.
 Уже не раз перед людьми являлась
 Она, как гибель их... В меня она
 Чудовищными взглядами впивалась,
 И стала вновь отчаянья полна
 Моя душа. Исчезла та отвага,
 Которая вести была должна
 Меня на верх горы. Как жадный скряга
 Рыдает, потерявши капитал,
 В котором видел счастье, жизни благо,
 Так перед диким зверем я рыдал,
 Путь пройденный теряя шаг за шагом,
 И снова вниз по крутизне сбегал
 К тем безднам и зияющим оврагам,
 Где блеска Солнца видеть уж нельзя,
 И ночь темна под вечно чёрным флагом.
 С стремнины на стремнину вниз скользя,
 Я человека встретил той порою.
 Безмолвие собой изобразя,
 Он словно так приучен был судьбою
 К молчанию, что голос потерял.
 Увидев незнакомца пред собою
 В пустыне мёртвой, громко я воззвал:
 «Кто б ни был ты – живой иль привидение,
 Спаси меня!» И призрак отвечал:
 «Когда-то был живое я творенье,
 Теперь перед тобой стоишь мертвец,
 Я в Мантуе рождён в одном селенье,
 В Ломбардии жил прежде мой отец.
 Жизнь начал я при Юлии и в Риме
 В век Августа жил долго, наконец,
 Когда богами ложными своими
 Считали люди идолов. Тогда
 Я был поэт, писал стихи и ими
 Энея воспевал и те года,
 Когда распались стены Илиона...
 А ты зачем стремишься вниз сюда,
 В обитель скорби, скрежета и стона?
 Зачем с пути к жилищу вечных благ
 Под благодатным блеском небосклона
 Стремишься к тьме неудержимо так?
 Иди вперёд и не щади усилий!»
 И, покраснев, ему я сделал знак
 И спросил: «Ужели ты, Вергилий,
 Поэтов всех величие и свет?
 Пусть о моём восторге и о силе
 Моей любви к тебе, святой поэт,
 Расскажет слабый труд мой и творенья,
 И то, что изучал я много лет
 Великие твои произведенья.
 Смотри: я перед зверем трепещу,
 Все жилы напряглись. Ищу спасенья,
 Певец, твоей я помощи ищу».
 «Ты должен поискать пути иного.
 И этот путь я указать хочу, –
 Услышал я из уст поэта слово, –
 Знай, страшный зверь-чудовище давно
 Путь этот заграждает всем сурово

И губит и терзает всех равно.
 Чудовище так жадно и жестоко,
 Что вечно не насытится оно
 И жертвы рвёт в одно мгновенье ока.
 К нему на смерть несчётное число
 Творений жалких сходит издалёка, –
 И долго будет жить такое зло,
 Пока Пёс ловчий с зверем не сразится,
 Чтобы вредить уж больше не могло
 Чудовище. Пёс ловчий возгордится
 Не жалким властолюбием, но в нём
 И мудрость, и величие отразится,
 И родиной его мы назовём
 Страну от Фельтро и до Фельтро. Силы
 Италии он посвятит, мы ждём,
 Что с ним опять воспрянет из могилы
 Италия, где прежде кровь лилась,
 Кровь девственной воинственной Камиллы
 Где Турн и Нис нашли свой смертный час.
 Преследовать от града и до града
 Волчицу эту будет он не раз,
 Пока её не свергнет в кратер ада,
 Была откуда изгнана она
 Лишь завистью... Спаси тебя мне надо
 От этих мест, где гибель так верна,
 Иди за мной, тебе не будет худа,
 Я выведу, – на то мне власть дана, –
 Тебя чрез область вечности отсюда,
 Чрез область, где услышишь ты во мгле
 Стенания и вопли, где, как чуда,
 Видения умерших на земле
 Вторичной смерти (то есть небытия)
 ждут и не дождутся
 И от мольбы бросаются к хуле.
 Потом перед тобою пронесутся
 Ликующие призраки в огне,
 В надежде, что пред ними распахнутся,
 Быть может, двери в райской стороне
 И их грехи искупятся страданьем.
 Но если обратишься ты ко мне
 С желанием в раю быть, – тем желаньем
 Давно уже полна душа моя, –
 То есть душа другая: по деаньям
 Она меня достойнее, и я
 Ей передам тебя у райской двери
 И удалюсь, печаль свою тая.
 Я был рождён в иной и тёмной вере,
 К прозрению не приведён никем,
 И места нет теперь мне в райской сфере,
 И я пути не укажу в Эдем.
 Кому подвластны Солнце, звёзды эти,
 Кто царствует в веках над миром всем,
 Того обитель – рай... На этом свете
 Блаженны все, Им взысканные!» Стал
 Тогда искать опоры я в поэте.
 «Спаси меня, поэт! – я умолял, –
 Спаси меня от бедствий ты ужасных
 И в область смерти выведи, что б знал
 Я скорбь теней томящихся, несчастных,
 И приведи к священным тем вратам,
 Где Пётр Святой обитель душ прекрасных
 Всё стережёт. Я быть желаю там».
 Мой проводник вперёд шаги направил,
 И следовал я по его пятам.

Жорес ТРОФИМОВ, писатель, краевед, кандидат исторических наук.

Родился 15 августа 1924 г. в г. Могилёве. Окончил Харьковское военное авиационное училище связи в 1944 г. Служил командиром радиовзвода в 11-й Воздушной армии (Закавказский фронт). Войну закончил в Ленинкане. В 1967 г. защитил кандидатскую диссертацию, служил на преподавательских должностях в Ленинграде и на курсах «Выстрел». В Ульяновск переехал в 1975 году. Автор более 40 документальных книг о Симбирском-Ульяновском крае.

«ЖИЛ И ПЕРЕВЕЛ... ДАНТЕ»

Страницы книги Ж. Трофимова «Симбирск литературный. Поиски, находки, исследования»

В отделе редких книг Ульяновской областной научной библиотеки им. В.И. Ленина имеется немало уникальных произведений с автографами Н.М. Карамзина, Н.М. Языкова, И.А. Гончарова, П.В. Анненкова и других наших земляков-писателей, даривших свои творения известной всей России Карамзинской общественной библиотеке. Среди этого бесценного богатства мое внимание не раз привлекали три больших тома в роскошных переплетах «Божественной комедии» Данте Алигьери с великолепными иллюстрациями Гюстава Доре в переводе Дмитрия Дмитриевича Минаева: уж очень необычны как история этого перевода, так и появление трилогии в нашей публичке.

«Божественная комедия» Данте

* * *

Переводы всемирно известной поэмы, в которой Данте как бы совершает фантастическое путешествие по трем легендарным царствам загробного мира — Аду, Чистилищу и Раю, предпринимались в России начиная с 1820-х годов неоднократно. Но только в 1855 году Д.Е. Мину (медику по профессии) удалось опубликовать свой стихотворный перевод «Ада». Правда, этот добросовестный труд был выполнен несколько тяжеловесно и недостаточно поэтично. Поэтому известный петербургский книгоиздатель Маврикий Осипович Вольф, желая повторить в России громадный успех, выпавший в Париже на долю издания «Божественной комедии» с великолепными иллюстрациями Гюстава Доре, обратился к Дмитрию Дмитриевичу Минаеву с предложением перевести гениальную поэму Данте с тем, чтобы издать ее столь же роскошно на русском языке.

Предприятие это было очень дорогостоящее, и, естественно, возникает вопрос: почему многоопытный книгоиздатель обратился именно к Дмитрию Дмитриевичу, а тот взялся за столь грандиозное дело? Ответ прост. Вольф уже имел дело с изданием произведений Минаева, знал его как непревзойденного версификатора и отличного переводчика, скажем, байроновского «Манфреда». Дмитрию Дмитриевичу, в свою очередь, было лестно получить такой из ряда вон выходящий, увлекательный заказ, при выполнении которого можно было испытать все свои способности, да и поправить свой тощий бюджет, и он дал добро.

С.Ф. Либрович в своей книжке, посвященной памяти М.О. Вольфа, утверждает, что Д.Д. Минаев выполнял и этот заказ обычным, мол, способом: «заказывал переводы прозою, а затем этот прозаический перевод переделывал в стихи, как он говорил, «переводил сухую прозу в звучную поэзию». Для переводных работ, — пояснял он, — имелась у Минаева помощница, на обязанности которой лежало переводить стихи буквально, и затем в то время, когда Минаев «переделывал их в поэзию», — читала вслух подлинник. Минаев утверждал, что этим путем он всегда удачно улавливает «музыку подлинного стиха».

Возможно, что такие эпизоды имели место, но утверждения Либровича, что поэт «не знал ни одного слова по-итальянски и вообще не знал ни одного иностранного языка», — это если не намеренная ложь, то — неправда. Известно, что даже дома, с женой, Дмитрий Дмитриевич иногда говорил на французском языке, который знал превосходно. Писатель-симбирянин Г.Н. Потанин, вспоминая свои занятия с Митей Минаевым, упоминает об уроках латыни и греческого, которые он давал ему дома. Иностранные языки довелось изучать Дмитрию Дмитриевичу и во время учения в столичном Дворянском полку.

Вопреки легендам и мифам Дмитрий Дмитриевич отнесся к переводу «Божественной комедии» с максимальной добросовестностью и первым в России все-таки перевел всю эту поэму, и в стихах. Конечно, не сразу: через пять лет работы Дмитрий Дмитриевич сдал М. Вольфу только первую часть — «Ад».

Вначале духовная цензура не хотела даже читать рукопись, находя уже одно заглавие «Божественная комедия» кощунством. Пришлось Вольфу представить обер-прокурору святейшего Синода графу Д.А. Толстому «докладную записку», в которой указывалось, что о поэме Данте, воспроизводящей средневековые легенды, читается специальный курс в Петербургском университете и т. п.

В конце концов разрешение на издание было дано, но с условием, что цена его будет не ниже 20 рублей и книга, таким образом, будет недоступна широкому читателю. Само собой разумеется, что Вольфу пришлось выложить кругленькую сумму парижскому издателю Мамону — собственнику рисунков Г. Доре. И, несмотря на все эти сложности, в 1874 году первый том «Божественной комедии» Данте — «Ад» с 77 рисунками Доре в богатом шагреневом переплете по цене 20 рублей был издан в Петербурге Товариществом М.О. Вольфа. А в марте 1876 года, то есть менее чем через два года, подписчики получили и «Чистилище».

Вот как отозвались на эту новинку «Биржевые ведомости» 23 декабря 1876 года в разделе «Книги для праздничных подарков»: «Передо мной лежит второй том, заключающий в себе «Чистилище». Перевод сделан г. Минаевым. Не будучи знаком с подлинником, я не берусь судить о верности перевода, но могу только сказать, что читается он очень легко. г. Минаев, как известно, выработал себе прекрасный стих... Очень желательно было бы, чтобы г. Вольф довел дело до конца и чтобы мы имели его «Божественную комедию» в русском переводе (до сих пор существовал у нас только перевод «Ада») и притом с гениальными рисунками Доре».

Казалось бы, литературоведы должны были восхищаться, по крайней мере, быстротой, с которой Дмитрий Дмитриевич как первопроходец выполняет взятое на себя небывалое обязательство. Однако упомянутый выше С. Либрович 35 лет спустя в своей книжке тиражирует байку о том, что Минаев, мол, «страдал очень распространенной среди русских даровитых людей болезнью» и Вольфу иногда приходилось помешать поэта в свою квартиру, чтобы он здесь, под надзором, продолжал перевод «Божественной комедии». В. Дмитриев в «Литературной России» (1978, 24 ноября) для большей убедительности в приверженности Дмитрия Дмитриевича «службе Вакху» приводит его записку в марте 1876 года Вольфу: «Я прошел по всем кругам «Ада», пробрался через «Чистилище, но у врат «Рая» для меня воздвиглась временная преграда». А также делает свое заключение: «Только в 1879 году «Божественная комедия» появилась на свет, претерпев немало придирок и от цензуры».

В действительности же (исключая отдельные срывы, обусловленные неудачно сложившейся семейной жизнью) Дмитрий Дмитриевич за 10 лет добросовестнейшего труда выполнил стихотворный перевод гениального литературного памятника и имел основания считать его своим литературным подвигом. Примечательна в этом отношении его записка к Вольфу после того, как вся трилогия «Ад»,

«Чистилище» и «Рай» — разошлась по России: «Когда я умру, пусть мне в гроб вместо подушки положат три тома «Божественной комедии», а на могиле соорудят памятник с надписью: «Жил и перевел на русский язык Данте».

Так уж получилось, что престарелый книгоиздатель почил в 1884 году и минаевское полушутливое завещание осело в личном архиве М.О. Вольфа, а в Симбирске, куда летом 1887 года тяжело больной почками поэт вернулся в надежде подлечиться «воздухом родины», содержание его вряд ли было известно даже его гражданской жене Е.Н. Худыковской. Но все три авторских тома в особо роскошном шагреневом переплете Дмитрий Дмитриевич привез в Симбирск, и они заняли почетное место в книжном шкафу его кабинета в домике, приобретенном на Солдатской улице.

Отдел редких книг

В конце 1888 года, опасаясь, что может не выдержать очередного приступа брайтовой болезни, поэт решает подарить перевод дантевской трилогии дорогой его сердцу Карамзинской общественной библиотеке (он и в 1860-х годах жертвовал сюда книги). Но и в невыносимо грустный час расставания со своим детищем Дмитрий Дмитриевич сохранил завидное самообладание, широту своей натуры, человеколюбие.

Стараясь не допустить превращения своего подарка в музейную редкость, он сопроводил его следующей примечательной запиской: «Принося в дар Симбирской Карамзинской библиотеке роскошное иллюстрированное издание «Божественной комедии» Данте в своем переводе (три тома), при этом позволю себе выразить желание, чтобы эти книги были общедоступными решительно для всех желающих с ними познакомиться». Трудно сказать, насколько пунктуально на деле выполнялось это неременное условие поэта-демократа, но все три тома «Божественной комедии» находятся в довольно хорошем состоянии и хранятся в застекленном шкафу, откуда извлекаются либо для демонстрации на какой-нибудь выставке в отделе редких книг, либо выдаются для ознакомления на месте лишь лицам, занимающимся научной работой. И это разумно — только при таком бережном порядке пользования драгоценный дар Дмитрия Дмитриевича Минаева может сохраниться на века для грядущих поколений.

Надо надеяться, что настанет и такой момент, когда в том или ином виде появятся копии «Божественной комедии» в переводе нашего замечательного земляка и любой желающий сможет познакомиться с гениальной поэмой Данте. Это необходимо и для того, чтобы иметь возможность самому сравнить перевод Минаева с позднейшими и убедиться в справедливости слов знаменитого библиофила Н.А. Рубакина по поводу этого издания: «Переводчик мало придерживался подлинника. Перевод потерял в точности, но выиграл относительно удобочитаемости». Для того, кто захочет осилить «Божественную комедию» Данте, — это немаловажное достоинство.

Александр ЛАЙКОВ, член Союза писателей и Союза журналистов России, лауреат литературной премии им. Николая Благова.

СОХРАНИМ ПАМЯТЬ КОРОЛЯ РИФМЫ

Дом Минаева в Ульяновске – памятник истории и культуры общероссийского значения. В нём с 1887-го по 1889 год жил и умер поэт-сатирик, король рифмы, талантливый драматург и переводчик, мастер эпиграммы, каламбура и фельетона в стихах Дмитрий Дмитриевич Минаев. Помните?

Область рифм – моя стихия,
И легко пишу стихи я.
Без раздумья, без отсрочки
Я бегу к строке от строчки,
Даже к финским скалам бурым
Обращаюсь с каламбуrom.

В год, объявленный Годом литературы в России, Дмитрий Минаев вошёл в число «Двенадцати симбирских литературных апостолов», проект которого реализуется в Ульяновской области. Осенью грядёт очередная юбилей – 180 лет со дня рождения поэта. Надеюсь, что общественность Ульяновска и все, кому дорого имя нашего великого земляка, достойно отметят эту памятную дату.

Напомню, что Дмитрий Минаев родился 2 ноября 1835 года в небогатой семье строевого офицера (позднее — военного чиновника) и литератора Д.И. Минаева. Дмитрий Иванович писал стихи, о которых сохранился отзыв В.Г. Белинского, и опубликовал свою обработку «Слова о полку Игореве». Мать Минаева — симбирская дворянка Е.В. Зимнинская, получившая хорошее образование, владела несколькими иностранными языками. Дмитрий, по свидетельству домашнего учителя Г. Н. Потанина, ещё ребенком знал много стихов, «чутко их понимал и временами силился так же торжественно читать их, как читал его отец».

Я не буду пересказывать биографию поэта – она хорошо известна. Напомню только, что в 1857 году в чине коллежского регистратора Дмитрий Минаев вышел в отставку и полностью посвятил себя литературному творчеству. Воспитанный в семье демократически настроенного русского офицера, Дмитрий Минаев занимал левые радикально-демократические позиции. Эти взгляды мало изменились в течение всей жизни поэта. В своих произведениях он примыкал к некрасовской школе, выражал сочувствие угнетённой деревне, обличал вороватых чиновников, бюрократов, казнокрадов, взяточников, консервативную печать и цензуру; высмеивал и пародировал поэтов «чистого искусства»: А.А.Фета, А.Н. Майкова, Н.Ф. Щербину, В.В. Крестовского и других.

Вот его пародия на знаменитое стихотворение Афанасия Фета «Шёпот. Робкое дыханье. Трели соловья...»:

Дом Минаева

Холод, грязные селенья,
Лужи и туман,
Крепостное разрушенье,
Говор поселян.

От дворовых нет поклона,
Шапки набекрень,
И работника Семена
Плутовство и лень.

На полях чужие гуси,
Дерзость гусенят,
Посрамленье, гибель Руси,
И разврат, разврат!..

Большой резонанс в обществе получили сатирическое стихотворение Дмитрия Минаева «У нас бульвар устроили» и, особенно, поэма «Губернская фотография». В этой поэме поэт сделал больше ста «снимков» – сатирических портретов горожан, едко высмеивая при этом уродливые стороны провинциальной жизни, «отчизны вони, грязи, сплетен». Полный текст поэмы, получившей в Симбирске широкое распространение в списках, «вызвал целую бурю» в городе, его «вся губерния читала и декламировала» (Никольский Н. // Симбирские губернские ведомости. – 1899. – № 47). Здесь уместно представить хотя бы начало и отрывки из этой поэмы:

О, муза волжская! Садись-ка
И, не стыдясь, без покрывал
Всем обитателям Симбирска
Сложи пристойный мадригал.
Воспой помещицы заразы,
Землевладельцев плач и гам,
И наших барышень проказы,
И прогрессивность наших дам...
Воспой все редкости Юрлова
И оскопленный наш бульвар,
Гальванопластику Бычкова,
Театр, два клуба и базар.
Почти клубок архиерея
И шлейф игуменьи-брюзги,
Житьё Фатьянова Андрея

И всех Бестужевых мозги;
 Отчизну воблы, грязи, сплетен,
 Где Тумский – верен старине,
 Где наш соборный поп Охотин
 Кадит Христу и сатане.
 Давно, по милости Зевеса
 Переступив через порог,
 Тень современного прогресса
 Зашла в наш тихий городок.
 ... Мне мил наш город! Там не знают,
 Как обойтись без карт и сна,
 Там и дивят, и поражают
 Всех шаровары Фомина..
 ...Пока довольно! Берег! Берег!..
 Но я боюсь, не без причин,
 От дам дожидаться лишь истерик
 И грозной брани от мужчин.
 Хоть в нашей жизни тёмных пятен
 Нашёл я много, господа!..
 Но всё же «сладок и приятен
 Нам дым отечества» всегда.

Некоторое время, с января 1862 года, Дмитрий Минаев редактировал журнал «Гудок», в котором опубликовал в неполном варианте эту поэму. Поэт активно сотрудничал в демократических журналах, в том числе в «Современнике», «Русском слове», «Искре», где развернулось дарование Минаева как поэта-сатирика. С 1865-го он находился под негласным надзором полиции, а весной 1866 г. после каракозовского выстрела был арестован и на два месяца заключен в Петропавловскую крепость – за сотрудничество в изданиях, «известных своим вредным направлением», как следует из материалов следственной комиссии по делу о покушении на Александра II.

Дмитрий Минаев был необычайно плодовит, публиковался под десятками различных псевдонимов, обладал редкостным даром версификатора, практически мгновенно откликался на события и явления современной ему эпохи. Он славился как король рифмы, мастер эпиграммы, пародии, каламбура и фельетона в стихах — жанра, именно им утвержденного в русской поэзии.

Все темы передовой журналистики 60-х годов позапрошлого века представлены в его поэтическом творчестве. Об угнетенных мужиках, о нищете русской деревни говорит «Сказка о восточных послах» с ее известным рефреном: «Это ли русский прогресс?» — «Это, родимые, это!...». Объектами сатирических разоблачений Дмитрия Минаева были либеральные болтуны, на словах пекущиеся о «бедном брате» («Насущный вопрос»), поклонники «полупрогресса, полусвободы, полумер» («Ренегат»), реакционные поэты, защитники «чистого искусства» («Лирические песни без гражданского отлива»), бюрократы и чиновные мошенники, царская цензура, преследующая сатириков («В кабинете цензора», «Юмористам»). Поэт язвительно критиковал славянофилов, воспевающих долготерпение народа, и, подобно Н.А. Некрасову, выражал скорбь по поводу пассивности крестьянской массы («Старые сказки на новый лад», «Сон великана»). В литературно-художественных кругах его знали как автора колких эпиграмм на вся и всё, как человека, способного написать мгновенно и без помарок сатиру в несколько десятков строк. Прекрасное знание жизни, начитанность, эрудиция, природное чув-

ство юмора, изумительное версификаторство ввели Минаева в сферу злободневности и выработали из него находчивого полемиста, автора бесчисленных каламбуров и рифм.

Справедливости ради следует сказать, что не всё удавалось Дмитрию Минаеву. Так, ни одна из его комедий не пользовалась успехом на сцене, неудачными были сказки для детей в стихах, а некоторые переводы с подстрочников из Байрона, Шелли, Мольера, Гюго, Гейне, Данте имели гладкую стихотворную форму, но часто далеку от подлинника.

Современники упрекали поэта в том, что он растворял свой талант в море злободневности и острословия, сочинял порой легковесные и грубоватые пародии, не всегда справедливые эпиграммы. Однажды один маститый, но бездарный писатель упрекнул Дмитрия Минаева за то, что тот базарит себя на мелочи, — и сразу получил ответ:

Ты истину мне горькую сказал.
 И все-таки прими за это благодарность:
 На мелочи талант я разменял,
 А ты по-прежнему всё крупная бездарность...

Многие стихи, каламбуры и эпиграммы Дмитрия Минаева пережили поэта. Они не только остроумны, оригинальны, но и удивительно животрепещущи и актуальны в наше время. Вот, например, из его «ЗОЛОТОГО ВЕКА (Октавы)»:

IV
 Живем мы в век «отчетностей» и съездов,
 Общественных, обедненных речей,
 Манифестаций шумных у подъездов
 И экономной топки для печей,
 Прогресса всех губерний и уездов,
 Где что ни шаг, то всюду для очей
 «Отрадное и светлое явление»,
 Достойное похвал и умиления.

Или вот, просто пророческое!

Великий Петр уж давно
 В Европу прорубил окно,
 Чтоб Русь вперед стремилась ходко.
 Но затруднень лишь одно –
 В окне железная решётка.

Так мог написать и современный поэт про западноевропейские санкции в отношении России. Разве нет?!

Однажды в ресторане Дмитрий Минаев обратил внимание на вызывающе декольтированных дам. Поэт малость подумал и выдал:

Модисткам нынче дела мало.
 На львиц взгляните городских.
 Когда-то мода одевала,
 А нынче... раздевает их.

Интересно, что бы сказал Дмитрий Дмитриевич, увидев полностью обнаженных див на обложках современных глянцевого журналов?!

А следующее стихотворение, которое написано ещё в 1887 году, я вообще считаю гениальным.

Он знает, где зимуют раки,
 Как кошки, видит всё во мраке
 И, чужая носом капитал,-
 Пришел, увидел и украл.
 Как говорится, без комментариев.
 И такими меткими и едкими строками наполне-

но всё творчество Дмитрия Минаева.

Большую часть жизни Дмитрий Минаев провёл в Петербурге, а в 1887 году вернулся в Симбирск. Поэт тяжело болел и приехал в город детства «отдыхать и лечиться воздухом родины». К этому времени никого из родных у него в Симбирске не осталось. Дмитрий Дмитриевич купил дом с видом на Свягу на Нижне-Солдатской улице. В небольшом – в три комнаты – строении он жил вместе с гражданской женой, верной его подругой Екатериной Николаевной Худяковой. Дом окружал уютно ухоженный сад, имелись надворные постройки. Здесь, вдали от суеты, почти на окраине провинциального Симбирска, в тишине и единении с природой, наш выдающийся земляк провёл последние годы своей жизни...

Современная улица Минаева в дореволюционном Симбирске имела примерно такую же протяжённость – начиналась от нынешней площади 30-летия Победы и «упиралась» в свияжский берег, делилась на Верхне-Солдатскую и Нижне-Солдатскую улицы. Через несколько лет после смерти поэта Солдатскую переименовали в Минаевскую, а позже в улицу Минаева. Так симбиряне увековечили память своего земляка.

Дом Минаева сохранился и мог бы стать ещё одним литературным музеем, точкой притяжения туристических маршрутов Ульяновска. Сегодня это печальная достопримечательность города, один из самых проблемных объектов культурно-исторического наследия Симбирского края.

С момента постройки и до сегодняшнего дня дом «натерпелся». В 60-х годах прошлого века его разбирали, спустя 10 лет собрали вновь, но переместили вглубь улицы Минаева. Мало того, что «спрятали» за многоэтажками (изначально дом стоял на бровке и хорошо просматривался с дороги), так ещё и «посадили» на коллектор парового отопления. Пар не щадил деревянное строение, и, чтобы сохранить здание, его снова перенесли – на несколько метров в сторону.

Сейчас дом Минаева имеет статус памятника регионального значения. Это значит, что строение нельзя снести или как-то изменить его внешний облик. Но по большому счёту охраняются сейчас только стены, спрятанные от любознательных глаз в тени деревьев и домов и ветшающие с каждым годом.

Одно время, в прошлом веке, здесь располагалась Ульяновская областная организация Союза писателей РСФСР, затем – физкультурно-спортивный клуб «Урожай».

«Сам же дом находится в весьма плачевном состоянии: перекошены полы, подвал периодически затопляется, потолок протекает. Спортивный клуб своими силами ремонтирует коммуникации, чинит крышу и делает косметический ремонт, но этого явно недостаточно», – ещё в январе 2013 года отмечала УЛПРЕССА, об этом же писала газета «АиФ в Ульяновске».

Общественность была тревогу, по этому поводу состоялось несколько заседаний комиссии Общественной палаты Ульяновской области. А воз и ныне там. Сегодня дом Минаева пустует, он вообще как бы бесхозный.

Власти города и области тратят огромные деньги для проведения различных культурно-просветительских мероприятий и проектов. Будем объективны, многие из них действительно нужны и важны для нашего региона. Однако, реализуя престижные проекты, исполнительная власть и депутаты всех уровней

почему-то забывали о судьбе дома нашего великого земляка Дмитрия Дмитриевича Минаева.

Правда, в предвыборный период, как это нередко бывает, проблема сохранения дома Минаева получила новый импульс. Газета «Город на семи ветрах» сообщила: «20 августа 2015 года администрация г. Ульяновска объявила о своем намерении передать дом, в котором жил Минаев, в пользование объединению офицеров «Защита» (председатель – Александр Логинов). Он сказал: «Мы в «Защите» не допустим сноса, а значит, будем восстанавливать...»

Эта проблема волнует и депутата Ульяновской городской думы Владимира Фадеева. «Необходимо как можно скорее выработать предложения по дальнейшей судьбе дома Минаева и вынести все возможные варианты на широкое обсуждение! Если сегодня закрыть глаза на проблему, просто пройти мимо, то завтра мы потеряем это уникальное здание, – говорит Владимир Фадеев. – То, что оно простояло до наших дней, – уже большая удача. И наш долг перед будущими поколениями восстановить историческую справедливость, сохранить память о выдающемся земляке Дмитрие Дмитриевиче Минаеве, а для этого восстановить дом, в котором он провёл последние годы своей жизни».

А не так давно известный краевед Жорес Трофимов обнаружил уникальные архивные документы и план дома. «Есть подробные описания, если взяться, то при желании к юбилею Дмитрия Дмитриевича Минаева, можно восстановить этот дом, – уверен Жорес Александрович. – Это историческое здание, его надо охранять. Но важно ещё вынести его на бровку, где он и должен быть, чтобы дом был вновь виден всем проезжающим».

Вновь перенести дом или оставить его на месте, привести в порядок территорию вокруг и просто поддерживать в нормальном состоянии, подкрашивая фасад, или же восстановить внутреннее убранство и организовать там музей Минаева? Всё это сложные вопросы, требующие серьёзной проработки. Главное, не оставить дом поэта на произвол судьбы, а, объединив усилия, восстановить его. Восстановить, чтобы незаслуженно забытое имя выдающегося земляка снова ожило в памяти ульяновцев, а наши дети и внуки знакомились с его биографией не только по страницам учебников краеведения, но и во время посещения дома-музея Дмитрия Дмитриевича Минаева.

Дмитрий Минаев был похоронен рядом с отцом, тоже поэтом, на кладбище Сошествия Святого Духа, которое впоследствии получило в народе название Минаевского. В 50-е годы это кладбище в связи со строительством Куйбышевского водохранилища попало под подтопление. По инициативе писателя, литературоведа, кандидата филологических наук Петра Бейсова в 1954 году могилу Минаевых перенесли на городское кладбище (ныне это Воскресенский некрополь на ул. Карла Маркса).

«Минаев – общероссийская величина! Восстановление дома поэта, этого исторического здания, должно стать общим делом», – считает известный ульяновский краевед Жорес Александрович Трофимов.

Хорошо бы вместе с этим благим делом в юбилейный для поэта год привести в порядок могилу и надгробие Минаевых на городском кладбище Ульяновска.

Григорий МЕДВЕДОВСКИЙ (творческий псевдоним Георгий Матвеев), родился в 1946 году в городе Рубцовске Алтайского края в семье служащего. Окончил факультет журналистики Московского государственного университета (1974). Работал на радио и телевидении в Ульяновске (1974—90), в Ульяновской библиотеке для детей и юношества. Написал историю Ульяновского автозавода, высшего авиационного училища гражданской авиации, нескольких других предприятий и организаций города. С 1981 года печатался как сатирик в «Литературной газете», многих периодических и литературных изданиях Поволжья и России. Автор около 40 книг стихов и прозы, изданных в Саратове, Москве и Ульяновске: «В таком разрезе» (1986), «Прививка на себе» (1992), «Гороскоп на год Собаки» (1994), «Лирика и сатира» (1996), «Сантехник человеческой души» (1997), «Над кем смеётся?» (1999), «Над собой смеётся!» (2001), «Смеяться только и осталось» (2004), «Старые песни о... новом» (2005), «Года велели перейти на прозу» (2011) и др. Член Союза журналистов СССР (1980) и Союза российских писателей (1993). Живёт в Ульяновске.

УРОКИ МИНАЕВА

Главы из поэмы

САТИРА ... беспощадное, уничтожающее переосмысление объекта изображения (и критики), разрешающееся смехом; специфич. способ худож. воспроизведения действительности, раскрывающий её как нечто превратное, несообразное, внутренне несостоятельное.

Литературный энциклопедический словарь

*В России нет ничего серьёзного,
кроме самой России.
Фёдор ТЮТЧЕВ*

Ах, эти взоры, и уста, и плечи,
Достойные сонетов и поэмы!..
Вас лирик вновь спешит увековечить
Как все ещё волнующую тему.
Прикосновенья, жаркие до зноя,
Объятия, исполненные пыла..
Увы, ничто не ново под луною –
Всё это было, братцы, ох как было!
Но кто поэта упрекнёт напрасно,
Кто пламенного лирика остудит?
Ну было, есть – так это и прекрасно,
А главное, что это вечно будет!
...Но есть и зло, что всё сиянье мира
Стремится опорочить и обгадить..
Так неужели грозная сатира
С такой бедою не сумеет сладить?
Она ж веками опыт шлифовала,
Ковала и отгачивала жало,
Чтоб нечисть вся от страха подвывала
И дьявольское воинство бежало.
Всех заклеимит, кто Богу не покорен,
Всеми воздаст, что с честью несовместно,

И разгильдяйство выведет под корень,
И воровство изгонит повсеместно!
Но и сечёт – а свищут плети мимо,
И тужится – а зло не убывает..
Так, может, и оно неистребимо,
Как всё, что нежный лирик воспевает?
Ужели на истоптанной планете
Незыблемый закон неведом людям:
Убудет чуть прекрасного на свете –
Как столько же премерзкого прибудет?
Да кто там слушал мудрые советы,
Кто извлекал хоть что-то из уроков?
И стоит ли выхватывать приметы,
Когда цветут носители пороков?
Живут себе и жаждут проявиться,
Какие б ни случались перемены,
Под горький смех всеведущих провидцев
И хиханьки с эстрады современной.
Века уходят с их гнильём и дымом.
Пусть не войти в одну и ту же реку,
Но в наших днях присутствует незримо
Сатирик девятнадцатого века...

* * *

*Завидую внукам и правнукам нашим, которым
суждено видеть Россию в 1940 году, стоящую во
главе образованного мира, дающую законы и науке,
и искусству и принимающую благоговейную дань
уважения от всего просвещённого человечества...*

В. Г. БЕЛИНСКИЙ

Среди штормов, и рифов, и пираний,
С чем вольно или невольно был знаком,
В минаевском словесном океане
Белинский стал заметным маяком.
...Сегодня вспомнил старшекласник-нытик,
Когда учитель двойкой пригрозил:
- А, ну Белинский – это типа критик,
Но Пушкина он вроде не «грузил»...
Ах, если б ныне страсть его и горечь
Зажгли эпохи скукоту и лень!
Увы, никак Виссарион Григорыч
Не впишется в наш равнодушный день.
А критика тогда – ничуть не вздохи
По горестям, что этот век несёт,
Не ругань – а «сознание эпохи»,
Потребность эстетических высот.
Борьба с подбострастной конъюнктурой
За истину, достоинство и честь,
Метания: от «Нет литературы!»
До торжества: «Литература есть!»
Дуэль в печати с теми, кто вульгарен,
Хоть скрыт за вереницей ярких слов:
Маститый Греч, всеведущий Булгарин,
Неутомимый критик Шевырёв...
Конечно, жить, мечтая, – это мило,
Но гнев нисходит к яростным устам –
И надо снова сечь славянофилов
И Гоголя – по «Выбранным местам...»
Не ради славы или скорых денег
Нести ещё горячих строчек сноп
И в Пушкиным рождённый «Современник»,
И в быстренько прикрытый «Телескоп».
Закреть – и баста, долго не гадая.
Известно – горе, если кто с умом!
А тут и подвернулся Чаадаев
С его «Философическим письмом».
Жестокий век, исполненный нападок,
«Неистовому» воздавал сполна.
Но, если «дым Отечества» не сладок,
Его ль ума и вкуса в том вина?

Нет, прессою, как прессом, не сминаем,
Из клеветы и грязи он восстал –
И не случайно именно Минаев
Ему очистил должный пьедестал.
По времени тому – поступок дерзкий,
Но это право честного борца.
За ним стояли Герцен с Чернышевским
И давняя привязанность отца...
Как важно им признания добиться,
Своею верой истово горя –
И тем, кто к революциям стремится,
И тем, кто лижет батюшку-царя.
...О, нынешний отвязанный тинейджер,
Не догонявший к чтению любовь,
Мобильник на тебе висит и пейджер,
И всё-то «отлетает от зубов».
Дисплеи у тебя перед глазами,
В обрыдшей школе – новомодный крест
Единый государственный экзамен
И разума не выявивший тест.
Но, сквозь пособий хиленькую призму
Узрев предмет, ты отчеканить рад:
– Белинский – теоретик реализма
И революционный демократ!

* * *

*Когда я был царём российским,
Реформ я много затевал,
И что давал одной рукою –
Другую тотчас отнимал.*

Дмитрий КЛЕМЕНЦ

*Крестьянский вопрос поднял всё на ноги,
всё затушил и поглотил собою, многие с
ума сошли, многие умерли...*

Из письма симбирского помещика

*Никакое перо не в состоянии описать тот
восторг, с которым освобождённый народ
встретил своего царя-освободителя.*

Свидетельство современника

*Только у диких и дряхлых народов
история пробивается убийствами.*

А.И. ГЕРЦЕН

Столь рьяной охоты ещё не бывало –
Как будто висел роковой приговор...
Об этом царе говорили немало,
О нём говорят и до нынешних пор.
Великим ли был для России он даром?
Трагична судьба его и не проста –
Но бронзовый памятник, видно, недаром
Воздвигли недавно у Храма Христа...
Да, был и неглупый, и обликом броский
(Спешите описать, современный Плутарх!)
Ну как же – воспитан поэтом Жуковским
Гуманнейший и просвещённый монарх!

Но барин всевластный, России основа –
И вдруг – без крестьян... Что же будет потом?
Да как это – права лишит крепостного,
Пусть прежде уже рассуждали о том?
Кому-то – лафа, а кому – окаянство:
«Великая цепь» оборвалась – беда!

Ещё и к тому ж разорилось дворянство,
 Что было опорой трона всегда.
 А кто адюльтеры припомнил некстати,
 Мол, дам-фавориток как будто не счесть...
 Но даже роман с Долгорукою Катей
 Не слишком затмил высочайшую честь.
 Да, общая преданность светит едва ли
 Среди миллионных мятущихся масс,
 Но вроде бы тише при нём воевали
 Балканы и турки, мятежный Кавказ.
 И, стойко презрев ретроградных уколы,
 Опять будоражил чиновный народ,
 Для воинства, земства, юстиции, школы
 Реформы скорей выводя из ворот.
 (Увы, радикальных подвижек процессы –
 Всегдашних сатириков сладостный корм:
 Не столь уж народу близки интересы
 И тех, и сегодняшних наших реформ...)
 Конечно, ума в том побольше, чем сердца,
 А всех, кто не с ним, не поставишь во фронт...
 Пускай не близки Чернышевский и Герцен –
 Но кто затевает немедленный бунт?

Не зря говорили, как будто Кассандра
 (Гадалку французскую так окрестим)
 Пророчила лютым врагам Александра
 В семи покушеньях его извести.
 Но дни его не были кровью политы.
 Сквозь рифы реформ и чиновничью гарь
 Шёл с миром, по мнению света и свиты, –
 В династии самый «нецарственный» царь.
 А рок становился всё больше нахмурен,
 Всё меньше вникая в значение дел.
 Последуют Фигнер, Желябов, Халтурин...
 И бомба, что жизни положит предел.

* * *

Чреда покушений готовится быстро,
 И всё горячее убийства азарт.
 Но первым звучит каракозовский выстрел,
 И царь поглядит террористу в глаза.
 Студенту плевать на велье законов.
 Но в чём высочайших усилий провал?
 За что? За обман двадцати миллионов?!
 Да он же свободу им всем даровал!
 Да, пусть не в момент их наладилась доля,
 Не сразу свобода вошла в оборот –
 Но кто б доказал, что «Народная воля»
 В деяньях своих представляла народ?
 Так что же? Героев нам чтить? Негодяев?
 По-разному судят пока, что почём...
 Когда разберутся ещё... Но Минаев –
 Служитель насмешливой музы при чём?!

* * *

*«Отбывая заключение в Александро-
 Невской части, Минаев, в припадке нервно-
 го расстройства, покушался на само-
 убийство, нанеся себе удары по голове под-
 свечником. Это случилось через две недели
 после ареста...»*

*Из производства следственной комиссии
 «Об отставном коллежском регистраторе
 Дмитрии МИНАЕВЕ»*

*Он два месяца высидел в крепости, сошёл
 там было с ума, колотился головой об сте-
 ну и в конце концов, ни в чём не обвинён-
 ный, вытущен на волю.*

М.И. СЕМЕВСКИЙ, современник

*Декабристы...
 Социалисты...
 В тесных камерах крепостных
 Потрясающие стилисты
 Вырабатывались из них.*

Илья ФОНЯКОВ

«В Петропавловской крепости»

Нет, в каземате ему не писалось –
 Не для него эта тесная клеть.
 Жизни мешала лишь малая малость –
 Право на вольную волю иметь.
 Только борьба! Пусть на грани ареста...
 В цель направляя, как пули, слова,
 Он ли не знал – поединок словесный
 Вёл в государственные жернова.
 Так изучивший природу порока,
 Что посягал на российскую твердь, –
 Но и смешному тюремному сроку
 Он предпочёл бы скорейшую смерть.

Всякие прежде случались утраты.
 В разных обличьях являлся не раз
 Сам этот век, как лихой соглядатай,
 С мысли его не спускающий глаз.
 Эта же пытка – особого рода,
 Что для поэта не просто позор.
 Всё же была хоть какая свобода,
 Как ни премерзок «негласный надзор».
 Пресса ль питала те страсти-мордасти?
 Вроде бы слову они не с руки...
 Кем они, собственно, были для власти –
 «Искры» и «Ведомостей» шутники?
 Шутят с огнём! Обличитель неистов,
 Что ни напишет – верхушке не в масть.
 Это не он ли среди нигилистов,
 Социалистов, стрелявших во власть?
 Им ли понять, бьющим с маху и сразу,
 Как в человеке сплелись хорошо
 Острый, холодно-язвительный разум
 С тонкою, очень ранимой душой?
 Нет же, не только сарказм и презренье
 Там проявляли своё естество –
 В сотнях чудесных его озарений
 Были ребячество и озорство...
 В чем-то писаки, быть может, и правы,
 Вредными мыслями яро горя, –
 Но, обличая царящие нравы,
 Тем не бросают ли тень на царя?!

Да, самодуров-чиновников племя,
 Да, и неравенство, и воровство!
 (Вот ведь беда – пролетевшее время
 Не изменило с тех пор ничего...)
 Кто-то от хохота ёрзал на стуле,
 Кто-то готовился к мести сполна...
 Видимо, путь, что от слова – до пули
 Был очень короток в те времена.

* * *

*Холод, грязные селенья,
Лужи и туман,
Крепостное разрушенье,
Говор поселян.
От дворовых нет поклона,
Шатки набекрень,
И работника Семёна
Плутводство и лень.
На полях чужие гуси,
Дерзость гусенят,
Посрамленье, гибель Руси,
И разврат, разврат!..*

...Размером, да и содержанием
Вершил искусным подражаньем
Весомый приговор...
И мы, вобрав его примеры,
Быть может, и нарушив меру,
Уже освоенным манером
Окончим разговор.
Восславим имя пародиста,
Что так бесстрашно шёл на приступ
Изысканных миров,
И среди строф пребудет вечно
В причудах жизни скоротечной
То, чем владел он безупречно
Среди других даров...

* * *

*Какая благородная душа, какое нежное
сердце систематически, в течение не-
скольких лет заливались вином...*

Н.К. Михайловский о Д.Д. Минаеве

*Да страшно ль в Северной столице
Дразнить свирепых симбирян?
Нынешний сатирик*

*...Симбирцы-старожилы, вероятно, пом-
нят, в какую обидно-тяжёлую форму вы-
лился этот конфликт для симбирца-са-
тирика, имя которого когда-то гремело
по всей России...*

*Из статьи «Минаев у себя на родине».
Газета «Симбирянин», 10 июля 1914 г.*

...Ну ладно, Питер – климат и скандалы,
Но Винница – чудесные края...
И всё ж ему чего-то не хватало
Под занавес земного бытия.
Пусть век судьба отмерила короткий
И путь его ближайший недалёк –
В нешумную симбирскую слободку,
Уютный деревянный флигелёк,
Тут кочевал, пристанища меняя,
Уже почти не чувствуя строку,
Неутомонный отставник Минаев.
Перелагавший «Слово о полку...»

Пускай давно притихло это горе,
Но надо свято помнить до конца,
Что рядышком, на волжском косогоре,
Последнее прибежище отца.

Ужели сын смирит свою натуру,
Не покрывая мелкой вязью лист, –
Он, бесподобный мастер каламбура,
Никем не превзойдённый пародист?
И не напрасно месяцы и годы
Совсем другому щедро отдавал,
Чтобы предстали в русских переводах
Мицкевич, Гейне, Данте, Ювенал?..
Но вот не суждено ужиться с теми,
Кто долговечной яростью объят,
Пополнивши в злокозненной поэме
Её героев злополучный ряд.
Есть версия – реальная, без лоска:
Пришёл земляк в гостеприимный дом,
Мол, выпили с юристом Соколовским
И посмеялись над «родным гнездом».
Не то что в злобе был необычайной
Или обида старая взвилась...
О, Господи, конечно, не случайно
В два вечера поэма родилась!

«Приволжск». «Свияжск»...

В набросках моментальных
Их вышутив, пошёл на явный риск –
И в нравах городков провинциальных
Конечно, тут узнали свой Симбирск.
Ему ль тот край с рождения не ведом
Во всей палитре лиц и голосов?
И надо ль спорить с дошлым краеведом.
Что это – плод не нескольких часов?..
Но – «отданы злодею на съеденье»
Матроны и почтенные отцы,
Чиновники учебных заведений,
Помещики, военные, купцы.

Подвергнуты неслыханному сраму
И, видно, не на несколько годов
Усердно молодящиеся дамы,
Потомки видных княжеских родов...
Огласка тайн,
интимных и заветных,
Что не признать порой в себе самом...
За что же их –
невинных, безответных?
И где защита – с гневом и умом?!
И пусть ответят яростно и громко,
При жизни и куснут, и обзовут,
Но каково наследникам, потомкам?
(Они ведь до сих пор ещё живут!)
Но всё печальней из столицы вести.
Всё уже симбирян знакомых круг.
Хоть в Питере по-прежнему известен
«Майор Бурбонов» или «Общий друг».
Пока он пишет,
жизнь не стала адом –
Он отодвинут слабою рукой.
И женщина прекраснейшая рядом,
И вечный приближается покой.
Потянется за гробом горстка нищих,
Всегда довольных чьим-нибудь концом.
И, наконец, на Духовском кладбище
Он навсегда останется с отцом...

Рисунки Льва НЕЦВЕТАЕВА

Валентин Яковлевич КУРБАТОВ родился 29.09.1939 года в семье путевых рабочих в селе Старый Салаван Мелекесского района Куйбышевской области (ныне посёлок Новочеремшанск Новомалыклинского района Ульяновской области). После войны переехал в город Чусовой Пермской области, где окончил школу. С 1962 года живёт в Пскове. Окончил факультет киноведения ВГИК (1972). Литературный критик, литературовед, прозаик, академик Академии российской словесности. Член Союза писателей СССР (с 1978). Секретарь Союза писателей (1994-99) и член правления Союза писателей России (с 1999). Лауреат многих литературных премий, в т.ч. имени Л.Н. Толстого (2000), имени Павла Бажова (2007), Горьковской (2009) и Новой Пушкинской (2010).

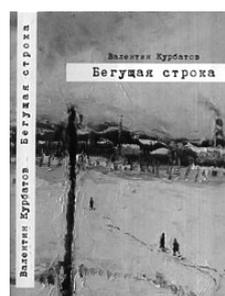
Ирина УШАКОВА

«НАРОДНОЙ БЕССОЗНАТЕЛЬНОЙ ДОРОГОЙ»

О книге Валентина Курбатова «Бегающая строка. Дневник провинциального литературного критика»

Василий Розанов писал в страшном 1919 г., что мы в «золотой своей литературе» постарались создать «дневник лишнего человека», «записки ненужного человека», «праздного». Поэтому, заключал он, «мы умираем от... неуважения себя». Но нашлись и в то время мыслители, такие как философ Иван Ильин, художник Михаил Нестеров, народный учитель Сергей Рачинский и другие, которые многое «высветлили» в русской жизни! А иначе мы так и думали бы, что все фельдшеры и все диаконы – такие, как в чеховском рассказе «Хирургия».

Так же и в страшных 1991–1993-м мы могли бы умереть (от «неуважения себя»), исчезнуть как нация, если бы не наши подвижники, мыслители, к коим отношу композитора Георгия Свиридова, профессора Евгения Троицкого, скульптора Вячеслава Клыкова, «реставратора всея Руси» Савву Ямщикова, (позволит ли мне читатель сказать: литературного критика «всея Руси») Валентина Курбатова, которые удержали наш корабль «Русский мир».

Книга В. Курбатова «Бегающая строка. Дневник провинциального литературного критика», вышедшая во Пскове в 2012 г., «прочтется» быть настольной, потому что в ней – принятие жизни – в каждой мысли, в каждом слове, в каждом поступке автора. В ней разъяснение самых острых вопросов современной истории и философии, хотя книга очерково-го характера, а порой это просто

записки и размышления, зарисовки и этюды. Мирное настроение книги, в которой собрались под огромное жизненное крыло автора сонмы голосящих, радующихся и плачущих судеб и событий, привлекает и утешает.

А еще книга эта напоминает картину Нестерова «На Руси» («Душа народа»), ибо в ней выстраиваются в единый сонм художники, поэты, писатели, скульпторы как прошлых веков, так и второй половины XX и начала XXI века. Но сияние правды над ними – одно и то же. Здесь читатель найдет тонко написанные словесные портреты художников Ореста Кипренского и Аркадия Пластова, писателей Бориса Можгаева и Виктора Астафьева, поэта Арсения Тарковского и отца Иоанна Крестьянкина, писателя Елизара Мальцева,

скульптора Вячеслава Клыкова, вдовы писателя Валерии Пришвиной, ученого Фатяя Шипунова, азербайджанского художника Фархада Халилова и, конечно же, художника Юрия Селиверстова и реставратора Саввы Ямщикова, для которых Валентин Курбатov и сегодня старается сделать все, чтоб они не уходили из нашей жизни.

И все они живы, пока В. Курбатov записывает их мысли, которые, быть может, и сами они не уловили, пишет их характеры. Он, кажется, только и мечтает «начать слушать другого и идти ему навстречу в оттенках, пока не сойдешься в любви». И он уверен, что вот это и все, «для чего приходил Христос».

Обложка книги, оформленная картиной Константина Сутягина, напоминает кадр из фильма Тарковского «Зеркало», в котором мальчик стоит в безмолвии перед заснеженным оврагом, но мы-то знаем, что рядом с ним грохочет война. А сама книга Курбатова звучит в унисон той пушкинской мысли, адресованной Чаадаеву, которая стала стержнем упомянутого фильма.

Сегодня много говорится о том, что в России до 1917 г. в творческих кругах была высокая культура, уничтоженная революцией. Отчасти это так. Но если внимательно взглядеться, как это делает Валентин Курбатov, то можно заметить, что и в советское время много духовно ценного жило в различных товариществах художников, писательских объединениях, а размывание культуры началось много позже. Курбатov не останавливается на черте 1917 г., для него не прерывается нить русской культуры. Он будто о вчерашнем дне, пишет о поколении «дедов», которые «вместо вхождения вширь глядели вглубь». В его дневнике 1975 г. есть такая запись: «Стены их комнат, их гостиных были выше, а картины висели маленькие, потому что вдох и выдох были просты, каково и должно быть дыхание. Нынче мы вдыхаем каждый раз, как будто хотим спеть «Интернационал» или прокричать «ура», и поползли по стенам мастерских огромные холсты, забывшие о полотне, на котором писаны, и упорно притворяющиеся стенами небоскребов».

Боль утраты русских жемчужин пробивается, когда Курбатov читает в альбоме описание одного из псковских храмов, расписанных Василием Верещагиным, Илларионом Прянишниковым, Василием Суриковым, где было 14 колоколов, «во фризях история духовной и военной России – Калита, Иван Грозный,

Донской, Сергей, сотни русских святителей и воинов... Строили 50 лет – русский мрамор, свои каменоломни, порфир, яшма, бронза. И чтоб вот так под эти своды, как вошел Каганович и сказал: «Взорвать!» – вовек не поймешь». Напоминает Курбатов и о том, что никакой спивающейся нации у нас перед революцией не было, «это потом пошло истребление, лишение человека возможности применить свой труд (крестьянин) или продать этот труд (интеллигент) и замещение этих естественных потребностей винной лавкой».

Да и сегодня, сколько бы писательская встреча и дружеский разговор мастеров ни проходили за рюмочкой, ан нет, ничего не берет русского мужика-философа, он как созерцал ясно, как побеждал трудно, как выходил в космос – первым, так и продолжает свое предназначение. А рюмочка только греет. И Курбатов не оправдывает пьянство, ему горько и стыдно видеть русскую свадьбу, на которой гуляющие идут к святому источнику и плещутся святой водой. Но это уже другая беда – когда нет у людей страха Божия.

Читатель услышит в этой книге через размышления Курбатова над романом Феликса Светлова «Отверзи ми двери» и голос русского еврея. А может быть, и разберется, наконец, с той духовно-национальной проблемой, о которой принято говорить вполголоса, и потому нет ей внятного объяснения. А меж тем нам пора уже уяснить, где «наглая ненависть брезгливых умников, проживших в России с вечной иронией и культивируемой отдельностью», а где «горькое «непопадание» тех, кто здесь навсегда дома и вовек не приживется там, кто неизбежно оказывается перед последним и неизбежным порогом, чтобы стать родным, как стали родными Левитан, Пастернак, перед православием».

Валентин Курбатов не произносит никаких лозунгов, не дает оценок своему времени, позволяя читателю разобраться самому. Но разве не уловим мы дух времени, прочтя то, о чем говорил автор с композитором Валерием Гаврилиным: «о глухоте мира, о лжи, об угасающей гармонии, о том, что и прежде мучило его – почему русский человек так греховен и почему в нем так много зла». И далее о Гаврилине: «Вспоминал Г. Успенского (почему тот сошел с ума), Н. Лескова, бунинскую «Деревню» – ведь это тьма, отчаяние... Ему нужно было понять механизм пропадания света в этой тьме, чтобы сегодня было легче выбраться из теперешней тьмы – не умом выбраться, а той же народной бессознательной дорогой».

Перед автором проходят эпохи, но, «внимая ужасам войны», он не пишет о баррикадах 1993-го, о правых и неправых политических партиях, не пишет он и о своей общественной работе: выступлениях, проведении литературных конкурсов, наградах. Он разговаривает со своей совестью (от слова: Благая Весть), с природой, с простым человеком, который ему встретился в дальней деревеньке, куда Валентин Яковлевич шел пешком под проливным дождем (откуда лишние деньги на попутку, да и встретишь ли ее тут?). Поэтому и мир «играет» вокруг человека, которому дан талант записать эту музыку.

И дорогого стоит то, что, почти привыкнув, что современная книга ничему не учит, вдруг после чтения этой книги ты поневоле отходишь от непримиримости, безапелляционных суждений, от которых недалеко до раздоров, а там и до войн. И приходишь к

мысли, что ты живешь походя, не слыша себя.

Курбатов уверен, что в каждом из нас существуют две сущности. «Может, потому мы и не слышим другого человека, что каждый из нас двоих внутри нас слушает каждого другого в другом – все время не попадая... В этом все революции, войны, оппозиции, ООНы и ВТО».

Едва ли не самый важный разговор в книге – о слове. «А ведь вся литература об этом – о попытке узнать себя в зеркале. Все время останавливающаяся на последнем пороге, все время предпочитающая обмануть себя, не узнать, оставить возможность для побега».

Валентин Курбатов и его современники разгадывают и разгадывают загадки России: тоскуют по «целостному» времени СССР. Вот и эмигрант Ю. Мамлеев считает это время «необходимым духовным составляющим» «Вечной России». Думаю, что тут с ними и Иван Бунин, и Михаил Шолохов – в одном «ополчении». И все они верят: «Россия даже при нашем общем предательстве сама еще предпримет попытку воскреснуть, потому что общее-то предательство, общее, но все сидит где-то праведник и держит генетику и небесную задачу. И Господь на нем, единственном, все начинает сначала, потому что тоже «поставил на Россию», определил ей задачу, от которой ей не вернуться».

Как эти слова звонки в сегодняшний роковой час, когда, кажется, качнулся тонущий русский корабль и начинает выходить из-под воды, вот уже и наш Крым виден, что-то далее покажется на пространстве пусть не СССР, но «целостного» русского союза?..

А что это за истина, которую я усматриваю в суждениях Курбатова? Не о ней ли говорили нам славянофилы, столь многое сделавшие для изучения родной истории и культуры, прежде чем заявить миру о ее ценности и неповторимости? «Господа либералы, – пишет Курбатов, – служившие белинским-чернышевским, сами их и предали и теперь перекинулись к славянофилам и ловко цитируют их, а в душе-то сами всё те же либералы, все белинские-чернышевские... И так ловко научились ходить вокруг Киреевских, Хомякова, Страхова, Флоренского, что «патриоты» уже одни обноски собирают и у них славянофилы уже как будто ненастоящие... Настоящей мысли нужно быть готовой к тому, что ею всегда будут спекулировать те и эти и никто не будет ей служить, иначе тогда мир станет умен и труден для жизни, как всякий честный мир».

А служим ли мы сегодня «настоящей мысли»? «Мы ищем истоков и опор в Руси Сергия и Серафима, в России Флоренского и Булгакова, хотим умозрительного синтеза, но выражается он не в продолжающихся исканиях духа, а в попытке снова построить храм Христа Спасителя. Именно не возродить, ибо ничего нельзя родить второй раз, а построить заново во всей громоздкости не религиозной, а государственной лениво патриотической идеи, желающей вместо творчества – дублирования новых заместителей духа...».

Поэтому нам ценно своей простотой и глубокой размышленностью Курбатова, записанное им еще в 1980 г., о том, как он был поражен лицами старух, идущих от причастия: «Одно лицо краше, покойнее, печально-сосредоточеннее другого. На каждом так легко читалась судьба, полная лишений, преображенных Господом и смирением в свет».

Или вот еще запись тех же лет: «Поглядываю на своих сверстников и ни в одном не чувствую шага, на-

правляемого Промыслом и предназначением, – все сами. Не эта ли скука и зовется «хозяева своей судьбы»?

Это, вслушиваясь в предназначение своего народа, размышляет автор книги, кто все же яснее сказал о России. Может, Рерих? Нет. Может, Нестеров? А не Пришвин ли, который «к Христу шел через Беломорканал, через распятую Россию, которая и тут светом преодоления утверждает жизнь»? Не Бродский ли, ибо почему он интересуется молодежь больше, чем Рубцов? И тут же объяснение: «Они живут вместе с Бродским в словесном мире, за которым уже нет никакой реальности... поэзия Бродского – это всегда усталость, чуть пресыщенность миром. А у Рубцова – благодарность за «я есмь», даже когда пишет о тоске». А Солженицын? Но вот случайный собеседник Курбатова, прошедший лагеря говорит: «Я читал Солженицына всего вдоль и поперек. Там все правда. Но только черная правда...». А дальше пусть читатель ищет, думает, на кого ему и его детям опереться.

Отдельная страница книги «Бегущая строка» – рассказ Валентина Курбатова о его душевной дружбе с Владимиром Толстым – директором яснополянского музея. В усадьбе Льва Толстого – прапрадеда Владимира Толстого – Курбатов ощущает себя дома. И мы, проходя за ними по яснополянским тропам, тут же улавливаем связь прошлого и настоящего России, видим мужичков, – таких же, какие были и во время Льва Толстого, – мыслителей и хранителей тайны другой жизни – и в таком же «бедном платье» провозжающих городского гостя. Церковный человек тут, может, и замашет руками на разговоры о Льве Толстом, а вот Валентин Курбатов не отмахивается, а говорит нам: «...читал переписку Л.Н. Толстого с А.А. Толстой («фрейлиной»), и что она за чудо веры и ясности! Он все с богословов спрашивал, а надо было внимательно слушать двоюродную бабушку».

Курбатов привлекает читателя, растит его, воспитывает, собирает его рассеянный ум и трезвит его сердце. И любит, любит. Читая эту книгу, я непрестанно вспоминала стихи архимандрита Исаакия (Виноградова), написанные в 1919 г.:

...Любить – самому в высоту подниматься
Тернистою узкой тропой.
Любить – это в райские двери стучаться,
Другого ведя за собой.

С такою же любовью Валентин Курбатов пишет о своих впечатлениях от пребывания во Франции и в Италии. (Есть ли сегодня европейские мастера слова, у которых найдется французский и итальянский дневники, подобные дневникам нашего мастера?). С любовью – то есть жалея – говорит Курбатов и о русской эмигрантке, которая в военные годы, не найдя православного священника, «отдавала в католики» своих детей, чтоб совсем уж без Бога не остались; и об иконописце отце Зиноне, с которым им при всей духовной близости так трудно сойтись во взглядах на сегодняшнее православие, и о французе Пьере, который неумолчно славит красоты своей родины, забывая, что его слушатель не знает языка, да что там – главное, понимает чувства того.

Однако виды Парижа вызывают в умном русском сердце не отвращение к «убогой» России, а раздумья: «Мы еще не ранены цивилизацией, еще не сбиты одиночеством, исчерпанностью, предчувствием тупика, из которого рождаются общины Тэзе или Сен-Жерве, когда творчество уже почти невольно, когда без него

угасание и духовное истощение».

Сам Валентин Яковлевич называет свои дневниковые записи «простодушными, провинциальными, «умными». Но нам важно, что человек на протяжении сорока лет сознательной жизни не меняет своих убеждений, вкусов, сколько бы ни продолжалось информационное перекодирование сознания его современников. В курбатовском камертоне звучит чистая «ля», поэтому и не сбивается его мысль в шуме и лязге новых витков истории. Он говорит, что сегодня слово заменило нам чувства, заменило небо, травы и облака, что «Родина стала словесна», что жизнь «оказалась унижена политической игрой, слишком безответственной переменной системы координат». И вечным осталось только слово.

Прочитаешь первую и основную часть книги – дневники 1970 – 2011 гг., и в конце главы покажется, что Курбатов приходит к рубцовскому самоощущению мира,

Когда души не трогает беда,
И так спокойно двигаются тени,
И тихо так, как будто никогда
Уже не будет в жизни потрясений,

И всей душой, которую не жаль
Всю потопить в таинственном и миллом,
Овладевает светлая печаль,
Как лунный свет овладевает миром...

Заключительная глава книги «Ты, Матёра, родима матушка» посвящена экспедиции 2009 г. по Ангаре. А целью ее было проститься с землей, которую люди веками отвоевывали у тайги, благоустраивали неустанным трудом, где растили детей и где лежат их предки и которая теперь обречена загоплению при вводе в действие Богучанской ГЭС. Участники экспедиции Валентин Курбатов, Валентин Распутин, режиссер Сергей Мирошниченко, фотохудожник Анатолий Бызов и художник Сергей Элоян, конечно, не могли предотвратить дьявольское наступление цивилизации, но они работали над фильмом, альбомами и книгами, посвященными истории этих земель, где самый ранний палеолитический комплекс артефактов датируется в пределах 32–30 тыс. лет и их только начали изучать, как потом будет сказано в фильме С. Мирошниченко «Река жизни». Эта глава книги «Бегущая строка» во многом посвящена и памяти инициатора экспедиции иркутского издателя Геннадия Сапронова.

От прочтения книги Валентина Курбатова остается ощущение цельности мира, остается порядок в мыслях, будто кто пришел и прибрался: расставил на свои места понятия, смыслы, события. Видимо, приходит уже время, когда хочется переосмыслить то, что так резко, гневно, исподтишка иной критик или публицист выхватывает из русской истории, философии, из русской судьбы.

И сегодня Валентин Курбатов по мере сил участвует ко всем бедам и радостям, которые отпущены нашему земному Отечеству, и уверен: «Главное, не уставать искать не земного, а небесного, и тогда земное будет верно и плодотворно, будет помнить живые связи мира, тайные токи истины и порядка, укрепит в человеке чуткость к незримым струнам, которые протянуты от сердца к сердцу и на которых Господь играет мелодию мира».

ПИШУ
В «СИМБИРСКЪ»

Никита КРАСИЛЬНИКОВ, ученик 9-го класса МКОУ «Большепоселковская основная общеобразовательная школа» Карсунского района Ульяновской области.

ЭКСКУРСИЯ В БОЛДИНО

Летние каникулы одну из смен вместе с одноклассниками я провёл в трудовом интеллектуальном литературно-историческом лагере «Доброхот». Здесь нам представилась счастливая возможность посетить имение Пушкина в Болдине. Эта экскурсия, несомненно, оставила глубокое впечатление в сердцах и умах юных доброхотов.

Мы прослушали две экскурсионные программы, прошлись по местам, где когда-то жил и творил гений русской поэзии, но самое главное – это то, что нам удалось проникнуться атмосферой того далёкого времени. Экскурсоводы рассказали нам много удивительных фактов из биографии Пушкина, продемонстрировали огромное количество точных копий рисунков и записей поэта. Нам удалось лицезреть полотна именитых мастеров того времени, из-под кисти которых сошёл не один десяток портретов Александра Сергеевича. И каждое изображение было своеобразно и многогранно, по-своему раскрывало образ величайшего творца девятнадцатого века. Пушкин трижды приезжал в Болдино. Мы узнали, насколько плодотворным было его пребывание здесь! Он писал по несколько стихотворений в день, здесь созданы почти все знаменитые сказки Пушкина. Именно в Болдине было дано начало знаменитой пушкинской прозе, созданы «Повести Белкина» и «Маленькие трагедии», дописаны две последние главы «Евгения Онегина». А кроме этого, ещё и публицистика, ряд литературно-критических статей. Не случайно этот период получил поэтично звучащее название – «Болдинская осень».

Мы осмотрели бар-

ский дом пушкинской усадьбы – деревянный особняк с мезонином, комнаты, где жил и работал великий поэт, прогулялись по парку, полюбовались прекрасным ландшафтом с прудами. А ещё посетили музей пушкинских сказок. Экспозиция музея разместилась в двух деревянных домах рядом с мемориальной усадьбой. По преданию в одном из этих домов бывал или временно останавливался Пушкин, и на бревенчатых стенах долго сохранялись его автографы.

Не только в Болдине, но и вокруг немало мест, связанных с именем поэта. Например, село Львовка, где расположен музей литературных героев, посвящённый болдинским «Повестям Белкина». Это интересно и знаменательно. Ведь многие события этих повестей происходят в провинциальных дворянских усадьбах, может быть, даже Симбирской губернии.

Рядом с музеем литературных героев находятся четыре сосны, которые символизируют четырёх детей Пушкина.

Участникам экскурсии представилась возможность сфотографироваться в костюмах пушкинской эпохи, посетить знаменитую берёзовую рощу Лучинник – любимое место прогулок поэта, испить чистой воды из святого родника.

Посещение музея-заповедника в Болдине оставило в наших сердцах и умах исключительно положительные эмоции и массу важной информации. Узнав так много, мы с большим удовольствием готовы поделиться полученными знаниями с друзьями и близкими людьми, рассказать об экскурсии всем, кто пока только мечтает побывать в этих удивительных местах, связанных с жизнью и творчеством великого русского поэта.

Петр БАЮРА (1917–2005 гг.)

Мой отец Петр Тихонович Баюра – участник Великой Отечественной войны. Крестьянский сын, он окончил в 1937 году Орловский педагогический институт, работал учителем на Белгородщине. После войны более полувека Петр Тихонович прожил в сибирском городе Канске Красноярского края, был директором одной из средних школ, затем возглавил Канское педучилище. Математику преподавал с артистическим блеском, раскрывая ученикам красоту и стройность теоремы или уравнения.

Свои воспоминания, изданные в книге «А жизнь идет» (2004 г.), он писал, когда ему исполнилось 80 лет. В свои преклонные годы он сохранил ясную память, живой ум, был ироничен, остроумен. Писал стихи. Тонко чувствовал природу.

Начал службу в армии в 1939 году, стал участником драматических событий начала Второй мировой войны. В 1941-м служил в Киеве в 42-м полку связи при штабе Юго-Западного фронта. В сентябре сорок первого вся Киевская группировка наших войск в составе четырех армий во время тяжелого отступления оказалась в кольце.

Трагические страницы воспоминаний – о самых трудных днях в жизни отца, вместе с другими попавшего в окружение. Пережил плен, бежал. Осенью 1943-го участвовал в знаменитой операции по форсированию Днепра, был тяжело ранен, оказался в тыловом госпитале Красноярска.

В год 70-летия Великой Победы предлагаем читателям избранные страницы книги П.Т. Баюры.

Луиза БАЮРА

Петр БАЮРА

ВОСПОМИНАНИЯ ФРОНТОВИКА

I. Служба в армии.

Начало Второй мировой войны

Осенью 1939 года я, в то время молодой учитель сельской школы, был призван в армию. К началу ноября 1939 года я оказался в Киеве, в 6-м полку связи, приданном штабу Киевского особого военного округа и обслуживающем его всеми видами связи. В числе 48 новобранцев я попал во взвод телеграфистов для обучения работе на телеграфных буквопечатающих аппаратах. В то время были аппараты «Юза», «Шорта», «Тремля» – все устарелые, но еще используемые и более совершенные новые аппараты «Бодо» и СТ-35. Мне достался, к сожалению, аппарат «Юза». Аппарат крайне капризный, работающий неустойчиво, часто сбивающийся, причем на механической тяге: под аппаратом была подвешена массивная плоская гири, сила тяжести которой приводила в рабочее состояние клавиатуру и консоль (устройство, продвигающее ленту). При сильном опускании гири, работая педалью под правой ногой, гирию поднимают до фиксируемого уровня. Пожалуй, мой «Юза» был самый неудобный и самый капризный из всех остальных. Однако нас, всех телеграфистов, в полку звали армейской интеллигенцией. Мы на это не обижались, даже гордились.

Видимо, в отделении, в котором я оказался, у меня дела пошли лучше, чем у моих товарищей, и мне ко дню Советской армии, т.е. к 23 февраля 1940 г., присвоили начальное командирское звание и вручили под мое командование мое же отделение в количестве 11 человек (а я был двенадцатым). А так как за время службы (почти 4 месяца) у нас в отделении сложились очень хорошие, дружеские отношения, то назначение меня командиром отделения ребятами было принято вполне нормально, с одобрением.

Хотя наше теоретическое и практическое обучение продолжалось, мы уже три раза в неделю (через день) выезжали в штаб округа на ВТС (военно-телеграфную станцию) для нормальной работы на телеграфных аппаратах на одном из направлений. Все получалось неплохо. Нам начала нравиться наша работа, а следовательно, и наша служба.

Общая служба, совместное проживание в одной казарме, совпадение многих интересов и частые вечерние душевные беседы сдружили нас. Моими лучшими и неразлучными друзьями стали все ребята из моего отделения. Все они имели общее среднее или специальное среднее образование. А некоторые – высшее или незаконченное высшее. До сих пор помню Лешу Куценцова из Вышнего Волочка, прекрасного товарища и друга, не по годам умного и рассудительного юношу; Петра Хулапа из села Семеновка Черниговской области Украины – высокого, стройного юношу, изобретательного парня, способного на безобидную шутку и какой-либо каламбур!

Помню хитроватого, но душевного друга

из Гайсина Винницкой области (Украина) Петра Фищенко; невысокого, коренастого, хорошего спортсмена Диму Грачева; мощного атлета, красавца и запевалу Колю Бешкурова, исключительно красивого мужской красотой; умного и рассудительного и вместе с тем храброго и отважного Гену Васильева; Петра Камардина, очень быстро освоившего работу на телеграфном аппарате СТ-35, и многих других товарищей. Нельзя не вспомнить добрым словом и нашего командира взвода, молодого лейтенанта Петрищева, прекрасно подготовленного офицера – высокого, вместе с тем довольно плотного, казалось, состоящего из одних мускулов юношу. Очень многие практические занятия любил он проводить на природе: в поле, в лесу, а то и где-то в овраге (особенно обучение стрельбе).

Выходили на рекогносцировку местности, совершали тренировочные походы на местности в противогазах, тренировались в стрельбе из боевой винтовки. Мы часто видели его вместе с другом, также командиром взвода, видимо, однокашником, лейтенантом Оселковым.

Нельзя забыть и нашего комбата капитана Великоивана. Это был настоящий великан! И вместе с тем отец-командир. Ни одного случая не помню, чтобы кто-то на него обиделся или он кого-то несправедливо наказал. И, как связист, он обладал глубокими и разносторонними знаниями и опытом. Его мы просто любили и, конечно, малость побаивались.

Были у нас и походы в театры и кино, устраивали и свои концерты художественной самодеятельности. С февраля 1940 г. меня изредка стали отпускать в увольнительную в город. Где-то в марте 1940 г., будучи в увольнении, мы с другом Петром Фищенко познакомились в театре с двумя девушками-киевлянками – Лидой Ярошенко и Любой Кравченко. Девушки нам понравились, они оказались довольно скромными и застенчивыми. В дальнейшем мы еще не раз встречались с ними в городе. Ходили в кино, в театр, гуляли по городским аллеям, провозжали домой. (А жили они недалеко друг от друга, а также от нашей части).

Эти встречи с девушками через некоторое время мне и другому моему другу Владимиру Сухорученкову, москвичу, ой как пригодились! Какую сослужили службу!

Однако где бы мы ни были, что бы мы ни делали, а на душе всегда было беспокойно, тревожно. Всеми миру известно, что с 1939 года гитлеровская машина своим железным катком катилась по Европе, нещадно поработав одну за другой как малые, так и довольно большие страны. И подписание 23 августа 1939 года Советско-Германского договора – пакта о ненападении – не усыпило нас, а, наоборот, еще больше насторожило, вызвало подозрение о желании германского руководства усыпить или притупить нашу бдительность, ослабить нашу армию. Тревожила нас война с финнами, предполагавшаяся скоротечной, а затянув-

шаяся на три с половиной месяца (с 30 ноября 1939 г. по 12 марта 1940 г.). В то время мы со дня на день ожидали, что там, в сражении с белофиннами, потребуется и наша помощь.

Беспокоили нас, а порой просто обескураживали слишком быстрые присоединения к СССР по «волеизъявлению» народов Литвы, Латвии и Эстонии, а в дальнейшем – Бессарабии с Северной Буковиной. И, конечно, беспардонность раздела Польши вместе с Гитлером. Что касается Германии, то это наглая оккупация большей части Польского государства. А для Советского Союза – это «благородный акт воссоединения» с Родиной Западной Украины и Западной Белоруссии, а также Бессарабии и Северной Буковины.

Таким образом, 21-22 июля 1940 года Верховным Советом СССР принимается решение о восстановлении советской власти во всех трех прибалтийских республиках и об образовании новых союзных республик: Литовской ССР, Латвийской ССР и Эстонской ССР, а 2 августа 1940 г. – об образовании Молдавской ССР с вхождением в нее Бессарабии и Северной Буковины.

В то время мы, молодые, напористые, довольно грамотные красноармейцы, были большими патриотами нашей Советской Родины. Однако такое «триумфальное» шествие советской власти на западных и южных окраинах страны вызывало порой горькие раздумья. Мы невольно сравнивали действия Советского государства с разнузданными захватническими действиями фашистской Германии по вероломному захвату многих стран. Однако в нашей жизни, учебе и работе все шло своим чередом, причем довольно гладко. За месяц до 1 Мая начали усиленно готовиться к первомайскому параду. Чистили и гладили свою амуницию, ежедневно учились чеканить шаг, держать нужную дистанцию между шеренгами и рядами; тренировались орать «Ура!». Громко, хорошо, слаженно отвечать на поздравления криками «Ура!!!» и «Служим Советскому Союзу».

Однако в жизни солдата бывают не только безоблачные дни, а иногда и взлеты, и, что хуже всего, опасные падения.

К взлетам могу отнести хотя бы то, что к 1 Мая мне повысили воинское звание: нацепили в петлицы еще по одному треугольнику, и стал я называться помкомвзвода (помощник командира взвода), и десятая ребяткам присвоили 3-й класс телеграфиста или механика по телеграфным аппаратам.

Но вот 1 Мая командарм Г.К. Жуков принял парад войск Киевского гарнизона, все прошло хорошо, с подъемом, красиво. А со 2 или с 3 мая начался для нас, телеграфистов, изнурительный труд: наш 6-й полк связи выезжал на продолжение службы в летние загородные лагеря в урочище Святошино. С одной стороны – радость: живая природа, чистейший летний воздух, солнце и недалеко вода! А с другой стороны – работа, работа, работа! И дело в том, что ежедневно работать приходилось фактически в две смены. Утром в 6.00 подъем, зарядка, утренний туалет, завтрак. А после завтрака – расчистка дорожек и площадок, посыпка их красным песком, установка палаток как для себя, так и для начальства, вывоз снятого дерна и разного мусора, по возможности скрытая подводка проводов для освещения лагеря, теле-

фонизации и радиофикации. В 13.00 – обед. А после обеда – «мертвый час». (Так звали красноармейцы час отдыха). Нам, телеграфистам, он был продлен до 15 часов, так как в 8 часов вечера нас увозили на ВТС на работу на телеграфных аппаратах. Но спать в эти три часа «мертвого часа» я не умел и не научился, поэтому ночью работать на своем «Юзе» приходилось очень трудно. После 3-4 часов работы так клонило в сон, что жизни становился не рад! Представьте себе огромный длинный зал на втором этаже закрытого со всех сторон здания, в котором размещена ВТС Киевского особого военного округа, а вдоль всего зала в 3 ряда размещено не менее 50 различных телеграфных аппаратов, начиная с «Морзе» и кончая «Бодо». И все эти аппараты все время работают. А при работе они создают такой ужасный шум, что говорящим рядом друг друга не слышно. Надо или очень громко говорить, или обмениваться записками. Но мы разговаривали мало. Зато такая обстановка непрерывно тянула ко сну. А для взбадривания, для борьбы со сном мы, особенно ближе к утру, через каждые 20-30 минут регулярно подходили к одной из раковин (а их было закреплено у тыльной, глухой, стены 25 штук) и основательно умывались и даже до пояса обливались холодной водой. Легонько промокали себе лицо, голову, шею и грудь висевшим на валике и сшитым по краям всегда мокрым полотенцем и вновь садились за работу. Остановку работы аппарата разрешалось производить не более как на 2-3 минуты. Вот в таком диком режиме мы работали и в лагере, и на ВТС и день, и два, и три, и четыре, и конца такому режиму не было видно. Но на 6-й день, кажется, в субботу, нам дали, наконец, роздых: основательно отдохнуть, помыться в бане (в городе), написать письма и даже поиграть в волейбол. Со следующей недели мы так же, как и прежде, работали на ВТС, но в лагере нас уже загружали работой и разными занятиями значительно меньше. Да и на работу на ВТС нас стали чаще направлять днем. Казалось, самые трудные дни в нашей жизни (точнее – в моей жизни) уже закончились, но для меня они вскоре продолжатся. Только в десятки раз тяжелее!

ЧП

Как-то числа 15-17 мая 1940 г. во время моей работы на ВТС на Полтавском направлении (я уже несколько недель работал на этом направлении) ко мне подошел незнакомый мне старшина и сказал, что меня вызывает комиссар штаба округа, член военного совета округа, корпусной комиссар (насколько помнится – Н.Н. Вашугин). Старшина ввел меня в небольшую комнату, всю вдоль стен заставленную шкафами. А справа, за столом, сидел на стуле (или в кресле – не помню) довольно тучный человек с обрюзгшими тяжелыми щеками, крутым, тяжелым подбородком и пренебрежительно (или брезгливо) отвисшей нижней губой. Лоб низкий, в поперечных складках. И главное – глаза! Глаза как две свинцовые бляхи вбивали меня в пол, прямо-таки уничтожали. Еще не зная ничего, я, помнится, растерялся. Минуту или две он молчал, изучая и гипнотизируя меня, сверлил меня своим свинцовым взглядом, а потом громовым голосом заорал: «Фамилия?» «Баюра, – говорю, – помкомвзвода». – «Ты не помкомвзвода и даже не

красноармеец! Ты преступник, мерзавец, сукин сын, сволочь». И так далее. Оскорбления, угрозы и унижения сыпались как из рога изобилия! Я еще ничего не понимал. Наконец-то – главное: «Ты своей депешей (телеграммой) поставил страну на порог начала войны с Румынией! Ты тяжелое артиллерийское соединение отправил из Полтавы в Коломью, прямо на границу с Румынией! А какой материальный урон ты нанес стране и армии? Ты умышленно исказил текст телеграммы и добился своего! Ты работаешь на иностранную державу! Что ты скажешь в оправдание? Судить тебя будем военным трибуналом!»

Помню, я что-то пролепетал деревянным языком, что искажения текста телеграммы не может быть, что я всегда работаю очень внимательно и ответственно и что я никакой не шпион. После моего оправдания комиссар приказал старшине (нач. архива) принести консоль (катушку) с отработанной лентой. Там было: «...Рокоссовскому. Передислокацию согласно ранее данной установке проводить до...» И чья-то подпись. Потом моя: «Передал Баюра». Я оправдался. Я прав! Ошибок нет! Но не тут-то было. «А теперь, старшина, принесите бланк с настоящим текстом телеграммы!» Старшина принес. А там черным по белому четко написано: «...Рокоссовскому. передислокацию согласно ранее данной установке НЕ проводить до... (число)». И что этот текст передан – моя подпись на бланке. Все во мне оборвалось, все поплыло перед глазами. Ну, думаю, крышка тебе, вояка. Арест, суд, расстрел. Комиссар распорядился: «Под арест и в часть!»

Быстро нашли какого-то красноармейца, и меня, уже со снятым ремнем, под арестом, отправили в мою часть, в лагерь, втолкнули в арестантскую палатку (гауптвахту) и сдали под охрану дежурного красноармейца. В палатке уже сидели под арестом за какие-то мелкие прегрешения два красноармейца. В течение десяти дней ни на какие допросы меня не водили, и вообще со мною никто из начальства не разговаривал. Водили только в туалет да умываться. Да потребовали написать подробную объяснительную записку – как я дошел до такой жизни. Я, конечно, написал подробную объяснительную и в ней рассказал, как все было на самом деле в первые 5 дней мая. А телеграмма была мною передана 4 мая! Видимо, вот в это дежурство на ВТС во время передачи злополучной телеграммы я был в полусонном состоянии и допустил описанную выше злополучную ошибку.

Так просидел я под арестом 11 или 12 суток. Уже многие знакомые ребята за это время вместе со мной посидели на «губе» за небольшие проступки по 2-3, даже 5 дней, а я все сижу, ужасно переживаю и жду своей участи. Непонятно только, почему так долго тянут? Было все передумано. Перед глазами прошла вся моя короткая и, надо сказать, нелегкая жизнь. Я внутренне приготовился к самому худшему: суду военного трибунала и расстрелу. О том, что меня могут посадить в тюрьму на несколько лет, я не думал. Но вот на 13-й или 14-й день меня, также без ремня и под арестом, в затемненном «бобике» (машина) привозят в расположение нашего полка связи на ул. Мельника, выводят из машины и ведут к положенному месту. Глазам своим не верю: на плацу выстроен весь личный состав полка! В центре, на небольшом возвышении, стоят командир полка полковник Савельев, рядом с ним – комиссар полка, старший ба-

тальонный комиссар Моисеев, зам. командира полка майор Ефимов, командир нашего батальона капитан Великоиван и другие командиры и политработники. Командир полка полковник Савельев открыл кратким вступительным словом то ли митинг, то ли общее собрание полка, изложив суть вопроса: «Надо решить, как поступить с младшим командиром П.Т. Баюрой, совершившим тяжчайшее преступление, опозорившим весь личный состав вверенного мне полка, чуть не приведшим к войне с Румынией и нанесящим огромный материальный ущерб стране. И в заключение сказал, что подробно обо всем случившемся расскажет комиссар полка тов. Моисеев. Затем выступил комиссар Моисеев. Он изложил довольно правильно суть всего происшедшего и высказал сомнение в случайности допущенной мною ошибки. Однако прямо не высказал, что это сделано умышленно и что я – вражеский агент. Но как со мной поступить – так и не сказал свое мнение. А вот выступление одного незнакомого мне лейтенанта запомнилось здорово! В своем крикливом выступлении он прямо обвинил меня в шпионаже, в действиях на руку врагу и привел пример, как в недавно закончившейся финской кампании один армейский телеграфист переврал содержание текста телеграммы. Вместо запрашиваемых у ставки для отправки на фронт 200 младших командиров и 20 средних (офицеров) телеграфист затребовал направить 200 человек офицеров и 20 человек младших командиров, в результате чего прибывшие на фронт 200 офицеров были направлены на должности младших командиров. Многие из них погибли вместе с рядовыми бойцами. Этим актом был нанесен армии и государству огромный моральный и материальный ущерб. Этого телеграфиста предали суду военного трибунала и по решению суда расстреляли. В заключение этот лейтенант сказал, что преступление младшего командира Баюры – аналогичное и также заслуживает самого сурового наказания. Но вот из моих друзей из взвода, даже из роты ни один не выступил с резким осуждением в мой адрес. Причину (настоящую) они знали все.

Насколько помню, этот «сход» так ничего определенного и не решил. Меня же снова посадили на гауптвахту. Так в неведении я пробыл в этой палатке под арестом еще несколько дней.

ВОЗВРАЩЕНИЕ С ГАУПТВАХТЫ

Хорошо помню, что на 17-й или 18-й день, ночью, в расположение нашего лагеря, пыхтя, въехала машина, и вскоре около «моей» палатки кто-то хриплым голосом спросил, здесь ли сидит под арестом младший командир Баюра? Получив утвердительный ответ, говоривший попросил вывести меня из палатки и вызвать начальника караула. По приходе начальника караула незнакомец распорядился вернуть мне поясной ремень, передал начальнику караула письменное распоряжение о моем освобождении из-под стражи, повел меня к машине и увез с собой. Куда он вез меня, я не знал. Но в «похитившем» меня я узнал начальника ВТС майора Парахникова. Дорогой не говорили. Когда машина въехала в какой-то двор и остановилась, майор Парахников повел меня в здание ВТС к тому же самому аппарату, на котором я рань-

ше работал. Только на месте старого аппарата «Юза», работавшего на механической тяге, стоял новенький аппарат, тоже «Юза», но уже на электрической тяге и частично усовершенствованный. Затем он мне сказал: «Садись смело за этот аппарат и работай как ни в чем не бывало. О произошедшем забудь». И выразил надежду, что подобное больше никогда не повторится, добавив при этом: «Ну уж когда немогогу будет клонить ко сну, лучше отключи аппарат да подремли с полчаса. Конечно, сообщи об этом ответственному дежурному по ВТС».

С того дня я стал работать с утроенной энергией и ответственностью и больше не имел даже никакого замечания. Вместе с тем я стал выполнять свою основную обязанность помощника командира своего взвода. Зарядка, походы на завтрак, обед и ужин, организация занятий или какая работа – все на мне.

Но меня мучил вопрос: что же случилось? Немного позже мне майор Парахников рассказал, что мое «преступление» было досконально изучено соответствующими органами, что были сделаны запросы обо мне на мою родину, в село Б. Халань Курской области, где я работал с 1937-го по 1939 год учителем математики в местной семилетней школе, был там секретарем комсомольской организации, а также в Орловский пединститут, где я учился в января 1935 г. по август 1937 г. Характеристики и ответы о работе и учебе на меня пришли положительные. Причем значительная часть вины была отнесена и к местному командованию за бесконтрольное использование нашего брата в дни подготовки летнего лагеря. С тех пор меня больше никто и никуда не вызывал, и со временем я совсем успокоился. Но совершенно успокоиться было невозможно, так как в мире, а особенно в Европе, и тем более у наших границ, творилось невероятное.

Еще 1 сентября 1939 года началось нападение фашистской Германии на Польшу и оккупация ее западных территорий. А 17 сентября 1939 года наши войска вступили в восточные районы Польского государства под предлогом взять под защиту народы Западной Украины и Западной Белоруссии. Мало-мальски мыслящим человеком явно просматривался сговор гитлеровской Германии и советской верхушки об обоюдном участии в разделе Польши, в ликвидации Польского государства, т.е. фактически в его оккупации. В марте 1940 г. закончилась Советско-Финская баталия, в результате которой СССР сумел-таки на значительное расстояние отодвинуть границу с Финляндией. В мае 1940 года румынское правительство, почуяв неладное, провело мобилизацию. В армию было призвано около миллиона резервистов. 26 июня 1940 года советское руководство сделало Румынии официальное заявление о насильственном отторжении от России в 1918 году Бессарабии и Северной Буковины. А уже 28 июня 1940 года наши войска под командованием генерала армии Г.К. Жукова вступили на территорию Бессарабии и Северной Буковины, не встретив сопротивления.

Так помаленьку под благовидным предлогом расширяла свою территорию Страна Советов. И, конечно, известное артиллерийское соединение под командованием полковника Рокоссовского на то время оказалось в нужном месте и тоже прошествовало по бывшим румынским землям.

Как-то во время моей работы на ВТС ко мне подошел майор Парахников и тихо сказал, что я немного рановато перебросил хозяйство Рокоссовского к Румынской границе, но все равно эта переброска пригодилась и оправдалась!

II. 22 июня – 19 сентября 1941 года. Тернополь – Киев

Тернополь. В ночь с 21 на 22 июня я был назначен начальником караула внутренней службы по охране расположения нашего полка. И, как положено, разводящие провели с вечера смену караула. Отдежурившие устроились на отдых. Здесь же, в караульном помещении, была отдельная комната – гауптвахта, где 5 или 6 человек ребят отбывали наказание. Все было нормально. Я тоже решил прикорнуть малость на топчане. Однако на заре какой-то рев, крики, шум разбудили меня. Я мигом выскочил из караулки. Курсант, несший охранную службу у нашего здания, сообщил, что только что пролетел немецкий самолет с крестом на брюхе и обстрелял городок. К счастью, жертв не было. Из-за начавшегося шума поднялся и весь второй наряд, и парни с винтовками выстроились вдоль стены караульного помещения. Я приказал зарядить всем винтовки и в случае появления немецкого самолета стрелять по нему на поражение без команды! И действительно, через несколько минут немецкий самолет вновь на бреющем полете показался над нашей территорией. Мы открыли дружный и беспорядочный обстрел самолета. Не знаю, попал кто в цель или нет (пули были не бронебойные), но над нами самолет больше не показывался. Ходила молва, кто-то видел, как немецкий самолет вдруг задымился и упал недалеко в лесу. Авось так и было! Мы все еще не успели уйти в караульное помещение, как на открытой машине подъехал зам. командира полка майор Ефимов и сказал: «Война». Тут же спросил, есть ли отбывающие наказание на гауптвахте. Я сказал, что есть пять человек. Майор приказал открыть дверь гауптвахты и, войдя в комнату, где находились парни-штрафники, обратился к ним с вопросом: «Ну что, солдаты, будем на «губе» сидеть или воевать будем?» Все вместе хором заорали: «Воевать, товарищ майор!» Он еще рассказал, что немцы без объявления войны напали на нашу страну, и началась война. Тут же приказал мне отпустить в свои подразделения этих парней, а мне – передать караул моему заместителю и следовать вместе с ним в штаб округа. В штабе округа я сразу же получил задание сформировать смену (команду) из 45 человек для работы на ВТС и приступить к работе в 8 утра. Вернувшись к себе в казарму, я по имевшемуся у меня штатному расписанию быстро скомплектовал команду (фактически эта команда была давно заранее укомплектована) и утром направился с нею в город, на ВТС.

Таким образом, с первого же дня войны я начал исполнять обязанности среднего командира – лейтенанта. Так началась для меня Великая Отечественная война!

В первые же дни мы узнали, что мы теперь в 42-м действующем полку связи, в основном выделенном из 6-го полка связи. Родной же наш 6-й полк с небольшим составом классных специалистов-преподавателей во главе с полковником Савельевым был отправ-

лен в тыл, в Красноярск, готовить новые кадры связистов для фронта. Командиром нашего, 42-го полка связи, стал майор Ефимов, а комиссаром – старший батальонный комиссар Моисеев.

Первые же дни войны не предвещали ничего хорошего. Вскоре стали слышны грозные раскаты взрывов: враг занял город Львов. В последних числах июня была дана команда погрузить на машины все оборудование, все ценное и своим ходом выехать на Проскуров. Для переезда был оборудован всеми видами связи один комфортабельный автобус, из которого в пути можно было связаться и по телефону, и по телеграфу с любым городом, с любой армией. Во время погрузочных работ и выстраивания нашей колонны по одной из главных улиц Тернополя вдруг раздались выстрелы. Несколько человек было ранено. По команде «в укрытие» все оказались у стен зданий. Стреляли с крыш или чердаков домов, мимо которых проходила основная дорога. Несколько наших курсантов незаметно пробрались на чердаки и на крыши соседних домов, где обнаружили вражеских стрелков-диверсантов, и просто сбросили их с крыш. Их личности никто не устанавливал. После этого инцидента колонна тронулась на Проскуров (сейчас – Хмельницкий). В первых числах июля штаб фронта (фронт был назван Юго-западным) попытался развернуться в Проскурове. Но фашисты быстро наступали, и штаб фронта перебрался в Житомир, где также задержался недолго. И уже 11 июля 1941 года штаб фронта оказался в Киеве. Враг на несколько дней в жестких боях был задержан 8 и 9 июля в районе Житомира. Но под натиском превосходящих сил противника 9 июля Житомир был оставлен. А мы, 42-й полк, обслуживающий всеми видами связи штаб фронта, вновь оказались в Киеве. Штаб фронта, вернее его командование и ВТС, сразу же разместились для работы в прекрасном бункере-дворце, запрятанном глубоко в подzemелье в заповедном сосновом бору Святишино (А возможно, Сырец. Точно не помню). Наверху росли трава, огромные вековые сосны. И только два хорошо замаскированных лаза в бункер были чуть-чуть заметны, если хорошо присмотреться. Один лаз с подъемным лифтом – для большого начальства, другой с винтовой лестницей – для всех остальных. Мы, конечно, всегда пользовались только лестницей. Как и прежде, я через каждые 16 часов (иногда через 24 часа) со своей сменой заступал на дежурство (на работу на ВТС) в этом подzemелье. Здесь было очень много изолированных друг от друга комнат – чистых, светлых, с прекрасным освещением и вентиляцией. Яркий свет создавали мощные, из матового стекла, лампы. Здесь, в подzemелье, а порой и наверху, в лесу, мне часто приходилось видеть высокое начальство: командующего фронтом генерал-полковника М.П. Кирпоноса, начальника штаба генерал-лейтенанта Пуркаева, члена Военного Совета фронта корпусного комиссара Вашугина, начальника оперативного отдела штаба ЮЗФ генерал-майора (в первые дни войны полковника) И.Х. Баграмяна и, конечно, начальника связи фронта генерал-майора Добыкина. За два с лишним месяца работы здесь мы так свыклись с окружающей обстановкой, что, казалось, мы никогда и никуда отсюда не уедем и не уйдем и Киев, как твердыня, никогда не будет сдан врагу. Во время работы моей смены мне, как начальнику сме-

ны, очень часто приходилось встречаться по работе с начальником оперативного отдела штаба фронта генерал-майором Баграмяном. А порой и наверху, во время короткого отдыха. Привлекал нас генерал Баграмян своей простотой, добротой и заботливостью, своей щедростью. Он сам присаживался около нашей «когорты», открывал пачку папирос «Шедвр», которые он всегда курил, и всех угощал. А курили тогда буквально все солдаты. Мне же он был близок еще и потому, что почти вся корреспонденция для раздачи по местам вручалась мне и обязательно с пояснениями лично генерала Баграмяна. Хорошо знал я и начальника связи фронта генерал-майора Добыкина.

Находясь в значительной изоляции от мира, мы все же всегда были в курсе основных событий на фронтах войны. Очень тяжело мы приняли окружение и разгром двух наших армий на Украине, на южном направлении. Но вместе с тем восхищались стойкостью Киевского укрепрайона и всех войск, защищавших Киев и все подступы к Днепру.

Однако положение ухудшалось. И, видимо, желая создать в тылу другой запасный рубеж против фашистских войск, командование создало узел фронтового управления в городе Прилуки, в значительном удалении от Киева. Вот сюда, в Прилуки, и перебрались меня с моей сменой. Произошло это в конце августа 1941 года. Этот промежуточный штаб управления фронтом разместился в нескольких одноэтажных зданиях и сразу же начал работу. На полную мощь работал в это время и основной, Киевский узел управления штаба ЮЗФ. Сюда, в Прилуки, мне позвонил из Киева мой друг, начальник другой смены, Николай Бешкуров и сообщил, что ему, Бешкурову, Геннадию Васильеву и Петру Камардину присвоены звания младших лейтенантов, а мне – звание лейтенанта. Я, конечно, был рад такому событию. Но получить соответствующий приказ и удостоверение мне так и не пришлось: закружили события.

Работать на ВТС в Прилуках нам пришлось всего несколько дней. Налетевшие среди бела дня самолеты противника до основания разбомбили все здания управления, вывели из строя систему электроснабжения, оказались перебитыми основные кабели связи, уничтожена вся телеграфная аппаратура. Несколько человек связистов погибли, многие были ранены. Мы считали, что такое могло случиться только в результате предательства, шпионажа или прямого наведения вражеской авиации на такую цель.

Командованию ничего не оставалось, как вернуть оставшихся в живых в Киев, на прежнее место. Так что в первых числах сентября я, собрав заново смену, стал снова выходить на работу на ВТС в бункере. И вот однажды, в начале сентября, во время дежурства моей смены меня вызвал к себе начальник связи генерал-майор Добыкин и приказал мне подготовиться к встрече важных гостей для переговоров со ставкой Верховного командования. Надо было в одной из удаленных комнат (мне указал ее генерал Добыкин) отключить три телеграфных аппарата и только один оставить работающим; поставить с десяток стульев вдоль расположения телеграфных аппаратов, подобрать двух парней – классных телеграфистов, только обязательно коммунистов. Но в смене оказался только один телеграфист-коммунист – Иван Лукин. И то больше механик, чем телеграфист. Но на приеме и он

может справиться. На передачу коммуниста не оказалось, и я подобрал классного телеграфиста на СТ-35 Сережу Сапрыкина. Начальнику связи волей-неволей пришлось с подобранными кандидатурами согласиться. И когда все было приготовлено, появилась довольно большая группа командиров высокого ранга. Впереди шел какой-то незнакомый мне генерал-майор – пожилой, с красивыми седыми усами и седой головой (говорили, что это был старший адъютант С.М. Буденного генерал-майор Преображенский). За ним шли командующий юго-западным направлением маршал Советского Союза С.М. Буденный, командующий Юго-западным фронтом генерал-полковник М.П. Кирпонос, первый секретарь ЦК КП(б)У Н.С. Хрущев, генерал-майор И.Х. Баграмян. Затем шла солидная группа незнакомых мне генералов и старших офицеров, так что стульев всем не хватило и некоторые из них во время переговоров стояли. Генерал-майор Добыкин куда-то вышел, а я остался здесь же, в комнате переговоров, оперся на дверной косяк. Никто из начальства не обращал на меня никакого внимания. Все предложения для передачи по телеграфу почему-то высказывал первым седой генерал. Затем, получив одобрение от кого кивком головы, от кого – словами, он диктовал непосредственно телеграфисту предложения для передачи в Москву.

Из Киева пошла передача, что все командование фронта у аппарата. Москва сообщила, что Васильев у аппарата (кажется, это был позывной Сталина). Потребовали доложить обстановку. С согласия «верхушки» от командования фронта сообщили, что враг прорвал оборону и форсировал Днепр как севернее, так и южнее Киева и ведет бой на окружение всей нашей Киевской группировки войск. Просили дать согласие оставить Киев для спасения армии и с целью выравнивания линии фронта – отойти в тыл, на подготовленные ранее позиции, взорвать мосты через Днепр и разрушить линии связи. Однако Москва на это согласия не дала, взрывать мосты запретила, но пообещала из резерва главного командования срочно направить в места прорывов свежие силы наземных войск и авиации. Это я все слышал.

Тут в дверь заглянул генерал Добыкин и взглядом приказал мне удалиться из комнаты, что я и сделал. Чем закончились эти переговоры, я так и не узнал. У ребят-телеграфистов не спрашивал. Известно только, что эти подкрепления своевременно в нужные места не подошли, и вся Киевская группировка наших войск в составе четырех армий оказалась в кольце, в окружении. Где-то в районе Чернигова две немецкие армии сомкнули кольцо.

17 сентября 1941 года нам, остаткам 42-го полка связи, обслуживавшего штаб фронта, была дана команда собраться к ночи на 18-е в ботаническом саду. Так остатки полка, не более трети его довоенного состава, фактически были оставлены на произвол судьбы. Правда, в это время с нами были и командир полка майор Ефимов, и комиссар. Были, конечно, и другие командиры. Под их руководством полк по команде свыше с наступлением темноты покинул город Киев, взяв курс на восток. А по приказу Ставки 19 сентября 37-я армия оставила столицу Украины Киев.

Уже после войны мы узнали, что генерал М.П. Кирпонос и штаб фронта потеряли управление войсками. Расчлененные на отряды и группы, войска

еще более недели вели тяжелую борьбу в окружении. Многие из них пробивались через вражеские заслоны, но десятки тысяч бойцов и командиров погибли в неравных боях с врагом или оказались в плену. Не удалось вырваться из кольца и командованию фронта.

20 сентября в районе Лохвицы, в роще Шумейково, погибли командующий Кирпонос, начальник штаба Тупиков и член Военного Совета фронта Бурмистенко.

После войны мне довелось прочитать книжку о полководце М.П. Кирпоносе. Добавлю только, что он сам родом из Черниговской области и что его адъютант вместе с другими командирами и бойцами, оставшимися в живых из этой группы, похоронили командующего и его товарищей в этом лесу и сумели вынести и передать родным генерала Кирпоноса его боевые награды, медаль Героя Советского Союза, его документы и некоторые личные вещи. К сожалению, автора этой книги не помню.

А для меня и моих самых близких друзей с 19 сентября 1941 года начался самый страшный период в нашей жизни...

III. Окружение под Киевом. Плен. Побег из плена

Стареем мы. Худеет память. Много из прошлого ушло в область предания, а попросту – забылось. Но четко сидят в памяти человека важнейшие события и отдельные эпизоды из жизни тех дней.

Как я уже сказал выше, 17 сентября 1941 года в ночь мы пешим строем двинулись на восток. Шли, спешили. Прошли перед утром какое-то большое село и вскоре, к восходу солнца, оказались в небольшой деревушке. Насколько помню, деревня называлась Борщаги (или Боршаговка).

Борщаги – поселение старое, все в садах, кустарниках. Много зелени, небольших лесных массивов. Но главное не это. Главное то, что деревня расположена в мешке: с трех сторон (с востока, с севера и юга) она окружена болотом, поросшим камышом и осокой. Многие жители деревни куда-то исчезли. А каждый час сюда все прибывали и прибывали машины с какими-то, безусловно, ценными грузами. Были и легковые. То с армейским начальством, то с какими-то большими гражданскими чинами. Но больше шли солдаты. А мы, «старожилы», упорно искали выход из проклятых болот.

По чьей-то глупой инициативе мы начали разбирать избы, сараи, плетни и заборы и мостить переправу через болота в направлении на северо-запад, как мы думали – в направлении на город Яготин. Прошел слух, что в Яготине наши основные силы и что они упорно защищаются.

Хотя в постройке «плотины»-переправы участвовало довольно много солдат и командиров, гать росла медленно, причем в большой суматохе и неразберихе. А вскоре над деревней пролетела «рама» – немецкий двухфюзеляжный самолет-разведчик обстрелял нашу переправу, сбросил листовки с угрозами расправиться с нами и предложениями сдаться в плен, чем сохраним свои жизни. А на «стройку» кинули несколько небольших бомб. Но и они разнесли наш помост в щепки, было убито и ранено до полусотни солдат и офицеров. Вскоре же начался систематический артиллерийский и пулеметный обстрел нашего

полуострова, скопления солдат. Мы несли большие потери.

По чьей-то инициативе – не помню, но 20 сентября мы, человек 20-25, в основном мои друзья и товарищи из 42-го полка связи, решили одолеть болото вброд. Со мной пошли мои друзья – Николай Бешкуров, Петр Камардин, Петр Хулап, Владимир Сухорученков и другие. Но еще в Киеве, а особенно здесь, в Борщагах, я сдружился с Владимиром Сухорученковым. Он оказался мужиком запасливым и добыл где-то в путь кое-что из продуктов: сухарей и котелок сливочного масла.

Рассредоточившись в ширину метров на десять-двенадцать мы, вооружившиеся длинными палками-щупами, медленно стали одолевать злосчастное болото!

Да, забыл сказать, что еще 19-го утром командир полка майор Ефимов вместе с комиссаром Моисеевым верхом на лошадях в сопровождении своих ординарцев и небольшой охраны ушли через болото то ли в разведку, то ли сбежали. На этом и след их простили. Больше мы их не видели и ничего о них не узнали.

Ну а мы – «водолазы», все мокрые и грязные, все же к вечеру 20 сентября одолели болото и вышли в небольшой лесок. Как говорят, чем бог послал перекусили и начали искать своих. А их, своих, здесь оказалось уже очень много. В том числе и ребята из нашего полка.

Какие-то незнакомые нам командиры начали разбивать нас на отделения, взводы и роты, рассредоточивать в цепь вдоль опушки леса с целью с ходу прорвать оборону противника и двинуться все-таки на Яготин. Так относительно спокойно мы одолели какую-то лощину, начали взбираться на довольно высокий холм, поросший редкими деревьями. Сшибли с деревьев несколько немецких «кукушек» (стрелков-снайперов) и к вечеру оказались в большом селе. Узнали, что село называется Семеновкой. На ходу кое-чем перекусили (подавали сердобольные женщины то картошку, то кусок хлеба или початок кукурузы). Семеновку мы прошли спокойно, хотя говорили, что в ней где-то на окраине размещался небольшой отряд немцев. Но в бой он не стал втягиваться.

О том, что в селе были немцы, мы узнали, уже когда выходили из села: сказали местные жители. Стали выстраиваться в колонну, которая оказалась довольно большой. Впереди колонны, во главе ее, танцевал на белой красивой лошади какой-то незнакомый нам подполковник. Стройный, горластый, властный. Сейчас вот думаю: а не переодетый ли это был фашист? Кто знает ...

ПЛЕН

Вот такой колонной, не менее пятисот человек, мы двинулись в поле вдоль какой-то дороги. Хорошо помню, что не прошли мы и километра, как на обочине дороги, на сухой траве, увидели лежащих в ряд человек 12-15 погибших наших ребят. Долго рассматривать их было некогда – все спешили вперед, но я увидел среди погибших одного моего друга – красавца парня, командира отделения Гену Васильева. Погибли наши парни – это был знак! Предупреждающий знак!

Вскоре наша колонна начала подниматься на

обширный холм – высокое плато, засеянное еще не убранным горохом. Я с другом Владимиром Сухорученковым шел в последних рядах колонны, и, когда мы уже были у небольшого холмика с деревянным столбиком – тригонометрическим знаком, – на нашу колонну, казалось, со всех сторон обрушился град снарядов и мин: немцы действительно были почти везде вокруг нас – засели по опоясывающим холм лощинам и слева, и справа, и спереди!

В это время на какой-то момент я потерял из вида Владимира. Под грохот стрельбы, под шум и треск рвущихся снарядов и свист пуль я оказался на тригонометрическом холмике, уцепился за деревянный столб. Страху никакого не было. Сколько времени я так стоял – не помню. Очнулся, когда услышал крик Владимира: «Петро, Петро Баюра! Скорее ко мне! Ты что, приготовился к гибели?» И я несколькими шагами добежал до Владимира. Он лежал в широкой борозде, в так называемом по-крестьянски развале. Развал этот был весь заполнен бойцами. Ноги одного подпирались головой другого. И все не шибко споро, но ползли куда-то вперед, подволакивая рядом с собой винтовку или автомат. С оружием были все. Владимиру как-то удалось сдержать подпиравшего его ноги своей головой сзади лежащего бойца, самому чуть задержаться и в образовавшееся впереди него пространство в этой борозде всунуть меня.

Через 20-30 минут обстрел прекратился, и все стихло. А с левой и с правой лощин редкими цепями поперли фашисты с автоматами в руках и с засученными рукавами. Пошли подбирать пленных. Но не тут-то было! Залегшие в горохе бойцы сразу же открыли хотя и беспорядочный, но большей частью прицельный огонь. Фашисты кое-где начали падать, потом что-то заорали и побежали вниз, в лощину. А через несколько минут начался еще более мощный обстрел нашего холма. В этот обстрел был ранен Владимир: ему мелкими осколками мины посекло всю спину и задницу. Меня же меньше задело: небольшим осколком пробило левый сапог у мизинца и зацепило мизинец. Хотя обстрел продолжался, мы вынуждены были обрабатывать раны. Хорошо, что в ранцах у нас было по паре запасного белья. Пригодилось. Мне удалось найти среди стеблей гороха несколько листков подорожника, поплевать на них слюной, вытереть о нижнюю рубашку и наклеить на раны и ссадины Владимиру на спине. Затем прорвал запасную нижнюю рубаху, туго обмотал Владимира от груди до задницы. Потом уже занялся собой. Складным ножом прорезал в сапоге побольше дыру, протер рану тряпицей, кое-как обмотал палец и перевязал рану. И, надо сказать, все это делалось довольно быстро. Так что, когда снова прекратился обстрел и немцы вновь пошли собирать наших бойцов в плен, – как и в первый раз, – мы снова дали им отпор. Вот после этого, уже в третий раз, фашисты снарядов не жалели! С еще большей яростью и остервенением лупили по нам из всех видов оружия. И уже не 15-20 минут, а, казалось, 2 или 3 часа шел обстрел! Но и этому обстрелу пришел конец. Стрельба стихла. Но стали отчетливо слышны душевнораздирающие крики, стоны раненых, изувеченных. И снова, как и после первого и второго обстрелов, цепью и справа, и слева пошли фашисты подбирать в плен теперь уже не сопротивлявшихся оставшихся в живых наших бойцов и офицеров. Наш развал нахо-

дился где-то на середине горохового поля, и так как стрелять уже было нечем (все патроны израсходованы), то мы с Владимиром решили обмануть немцев. Винтовки положили под себя, а сами притворились убитыми, но, видимо, не мы одни были такие хитрые. Без всяких церемоний подошедшие к нам два фашиста изо всей силы опустили на наши спины и плечи свои автоматы! От страшной боли мы, конечно, не выдержали и заорали благим матом, чем дали повод снова лупить нас сколько вздумается и орать во все горло: «Ауфштеен, русиш швайн! Шнель! Шнель!» (Мы с Владимиром в своих школах учили как-то немецкий язык и кое-что понимали!) Поэтому переводить на русский язык тут особо было нечего: фашисты орал: «Вставайте, да быстрее, русские свиньи!» Но, видя, что один из нас весь обмотан окровавленными тряпками, а у другого забинтована такими же тряпками нога, немцы грубо взяли Владимира за руки и за ноги и бросили на огромную телегу, в которую были впряжены два белых битюга. На телеге уже лежало около десятка несчастных раненых наших солдат. Видя, что и я не могу идти, волочу левую ногу, бросили и меня в телегу. А специальная команда немцев в каких-то сивых халатах собирала и укладывала в штабеля убитых. Словом, на поле шла работа. Закончив собирать пленных и заполнив несколько таких же повозок ранеными, процессию направили в то же село, которое мы прошли вечером без единого выстрела. Ходячих пригнали пешком, а раненых привезли на телегах и сбросили около каких-то беленьких сараев. Кто на ходу – тех сразу загнали в эти сараи, а раненых – что правда, то правда – начали перевязывать, промывать раны и смазывать их йодом. Перевязали и Владимира и тоже отнесли в сарай. Полечили ногу и мне, предварительно разрезав сапог так, что его пришлось привязывать какой-то веревкой. Конечно, вскоре и я оказался в сарае рядом с другом Владимиром. Пол в сарае был земляной, хорошо утрамбованный и посыпан какой-то сухой травой.

Около наших сараев собралась целая толпа женщин и ребятишек. Искали своих знакомых или родных, а заодно старались как-то незаметно передать нашему брату то кусок хлеба, то початок кукурузы или вареной картошки. Все съедалось моментально! Немцы нас и не думали кормить. Вот так два или три дня мы пробыли в этих сараях. О побеге и думать было нечего! Охрана была мощная да еще с громадными псами. А в ночь на третий день нас всех погнали пешком на Яготин, куда мы так упорно недавно стремились попасть, думая, что там наши войска. Как мы дошли до Яготина, не помню. Оказалось, что еще 21 сентября он был захвачен немцами. Здесь нас, пленных, оказались уже тысячи! Многие были ранены. То руку держали на перевязи, то шли с палочкой, волоча ногу, то вообще еле двигались. Увидели мы тут многих товарищей из нашего полка, даже из нашего батальона. Лейтенанта Оселкова с перевязанной рукой, наших друзей Николая Бешкурова и Петра Камардина, да и многих других товарищей, фамилии которых, к сожалению, не запомнились. Здесь, в Яготине, нас держали на открытом воздухе. Огромная поляна была обнесена в два ряда колючей проволокой. Говорили, что эта проволока была под электрическим током, так что к проволоке мы не подходили.

Было холодно, особенно по ночам. Спасала от

холода только солдатская шинель. А так как гражданских лиц – сердобольных женщин – к лагерю не подпускали, чтобы хотя бы корочку хлеба передать кому из заключенных, то немцы стали нас кормить баландой – каким-то варевом из отрубей, свеклы, капусты и иногда – неочищенной картошки. Давали один раз в сутки по одному литровому черпаку. Конечно, все были голодными, многие начали болеть, умирать. Особенно много погибало во время переходов от стоянки к стоянке: гнали нас на запад. Здесь фашисты-конвоиры свирепствовали, как звери! Чуть шаг в сторону или попытка взять кусок хлеба с протянутой руки какой-либо жалостливой женщины кончались пулей в затылок военнопленному, а иногда – и женщине. Словом, дисциплину фашисты держали еще ту. Мы с Владимиром обратили внимание на то, что ежедневно в наш лагерь прибывало по две-три небольшие партии военнопленных, видимо, пытавшихся вырваться из окружения, а также и на то, что ежедневно куда-то отправляли по одной большой партии военнопленных из нашего лагеря. Куда отправляли – мы не знали, однако многие военнопленные стремились хотя бы таким путем вырваться из этого открытого кладбища. А для этого надо было «гуртоваться» где-то поближе к воротам, потому что в маршевые команды брали в основном отсюда. Так и мы с другом на какое-то утро попали в маршевую колонну. Нас, отобранных, человек 200-250, выстроили уже за проволочной оградой и куда-то погнали. Куда – мы не знали. Знали, что на запад. А попасть в маршевую колонну стремились многие еще и потому, что «маршевиков» раньше других кормили баландой, и главное – у них появлялась хоть какая-то надежда бежать! Как бежать – неизвестно. Но бежать! Надеяться на это и мы с Владимиром. Вот и попали на «переход». Гнали нас довольно быстрым шагом, орали на нас: «Лос, лос!» Отстающих, не осиливающих быстрого темпа ходьбы, добивали: довольно часто были слышны выстрелы конвоиров.

Пригнали нас в город Борисполь, недалеко от Киева, и, прежде чем загнать нас в аналогичный прежним открытый лагерь, нас всех раздели и разули. У всех забрали шинели и сапоги. Мне сапоги оставили, так как один сапог – на раненой ноге – был весь изрезан и всегда привязывался к ноге веревкой. А Владимиру вместо отобранных сапог выдали огромные солдатские ботинки с обмотками. Такого издеательства никто не ожидал! Начали постепенно стыть, замерзать, и никакие движения руками и ногами не спасали. Что делать? Кто-то из таких же горемык, как и мы с Владимиром, догадался рвать сухую траву (поздняя осень, начало ноября) и напихивать ее под гимнастерку на спину и на грудь (между нательной рубашкой и гимнастеркой). Сделали это и мы с другом. Стало немного теплее. Вот с таким утеплением мы провели в открытом лагере ночь, а наутро – снова в поход! Теперь мы уже знали: нас гонят в Киев. И действительно: еще засветло мы добрались до Киева, и когда шли по какой-то довольно узкой улице, на ее обочине, на возвышенности, стояло много женщин, детей и стариков. Они что-то кричали, даже бросали какие-то кулечки с едой. Нам тоже не запрещали кричать, и я громким голосом попросил тех, кто меня услышит, сообщить обо мне с другом моим добрым друзьям – Любе и Лиде, назвал их фамилии и адреса

и просил, чтобы принесли что-либо из теплой верхней одежды, хотя бы старой и ненужной. Люди видели, что мы все раздеты, в одних гимнастерках. Мы уже знали, что Киев – это перевалочная база, что на другой день нас погонят дальше на запад. Об этом я также говорил народу. Таким образом, мы питали хотя бы небольшую надежду, что наше желание сбудется, что нам помогут. В Киеве нас загнали (о, ужас!) в до боли знакомый нам двор по ул. Мельника, где размещался наш 6-й полк связи и где прошло более года нашей армейской службы! Но загнали нас не в казармы, а в холодные, с цементным полом, гаражи! После проведенной в этом гараже ночи я не знал, как остался жив. Но у меня окаменела правая нога. Я еле мог переступить. К выходу из этого логова моя нога чуть отошла, но полностью так и не восстановилась. Обидно то, что это онемение правой ноги осталось на всю жизнь. И даже сейчас, на 79-м году жизни, я почти все время ощущаю это онемение.

И каковы же были наше удивление и наша отчаянная радость, когда утром, едва успев выйти вместе с другими пленными на улицу, мы увидели на обочине наших спасителей – Любу и Лиду! И им церберы разрешили передать нам теплые фуфайки и узелки с едой. Мы были на седьмом небе от счастья и тут же облачились в наши спасительные одежды и стали с жадностью уплетать все съестное! Девушки просили нас беречь себя, писать им и при возвращении – навестить их. Ну а мы всячески старались выказать им чувство благодарности и, конечно, обещали, если будем способны, написать им, а также проявляли и наше страстное желание возможной будущей встречи с ними!

Вскоре нас погнали к железной дороге, к вокзалу, грубо загнали в телячьи (грузовые) вагоны и куда-то повезли. Видели: везут на запад. Сколько времени мы так ехали, не помню. Но высадили нас в Житомире. Выстроили в колонну и пешим строем погнали дальше, на запад. Теперь в пути мы уже не так мерзли. Да к тому же – забыл сказать – девушки передали нам и теплые шапки. Так что мы почти полностью оказались в гражданской одежде. К тому же стояли довольно теплые осенние дни. Наверное, это были дни бабьего лета. А при быстрой ходьбе даже стало жарко, поэтому, когда мы подошли к какой-то довольно большой и спокойно несущей свои воды реке, многие военнопленные становились на карачки и пытались попить воды. Но без особых окриков, предупреждений загремели автоматные очереди, и с десяток еще крепких мужчин нашли свою смерть в тихих волнах украинской реки. Говорили, что река эта – Славутич. Так ли это – не помню. Реку эту перешли по мосту и вскоре очутились в городе Славута. Было это в начале ноября 1941 года.

Читающий эти записки, пожалуй, спросит: а как же с побегом? А никак. Всякие попытки отклониться в сторону на два-три метра для пленного кончались смертью. Орала и стреляла из автоматов. А порой даже и не орали, просто стреляли. Надежного же случая никак не подворачивалось. Начиная с Киева, среди конвоиров появились бывшие наши солдаты (даже офицеры). И уже они-то, желая выслужиться перед фашистами, на нашего брата не жалели ни прикладов, ни пуль, ни кожаных плеток (кнутов). Кнутами, как известно, пользуются пастухи. Если ско-

тина куда-то отклоняется от стада, пастух ее своим длинным кнутом возвращает обратно. Вот так и нас теперь, пленных, шибко ретивые конвоиры (мы их звали полицаями) при малейшем отклонении от колонны загоняли назад кнутами.

Славута – небольшой украинский городок. Но в самом городе мне не пришлось побывать. Разместили нас на восточной окраине города, где, кроме нескольких строений бывшего советского военного городка, ничего не было. Всех, кого пригнали в колонне, полторы-две тысячи человек, загнали в одно из казарменных строений, расположенных вдоль рядом идущего тракта. Таких зданий (трехэтажных) было три. Нас разместили в самом западном, обтянутом в два ряда колючей проволокой. Два других здания пустовали. Но между нашим зданием и соседним торчало одноэтажное кирпичное строение. Там разместилась кухня, в которой повара-фашисты с помощниками-полицаями колдовали над варевом для военнопленных. Называли мы это варево баландой. Раз в сутки, обычно утром, всех нас под конвоем выводили из нашего логова, строили в колонну по четыре и гнали в восточную сторону по шоссе. Где-то через два-три километра колонна поворачивала обратно и размеренным маршем приближалась к вожделенной кухне. Каждому подходящему вливали в любую имеющуюся у него посуду литровый черпак этой самой баланды. В баланду повара кидали все что придется: отруби, плохо промытую свеклу, картошку, тыкву и капусту. Но варево было настолько жидкое, да еще к тому же так хотелось есть, что эту порцию просто сразу же на ходу выпивали! Обходились без ложек. А что прилипнет к стенкам, выгребали руками. Голод, холод, антисанитария сделали свое дело. Через 10-12 дней все мы стали походить на ходячие скелеты. Пошла дизентерия, завшивленность, смертность, людоедство! По утрам на каждом этапе подбирали и уносили куда-то мертвецов. Иные из мертвецов были ужасно обезображены: с отрезанными ягодичами, очищенными от мягких тканей ногами, руками, грудью. Видели и мы с Владимиром, что конец у нас такой же и что он близок. Ко всем мучениям приплюсовался ужасный голод! Что такое один литр баланды в сутки?! Мы бродили по территории лагеря в поисках хоть чего-то съестного. У отхожего места обнаружили свалку кухонных отходов: грязные, полустгнившие капустные листья, обрезанные верхушки свеклы и т.д. Все это мы выгребали из мусора, обтирали грязь о свои грязные одежды и съедали! И как результат – свирепая дизентерия! Владимир как-то еще держался, а меня свалило наповал. К концу второй недели пребывания в этом лагере по утрам я уже не в состоянии был подняться самостоятельно. Вставал с пола (мы все спали на полу) только с помощью друга. Получив и выпив баланду, вновь ложился на пол где-нибудь в отдаленном уголке. Словом, ждал смерти.

Предпринятая однажды вдвоем с другом попытка сбежать из лагеря закончилась избиением прикладами винтовок и кнутами с вплетенными на концах свинцовыми грузиками (гирьками). Мне исполосовали всю спину, ноги, руки, а Владимиру больше досталось по лицу. Шрам на рассеченной гирькой брови остался на всю жизнь. Он виден и сейчас. (Хочу сказать, что друг мой жив. Раньше я встречался с ним ежегодно. Живет он в Подмосковье). Мы с Владимиром

пытались около соседнего, расположенного рядом с нашим корпусом здания, в углу, в куче разного барахла недалеко от крыльца, подобрать себе какую-либо посудину под баланду (помятый котелок, солдатскую каску или ящик от патронов). Это был предлог для оправдания. А задумка – если не заметит охрана – забежать за здание (кстати, оно было не огорожено), там затаиться, а с наступлением темноты бежать! Словом, идти, ползти, перекачываться куда угодно, куда глаза глядят. Вот тут-то и были мы избиты и истлестаны кожаными кнутами!

ПОБЕГ ИЗ ПЛЕНА

Несмотря на этот ужасный провал, мысль о побеге не покидала нас с Владимиром ни на минуту. Если не побег, то хана! Но вот вскоре снова мелькнула возможность побега. Однажды, когда колонна уже повернула обратно за получением баланды, при подходе к кухне мы увидели на крыльце нежилого здания казармы несколько женщин с ведрами и побелочными кистями и мужчин с ножовками, топорами и другим инструментом. Как что-то толкнуло нас! Через минуту мы, не замеченные охраной, оказались на крыльце в окружении женщин и мужчин. Видимо, они сообразили, что нам надо, и быстро зашли внутрь здания, в коридор. Главное, и сами они, и мы с Владимиром вместе с ними скрылись с глаз охраны. Робость куда-то исчезла. Но мы голодны! Одна из женщин решила дать нам по хорошему куску хлеба и по куску свиного сала. Мы с Владимиром только что собрались уничтожить этот дар, как один из мужиков, видимо, опытный, отобрал у нас и хлеб, и сало, а взамен дал всего по небольшому кусочку хлеба, этак граммов по сто, и по крохотному кусочку сала. Иначе, сказал он, вы тут же протянете ноги! И посоветовал нам подниматься наверх, на второй или третий этаж и ждать вечера, темноты. Вскоре мы с Владимиром оказались на третьем этаже. На всякий случай постарались вооружиться хоть чем-нибудь. Владимир нашел железную кочережку, а я какую-то тяжелую палку, после чего оба мы спрятались за большой круглой печкой, размещенной в углу комнаты, и стали ждать вечера. Под вечер услышали чьи-то шаги. Видимо, охрана проверяла здание: не спрятались ли кто там из пленных? Мы с Владимиром приготовились не защищаться, а нападать! Будь что будет! Если идущий обнаружит нас – сразу сбить его с ног, если надо, прибить до смерти! И бежать!

К счастью, никто нас не обнаружил, и, когда стемнело, мы тихо спустились на первый этаж, незамеченными зашли в тыл здания, и насколько можно спешно пошли на восток, в сторону видневшегося недалеко молодого леса. Как хватило у меня еще сил добраться до этого леса, не знаю, но едва прошли мы несколько шагов, как я упал и уже не смог подняться. Силы окончательно покинули меня. Дальше по полному спуску редкого молодого леса Владимир пошел один. Я настоял, чтобы он шел. Была догадка, что там, внизу, не так далеко, есть люди: отчетливо был слышен лай собаки. Сколько времени я так лежал и ждал возвращения друга – не помню. Но, однако, через какое-то время я услышал мужские голоса. Подошли двое: Владимир и какой-то хромой парень. Не долго думая они подхватили меня вдвоем под руки и не понесли –

поволокли вниз по лесу! Долго ли, коротко ли длилась эта пытка, но после неоднократного отдыха мы очутились на какой-то поляне, на разостланной ржаной соломе, среди каких-то молодых людей. Невдалеке были видны изба и сарай – хозяйство нашего спасителя. Оказалось, этот парень играл свадьбу. Жил он с родителями. Когда мы появились, рядом с домом на костре гнали самогон. Вскоре нас с Владимиром притащили в дом, уложили на пол на солому, застланную чистым рядом. Предложили какую-то еду, а перед едой – по стограммовой стопке самогона! Владимир оказался крепче: рюмка его не только не свалила, а, наоборот, еще больше придала ему силы. Я же сразу захмелел и не мог ни идти, ни ползти. Меня положили в телегу и на лошади куда-то повезли. Рядом шел и Владимир. Вскоре телега остановилась у какого-то двора, и меня общими усилиями втащили в просторную избу. В избе жили старик со старухой и маленькая, лет 6-7, внучка – дочь сына, воевавшего где-то на фронте. Старики безбоязненно приняли нас, также в избе настелили соломы, накрыли ее сверху каким-то рядом, положили даже подушки. Уложили нас, да еще и чем-то накрыли. Меня бил озноб! Ни есть, ни пить я ничего не мог! И через несколько часов я оказался на русской печке, в горячей-горячей ржи! Здесь, на этой печке, в течение двадцати дней решалась моя судьба. Разные люди, как из этой деревни, так и из других мест, несли нам продукты: хлеб, яйца, сало, картошку. Несли редкие лекарства, отвары каких-то трав. Все старались чем-то помочь, и главное – не дать умереть больному дизентерией.

А Владимир как истинный друг ухаживал за мною, как за дитятей! Пытался чем-то накормить, добыть лекарств. Но есть я ничего не ел. Ослаб до того, что уже сам с печки слезть не мог. Заходил однажды местный полицай. Распорядился, чтобы от всякого греха мы скорее убирались из его деревни. (А деревня называлась Ташки). Но никто никуда меня не перетаскивал, а лежал я все эти двадцать дней в ржи на печке и уже готовился к смерти. Руки и ноги абсолютно не слушались. Еще раз повторяю: так прошло целых двадцать дней. На 21-й день, ночью, мне впервые ужасно захотелось есть! Не есть, а жрать! И я как-то умудрился по приставленным к печке мешкам с зерном скатиться на пол, подползти в другую комнату к Владимиру, попытаться разбудить его. Но из этого ничего не вышло, и я решил проявить самостоятельность. В углу на скамейке нашел мешок с нашим скарбом, взял из него три вареных яйца, кусок сала, краюху хлеба и все это довольно быстро съел! Еще раз скажу: ужасно захотел есть! Ел и думал: «А, будь что будет! Умру, так хоть не голодный!» Но не умер! Улегся на соломе рядом с Владимиром и сразу уснул. Говорят, что спал я двое суток! Друг уже начал сильно беспокоиться: не отдаю ли я богу душу?

Но, видимо, не время было расставаться с жизнью. С этого дня я начал очень быстро поправляться. А так как полицай вторично предложил покинуть деревню, чтобы не случилось чего похуже, дней через пять или шесть мы с Владимиром тихонько отправились в путь. Направление – на восток! Так и шагали мы с другом от деревни к деревне, прося у мирян ночлег и пищу. И нигде люди нам не отказывали. Я быстро набирал силы.

IV. Форсирование Днепра. Ранение

Подошла весна 43-го. И, наконец, пришел долгожданный момент: наши войска пошли в решительное наступление на широком фронте!

Я, как связист, был направлен командиром отделения линейной связи в одном из стрелковых батальонов 465-го полка 167-й стрелковой дивизии 40-й армии (командующий армией – генерал Москаленко). Наша обязанность – обеспечивать связь командования батальона с командирами рот и командованием полка в любой обстановке. В отделении было 12 человек, в том числе один ездовой с лошастью и повозкой. Он возил весь наш связистский скарб: две рации, то есть переносные радиостанции, аккумуляторы к ним, телефонные аппараты – полевые, около 10 штук, много катушек с гупером (изолированным мягким проводом) и небогатое наше личное имущество (рюкзаки с бельем, едой, шинели и кое-какие мелочи, у кого что было).

Так вот, из 12 человек двое были радисты. Оба парня – сибиряки: Невзоров и Ишутин. Остальные 10 человек, в том числе и я, – линейщики. Везде и всюду тянули «нитки», главным образом, от батальона в полк. В боевых условиях – прежде всего от батальона в стрелковые роты.

Почти все время мы находились на марше. Фашисты удирали так, что пятки сверкали. Но мы догоняли их арьергарды и били всеми видами оружия! Порой вступали в бой с пытавшимся окопаться в удобных местах противником. А вот на подходе к Киеву, точнее к Днепру, нам пришлось чуть ли не бегом наступать врага. Настроение у всех было боевое, приподнятое: враг бежит – мы побеждаем!

Так вскоре, в конце сентября 43-го года, мы оказались на левом берегу родного Днепра! Началось форсирование Днепра. Форсировали на чем придется: на добытых где-то лодках, на сколоченных пармах и даже на разных подручных средствах, вплоть до деревянных корыт, кусков дерева, надувных резиновых матрацев, подушек и так далее.

Нашему полку было приказано форсировать Днепр как раз напротив Киева, а точнее – напротив знаменитой Владимирской горки! Надо было с ходу форсировать главное течение Днепра (очень быстрое течение в протоке) и высадиться на остров. Остров очень большой, а главное, длинный, весь из наносного песка и покрытый лозняком и мелкими вербами. (Насколько помню, остров назывался Тархановым). С западной стороны этот остров омывался старицей (так здесь называли старое, обмелевшее русло Днепра).

Я со своим отделением довольно успешно форсировал основное русло Днепра на небольшой лодчонке, где-то добытой ездовым Ганышиным. Переправлялись по очереди, по три человека. В это же время тянули связь через Днепр. Чтобы кабель (провод) далеко не относил, мы на расстоянии 8-10 метров везде привязывали небольшие грузы – камни. Таким образом мы тратили значительно меньше кабеля. Надо заметить, что установление телефонной связи через Днепр – дело нелегкое, к тому же никогда нет уверенности в надежности связи. Чтобы быть более уверенным в доброкачественной проводке линии, контроль за всеми работами я взял на себя.

Не успели мы выскочить на остров и забить в землю штык, к которому прикрепляли кабель, и прослушать линию – к нам комбат капитан Снегирев: связь! А связи-то и нету! Дрянь кабель!

И пошел разнос с угрозами и трехэтажными матами! Но случилось то, что я и предполагал: громадная утечка тока и как следствие – никакой слышимости. Кабель наш, отечественный, так называемый гупер. В качестве изоляции провод худо облит смолой и сверху обтянут хлопковой тканевой оболочкой. И хотя места скруток (сращивания концов) мы хорошо изолировали изолентой, наш труд полетел в трубу! Командование, конечно, рвет и мечет! Теряюсь, что же дальше делать? Добро, на выручку приходит наш ездовой. Он напомнил нам, что вдоль дороги, по которой мы ехали недавно в сторону Днепра, на деревьях висел немецкий красный тонкий кабель с полихлорвиниловой изоляцией. Связисты-немцы не успели снять. А может, просто не захотели. Ребята быстро сбросили катушек в телегу, запрягли лошадь – и рысью снимать этот кабель. Парням повезло: кабель был цел! Его аккуратно сняли, намотали на катушки (оказалось целых три полных катушки!) и довольно быстро доставили к нам на берег. Мы, конечно, успели все снова переправиться на левый берег Днепра и отсюда на лодке потянули теперь уже немецкий кабель через Днепр. Заранее места сращивания и поврежденные места хорошо заизолировали. Каково же было наше удивление и неподдельная радость, когда первая же проверка показала прекрасную слышимость! Теперь довольно было и командование. На другой же день все мои ребята-связисты были награждены медалями «За боевые заслуги».

Пока мы тянули связь через Днепр, двое других ребят-связистов успели протянуть кабель от реки до западной окраины острова, где в редких кустах уже успел окопаться штаб нашего батальона и невдалеке разместились роты. К началу ночи пошла основная масса солдат и командиров к Днепру и тут же к его форсированию. За 4-5 дней на Тархановом острове разместилось три стрелковых дивизии сороковой армии.

Была поставлена задача – ночью пешим ходом вброд одолеть старицу (старое русло, мелководное, можно было перейти его вброд) и внезапным штурмом овладеть правым берегом Днепра. А правый берег – это сплошной крутой обрыв берегового гранита. Здесь же была отчетливо видна крутая лестница – спуск, так называемая Владимирская горка.

Было сделано три попытки перехода старицы вброд и захвата внезапным штурмом правого берега Днепра. Но эти попытки каждый раз заканчивались провалом, гибелью многих и многих солдат и командиров. Фашисты из своих нор, сделанных в обрыве, в упор расстреливали наступающих из пулеметов, автоматов и минометов. Ни одна из трех попыток одолеть старицу вброд и закрепиться на правом берегу Днепра не увенчалась успехом. Все это происходило ночью, мало что видно, однако каждое утро мы видели невооруженным глазом, как колышутся на воде и медленно куда-то уплывают трупы наших солдат и командиров в шинелях, бушлатах речников да и просто в фуфайках. Зрелище удручающее. Но в одну из ночей какой-то бравый старший сержант в течение всей ночи ползал рядом с немцами, но под днепров-

ской кручей, и сумел нанести на клочок бумаги много замаскированных огневых точек противника, запряганных в норы – штольни, сделанные в береговой скале, а из скалы пробиты и хорошо замаскированы дыры для хорошего обзора в нашу сторону и стрельбы по наступающим. К замеченным основным огневым точкам противника сержантом были сделаны пометки – ориентиры.

Ознакомившись с этим «документом», командование всего засевшего на острове соединения мудро решило: оставить на острове, как заслон, одну стрелковую дивизию, а две другие перебросить на другой участок. На переброску попала и наша 167-я стрелковая дивизия и, конечно, мой родной 465-й стрелковый полк.

Признаться, мы рады были такому решению. За те несколько дней, что мы пробыли на острове, многие солдаты и командиры сумели так простудиться, что одни натужно кашляли, у других по всему телу пошли фурункулы (просто – чирьи). Да и как было не простудиться, если мы все время пребывания на острове барахтались в воде или в песочной жиже, так как нормально окопаться было невозможно: копнешь лопатой на один штык – и вода. Кое-как соорудишь впереди себя небольшой песчаный бруствер, а сам лежишь в воде! Начали одолевать и меня злополучные чирьи. А лечить? Кто их в то время лечил?!

Так на седьмой или восьмой день мы ночью тихо и спокойно одолели Днепр и высадились вновь на левом берегу. После небольшого отдыха мы пешим ходом направились куда-то на север. А через несколько дней наша дивизия вновь переправляется через Днепр, но уже кем-то сооруженным паромом на «людской тяге». Высадились мы севернее Киева, даже чуть севернее небольшого городка Вышгорода. Снизу от реки казалось, что этот городок сидит на высокой-высокой круче. Были хорошо видны церковь и рядом с ней колокольня. А прямо перед нами вырисовывался чудный сосновый лес. Сосны (правда, росли редко-вато), казалось, своими вершинами протыкали звездное небо, уносились куда-то ввысь! Вот в этот лес мы и направились. Вышгород остался где-то слева.

Было начало октября 1943 года. Осень. Но погода стояла, как по заказу. Хотя по ночам было прохладно. Спасала шинель. Но с утра – теплынь. Целыми днями светило солнце и так нас обогревало, что приходилось даже снимать шинели. Помню, что мы изо дня в день продвигались на юго-запад все лесом и лесом, постепенно с боями отбрасывая от своего пути противника. И когда противник уходил довольно далеко, нам, молодым солдатам, удавалось взбираться на самые высокие сосны и оттуда видеть маковки киевских церквей и высоких строений.

Колотилось сердце от радости: Киев рядом. Мой родной Киев, с которым многое связано: и служба в армии в довоенное время, и страшные дни пребывания в плену и побега из плена, и, прямо сказать, казалось, ждало нас очищение в граде Киеве от фашистской скверны. Лелеяли надежду вскоре снова побывать в Киеве. Но было не суждено этому сбыться! Уже дней десять как мы (наша дивизия) продвигаемся лесом все вперед и вперед, держа основное направление на юго-запад. И хотя нет кровопролитных боев, но наши ряды постепенно редуют и редуют. Есть и убитые, и раненые, и серьезно заболевшие и отпра-

ленные в тыл на лечение. А пополнения – никакого.

Командование дивизии уже несколько дней ожидало замены своих измотанных полков новыми частями. Знали об этом и мы, рядовые солдаты. Но прибытие новых частей все почему-то задерживалось. Уже третий день мы и немцы стояли на одном месте, не двигались. Установилось какое-то затишье. Разделяло наши и немецкие позиции не более полукилометра леса. Но за деревьями фашистов не было видно. Видимо, и немцы нас не видели.

Наконец – радость! Пришла смена. Наше место на передовой занимала только что прибывшая свежая дивизия. Вот только дивизия эта как-то не вселяла в нас уверенности в своей крепости, подготовленности: уж очень малорослы и хлипкие были в ней солдатики. Шинели длинные, не по росту, все в солдатских ботинках с обмотками, даже строем шли кое-как, сбиваясь с ноги. Это нерадостное впечатление вскоре было подтверждено. Едва мы пришли на место бивуака – место отдыха примерно на километр в тыл от передовой – и приступили к обеду (а обед был шикарный, как по заказу: мясной борщ со свежей капустой и гречневая каша со смальцем), как услышали какой-то шум, крики, стрельбу с того самого места, откуда мы только что пришли. И команда: «Тревога, в ружье!» Полетела куда-то в кусты недоеденная каша, шинель на плечи, на ремень винтовка, через плечо телефонный аппарат, и – вперед! Мои хлопцы вместе со мной бегом за комбатом тянут провод, я вместе с радистами не отстаю – рядом. Не успели мы пробежать и трехсот метров, как увидели бегущих нам навстречу солдатиков-пацанов, орущих что есть силы кто что! Кто зовет маму, кто орет: «Караул!» Шум и треск невероятный. Вслед за нашими бегущими солдатами, не прячась, во весь рост, как на параде, прут немцы, на ходу стреляя из автоматов и винтовок. Все это мы видим как на ладони!

Командир нашего батальона капитан Снегирев, начальник штаба, командиры взводов да и многие рядовые ребята из нашего батальона пытаются остановить бегущую ораву, смену, угрожая пистолетами и даже стреляя вверх для острстки. Но их уже не остановить. Слышится команда: «Залечь, окопаться!» Комбат выбирает хорошее место: три сосенки стоят рядом, возможно даже, что растут из одного корня, что довольно надежно защищает нас от вражеских пуль. Хлопцы подтащили кабель, я подключаю к нему телефонный аппарат, радист вызывает кого-то по позывному, комбат с нетерпением ждет связи, и – мощный обстрел наших позиций из шестиствольных минометов!

В какой-то момент я увидел яркий свет в глазах, какой-то скрежет, грохот и треск чего-то рвущегося... Потом кто-то мощно оторвал меня от земли и подбросил вверх. И все! На этом память исчезла.

Очнулся я на плоту. Лежал с краю, у ограждающего толстого бревна, и, видимо, днепровская вода, встречая на пути преграду в виде плота, плескала небольшие волны и брызги на плот и, конечно, на меня. Это, вероятно, и посодействовало тому, что я пришел в чувство. Очнувшись, увидел над собой (лежал на спине) огромное голубое небо, все утыканное очень яркими звездами. И я понял – жив! Хотел повернуть голову и сам немного повернуться, даже не на бок, а

так, чуть-чуть. Но какие-то огромные иглы пронизали все мое существо, и я снова на какое-то время впал в забытье. Но успел понять: «Ранен. И тяжело».

V. Госпиталь. Эвакуация в Красноярск

Вновь очнулся на берегу, когда два санитары понесли меня на носилках куда-то в сторону от реки. С этого времени сознание полностью ни разу не покидало меня. Санитары занесли меня в огромную палатку и положили на какой-то настил. Лежать было довольно мягко. Видимо, было подстелано сено или солома. Помню, что я быстро заснул. Проснулся, когда меня вновь куда-то понесли. Это было что-то напоминающее комнату, огороженную плащ-палаточным материалом. В этой комнате меня медсестры осторожно раздели и вместе с санитарями на носилках вновь куда-то понесли. Внесли в большое помещение, также огороженное палаточным материалом, и положили на высокий большой стол, помню, застланный чистой белой простыней. В помещении очень светло от электрических лампочек.

Лежу совершенно голый! Только голова и живот обмотаны каким-то белым материалом. Хорошо, правда, во всех «комнатах» было тепло, даже веяло каким-то уютом. Около стола, склонившись в мою сторону, стояло пять человек. Были и мужчины, и женщины. Особо запомнился врач в очках и с небольшой бородкой. (После говорили, что мне повезло. Оперировал приезжий профессор!) Сначала сняли все повязки с груди и живота и стали осматривать раны. По чьей-то команде пытаются положить мне на лицо (нос и рот) какую-то вонючую марлю. Слышал, что это хлороформ. Им усыпляют. Но я не хотел, чтобы меня усыпляли. Видимо, боялся во сне умереть и рукой сорвал эту повязку. Вновь сорвал повязку и при второй попытке «надеть мне узду». Тогда врач с бородкой сказал, что будем делать операцию под местным наркозом. Это меня, видимо, успокоило. Кто-то из стоящих около стола медиков сделал мне четыре укола в живот (обезболивающих) под диктовку: два сверху и два снизу от раны. После этого довольно скоро начали резать живот. Мне был слышен такой треск, как будто рвали какое-то полотно. Хотя и «замораживали», но все равно было очень больно. Стиснув зубы, терпел, не орал. Сам так захотел! Сколько длилась эта процедура – не помню. Но я все время пытался наблюдать за бородачьем да и за другими – что они делают. Тихо была дана команда: «Полная и тщательная ревизия всего кишечника». Вижу, из дыры в животе вынимают кишки и довольно высоко их поднимают. Затем кладут их в обыкновенный эмалированный таз с какой-то жидкостью и что-то с ними делают руками. Сколько длилась операция – трудно подсчитать, но через какое-то время «ревизию» моего кишечника, вероятно, закончили и, беря охапками из таза и отцеживая жидкость, начали опускать кишки в полость живота! И тут я не стерпел. «Не перепутайте, пожалуйста», – говорю. Все бросили каждый свое дело, стали как вкопанные и вдруг все разом расхохотались. Да так отчаянно и громко, что, кажется, и я скривил на лице какую-то гримасу – подобие улыбки. На это усатый доктор сказал: «Не волнуйся, голубчик. Ты еще и повоюешь, и потанцуешь». Но я в то время ни во что это не верил. Уже на операционном столе тело аб-

солютно не стало подчиняться: ни руки, ни ноги, ни тем более голова. И вполне, наверное, понятно, что вскоре для меня настал сплошной кошмар. Видимо, я впал в забытье. Как делали операцию на голове, как долбили череп за правым ухом – ничего не ощущал и ничего не помню.

Пришел в себя лежащим на топчане в постели. Около меня стояла медсестра и что-то подносила к моему носу. Мне почудился запах дыма. Медсестра что-то меня спрашивала, но я ничего не понимал. Но к утру мне вроде стало лучше. Я увидел лежащим рядом со мною на другом топчане радиста из моего отделения Васю Ишутина – скромного милого паренька, которому чуть исполнилось восемнадцать лет! Из его груди был выведен резиновый шланг, на конце которого была стеклянная трубочка, опущенная в какой-то небольшой тазик. По этой трубке все время текла сукровичная жидкость. Поговорить мне с ним не пришлось. Не приходя в сознание, на вторые сутки Вася скончался. Смерть друга Васи окончательно выбила меня из колеи, подкосила мои и физические, и моральные силы. По всей вероятности, у меня начался бред: при ярком свете электрических лампочек со мной творилось что-то невероятное – в одно и то же время я вижу, как ходят по госпиталю врачи и медицинские сестры в белых халатах, и в то же время я энергично бегу по лесу с винтовкой в руках и стреляю по немцам. Воочию вижу, как рядом со мной бегут мои товарищи, вижу бегущего рядом с пистолетом в руке комбата капитана Снегирева, своих радистов и вместе с другими что-то ору! Очнулся – на полу! Видимо, в бреду метался и свалился с топчана. Через какое-то время я вроде очухался. Увидел рядом с собой на топчане, где недавно лежал мой друг Вася Ишутин, нового, незнакомого мне солдата. Он тоже был без сознания. Наверное, ранен тяжело. Наутро и его не стало. Умер. Унесли санитары. Мое сознание довольно покорно готовит меня следовать за ними. А кошмары, как по заказу, все повторяются и повторяются.

На третий день, придя в сознание, я не почувствовал, что у меня есть ноги. Ни живота, ни ног не стало. Думаю – все! Потом повторяется моя воинственность: снова бегу по лесу, ору и стреляю во фрицев. Приходя в сознание, чувствовал, что шла упорная борьба между жизнью и смертью. Но, видимо, не настал еще мой черед умирать. Не помню точно, через сколько дней, через пять или шесть, я перестал бредить, и меня посчитали возможным отправить в тыл. Но вначале тыл оказался крайне недалеким. Одетого во все мое солдатское обмундирование привезли меня в Бровары. (Это рядом с Киевом, восточнее от Киева в двадцати – двадцати пяти километрах.) Санитары принесли меня в какой-то огромный холл многоэтажного здания и положили на железную койку с матрацем. Это был первый этаж.

Много ходило и даже бегало каких-то здоровенных парней в ватниках и ушанках, кого-то и что-то таскали на носилках, было много шума. Но мне было ничего не нужно. Снова почувствовал себя крайне плохо. Стал звать, чтобы кто-нибудь подошел ко мне. Хотелось пить. Но мой голос был настолько слаб, что его никто не слышал. Помог сосед без руки. Он подозвал ко мне парня в солдатской одежде с белой нарукавной повязкой, видимо, санитаря. Санитар дал

мне попить воды из маленькой кружечки и, по его предложению, помог снять с меня шинель и сапоги, чтобы я мог спокойно отдохнуть, а возможно, и уснуть. Шинелью он меня укрыл, а сапоги поставил под койку. После такого внимания и заботы да еще после долгой тряски в пути следования до Броварей я сразу же уснул. Как долго я проспал – не знаю.

Но, проснувшись, я сразу каким-то чутьем заподозрил что-то неладное: неприятно пахло горелой тряпкой. Поворочавшись и окончательно придя в себя после сна, я увидел, что шинель, которой я укрыт, не моя! Это от нее шел запах гари: шинель была в ряде мест прожжена, со многими дырами, к тому же была очень маленькая, видимо, с какой-то девчонки. Но сшита была на офицерский манер. Это событие меня потрясло. Моя собственная шинель была еще новая (подарок комбата), с ватной подстежкой, офицерская. И что-то толкнуло меня спросить соседа о моих сапогах под койкой, на что сосед сказал, что под моей койкой никаких сапог нет. Сволочи, украли! И шинель, и сапоги! Кто украл? Ищи!

А кто будет искать? После долгих и бесплодных просьб кому-либо подойти ко мне и сказать, куда девались мои сапоги и шинель, никто не подходил. А голос мой совсем пропал. Я как-то пищал, а не кричал, хотя мне очень хотелось громко орать. Снова помог сосед без руки. Он сумел подозвать какого-то санитаря с повязкой. Но санитар заявил мне, что он совершенно не знает, кто украл мои вещи, но что он доложит своему начальству о воровстве – коменданту пересыльного госпиталя. Так называлась моя временная пристань. Это была перевалочная база для тяжело раненых.

Прошло еще два дня, и меня, как и других, начали готовить к отправке в тыл. И только на четвертый день мне принесли огромные солдатские ботинки (вместо моих сапог), а шинель, дескать, сойдет и та, что мне оставил какой-то мерзавец.

На погрузку в товарные вагоны нас носили в так называемых конвертах: как малых детей укутывали в большие ватные одеяла, перевязывали куском марли и несли в вагон, где клали на полки в ряд впритык друг к другу.

Вскоре нас привезли в Белгород – мой родной город, от которого рукой подать до моего села. В Белгороде наш поезд стоял очень долго. Несколько человек раненых унесли из вагонов, чтобы положить на лечение в одном из белгородских госпиталей. Я отчаянно просил и меня положить здесь, в Белгороде, но бесполезно. Главврач по эвакуации был неумолим. Тогда я стал просить санитаров, чтобы вынесли меня из вагона и положили где-нибудь прямо на перроне. Те, конечно, от такой дурости категорически отказались, и мои доводы, что мое село совсем недалеко от Белгорода и меня добрые люди увезут домой, где за мной будет наилучший уход со стороны моей матери и сестры, не действовали. Часов через пять-шесть нас, оставшихся в вагоне, вновь куда-то повезли. Долго ли, коротко ли ехали, но вскоре оказались в Курске – моем тогдашнем областном центре. Вот здесь-то, в Курске, и меня сняли с поезда, положили в какой-то тоже пересыльный госпиталь. А высаживали, как правило, крайне слабых ранболевых. На подкрепление.

На это так называемое «подкрепление» мне по-

надобилось целых двенадцать дней. Здесь, в Курске, я действительно стал чувствовать себя значительно лучше. Болел живот, саднило голову, но, к счастью, ноги я стал ощущать значительно лучше, чем прежде.

В начале декабря 1943 года меня повезли куда-то дальше. Везли долго. Кормили плохо. В вагоне было холодно, хотя все время топилась печурка с выведенной в окно трубой. Через пару недель я оказался в городе Красноярске в нормальном, хорошо оборудованном госпитале. Это был эвакогоспиталь № 985. Условия в госпитале были несравнимы с теми, где я раньше лежал. Здесь все сверкало чистотой, кругом все бело. И кормили довольно сносно.

Здесь вскоре я начал потихоньку становиться на ноги и ходить, правда, придерживая раненый живот рукой, как будто этим я мог помочь, чтобы он сильно не болел. Меньше стала шуметь голова. И если огромная рана на животе вскоре начала неплохо зарубцовываться, то на голове (а ранение оказалось проникающее в правую заднюю височную область) рана никак не хотела заживать, зарубцовываться: все время сочилась сукровица, а с нею выходили маленькие кусочки костей черепа. По-врачебному это называется, кажется, остеомиелитом.

Видя, что никакие чистки и промывки раны на голове результатов не дают, врачи 985-го госпиталя направляют меня в какой-то другой госпиталь, здесь же, в Красноярске. В этом новом для меня госпитале пожилой врач-хирург начал быстро готовить меня к новой операции. Знал бы я, что это будет за операция, кажется, ни за что бы не согласился, чтобы мне ее делали. Словом, через два-три дня я был готов к операции. Какие-то два мужика в белых халатах положили меня на левый бок на высокий-высокий и большой по площади стол. Старый хирург разбинтовал мою голову, что-то резал на голове за правым ухом, скрипел ножницами и манипулировал скальпелем в руке. Орудовал так, что, казалось, треск шел по всей палате. Затем у ассистентки-женщины все время требовал то щипцы, то скальпель, то зажимы, то марлю, то какую-то другую хирургическую мелочь. Когда же все приготовления были закончены, хирург распорядился держать меня за руки и за ноги, а сам без всякого наркоза начал долотом долбить мой череп. Вижу взмах руки с молотком, крепкие удары этим молотком по рукоятке долота – и искры сыплются из глаз, а голова, кажется, раскалывается. Боялся, как бы долото не вонзилось в мозг! И казалось, что этой экзекуции не будет конца. Но конец пришел. Голову забинтовали с открытой дырой в черепе, заткнутой ватой. Несколько дней наблюдали, не выходят ли снова косточки черепа из раны. И когда врач убедился, что рана чиста (так он сказал), он начал доводить свое дело до конца: зачистил кожу с надкостницей вокруг раны, закрыл отверстие в черепе пластинкой из органического стекла, подсунув ее края под надкостницу и кожу, и все крепко забинтовал. Операция эта обошлась гладко. Никакого остеомиелита не стало. Меня вскоре вернули в мой прежний 985-й госпиталь. Здесь в начале марта 1944 года меня комиссовали как ограниченно годного. Фактически определили инвалидность и направили на пересыльный распределительный пункт здесь же, в Красноярске.

Физически в это время я был еще очень слаб, сильно болел шов на животе, при продолжительной

ходьбе приходилось все время нагибаться вперед, держаться рукой за живот, чтобы не так сильно болел шов. На голове же рана совсем зарубцевалась и перестала беспокоить.

В таком вот состоянии я прибыл на пересельный пункт, о чем доложил начальнику пункта майору (он был без одной ноги). На другой день майор дал мне письменное направление на Красноярский комбайновый завод для устройства на посильную мне работу. Сразу же дали мне койку и тумбочку в общежитии недалеко от завода. А наутро на следующий день – на работу. Мастер объяснил суть моей работы: в плавном, медленно движущемся по конвейеру комбайновом полотне-ленте на личном рабочем месте я должен успеть обработать очередную заклепку на деревянной рейке, положенной поперек полотна. Болт и шайба на нем – это все, что нужно было для заклепки, – уже были приготовлены. Но лента все время перемещалась слева направо, и мне казалось, довольно быстро подводила все новые и новые болты для заклепки. И я довольно успешно справлялся с этой работой в течение трех – трех с половиной часов. Потом меня начало клонить вниз: шов на животе не давал покоя. Я начал отставать, уже пропустил одну или даже две необработанные заклепки. Это заметил мастер, остановил конвейер, сам заклепал пропущенные мною заклепки и, основательно выругавшись, заявил, что такая рухлядь ему не нужна. Сразу написал записку и с нею вновь отправил меня на пересельный пункт.

Несколько часов ломал голову майор – начальник пересельного пункта, – куда же меня направить. Куда-то звонил, что-то согласовывал. Наконец, дает мне направление на «легкую» работу: помощником начальника караула по охране артиллерийского завода. Не помню, как, но вскоре я добрался до этого завода и также сразу получил место – койку и тумбочку в общежитии, матрац и постельное белье. Вечером чем-то покормили. А наутро скудный завтрак и – на дежурство. Огромная территория завода ограждена высокой бетонной стеной, а сверху еще в три-четыре ряда колючей проволокой. С начальником караула, старшим лейтенантом, вошли в прихожую часть дежурного помещения. В это помещение вело более десятка узких дверей, и у каждой двери стоял солдат-охранник. Чтобы попасть на завод, спеша на работу, в каждую из этих дверей входили непрерывно люди, в основном женщины – очередная дневная смена. А из завода через эти же двери начали выходить те, кто отработал ночную смену. Как мне объяснил начальник караула, охрана, стоявшая у дверей, должна строго следить за тем, чтобы как на завод, так и особенно с завода рабочие не проносили ничего недозволенного. А так как в дальнейшей работе я должен был сам разводить солдат – охрану – по многочисленным внутренним и наружным постам, то начальник караула решил сам провести меня по всем этим постам, руководствуясь схемой, изображенной на небольшом листе ватмана. Ходили довольно долго. Наконец, вер-

нулись к проходным. Сели отдыхать, вновь обсуждать мои будущие обязанности. В это время к начальнику караула один из дежурных солдат подвел какую-то женщину – высокую, худую, как высохшая стеблина, и сказал, что при выходе с завода у этой женщины он обнаружил спрятанную в кармане четвертинку постного масла, которое эта женщина пыталась пронести с завода. А попросту украла. Помню – женщина в слезы, упала на колени: «Дома трое маленьких детей, муж на фронте. Пощадите!»

Видя такое, я растерялся! Ведь это в будущем моя работа: обыски, протоколы и привлечение к ответственности. Мне ужасно жалко стало эту женщину. Я сам чуть не плакал. А начальник караула приказывает мне составить протокол задержания этой женщины и изъятия у нее флакончика масла. Составлять протокол, несмотря на угрозы начальника караула, я категорически отказался! Моя мораль, мое сознание противились принятию таких мер! А тут еще то ли от волнения, то ли от усталости сильно заболели и голова, и шов на животе. И, не заходя в общежитие, я направился в поликлинику. Молодой врач оказался очень внимательным, выписал мне рецепты на лекарства, наговорил много разных советов и дал на три дня бюллетень. А узнав, что я по профессии учитель, посоветовал мне просить начальника пересельного пункта направить меня в распоряжение крайоно для направления на работу по специальности. Этот врач пояснил мне, что есть постановление правительства: учителей – инвалидов войны направлять на работу по специальности в школы.

Я написал на имя начальника пересельного пункта заявление – рапорт с просьбой откомандировать меня в распоряжение Курского облоно для использования меня на работе по специальности учителя математики семилетней школы, так как до призыва на службу в армию в 1937-39 годах я работал учителем математики в Б.-Халанской семилетней школе Курской области, Корочанского района. Указал, что в 1937 году я окончил Орловский учительский институт, физико-математический факультет. Документа об этом, конечно, при мне никакого не было. Долго читал, а потом еще дольше думал майор над моим рапортом-заявлением и, в конце концов, наискосок листа крупно написал: «Откомандировать в распоряжение Красноярского крайоно для использования на работе по специальности «учитель математики». Основание: «Указ Президиума Верховного Совета СССР (был указан номер и число)». Роспись и печать. Я было начал возражать и настаивать на отправке меня в Курскую область (область была давно уже освобождена от фашистов), мотивируя тем, что там мой дом, родные, школа, в которой работал до призыва в армию, и что мне еще долго надо поправляться от тяжелого ранения. Бесполезно. «Есть просьба Красноярского крайоно. У нас в крае нужны учительские кадры. Счастливо тебе, старший сержант. И успехов в работе».

Галина БЕСПАЛОВА родилась в деревне Аврали Мелекесского района Ульяновской области. Окончила филологический факультет Ульяновского педагогического института (1979), около 20 лет работала учителем в родной школе. С 2008 года живёт в Москве. Возглавляла книгоиздательский отдел столичной типографии, трудилась в информационно-издательском отделе правительства Москвы, в настоящее время работает в журнале «Новое время» («The New Times»). Автор поэтических сборников «Осенние грёзы» (2005 г., Димитровград), «Осенние цветы» (2009 г., Москва), «Осенний монолог» (2011 г., Москва).

ШКОЛЬНОЕ СОЧИНЕНИЕ СЫНА

*Деду, Беспалову Архипу Михайловичу, бабушке, Петрюковой Екатерине Андреевне, посвящаю.
Светлая им память...*

Уже много лет храню школьное сочинение старшего сына на тему «Война и моя семья». Время от времени достаю листочки, вырванные из школьной тетради, исписанные неровным мальчишечьим почерком и, хотя весь текст помню практически наизусть, перечитываю его снова и снова... Каждый раз улыбаюсь, представляя сына-семиклассника, старательно выводящего эти строки, и каждый раз слёзы застилают глаза...

Сын давно вырос, и уже его сын ходит в школу и пишет похожим почерком свои сочинения. А память о моём дедушке, погибшем на фронте, память о бабушке, всю жизнь хранившей верность ему, живёт не только во мне, но и на пожелтевших тетрадных листочках. Эта история, рассказанная моим сыном в 1995-м, в год 50-летия Победы, не просто странички семейной хроники, это – частичка истории нашей страны.

«Во дворе нашей школы – Аллея Славы, в её центре на гранитном постаменте застыл солдат в плащ-палатке и с автоматом на груди. Я с детства помню этот памятник. Давно, когда даже ещё не ходил в школу, мама привела меня к нему. Я спросил, кто этот солдат. И мама ответила, что это мой прадед Беспалов Архип Михайлович, что он погиб, сражаясь с фашистами. Я стал взрослее, и мама рассказала мне, что с фронтов Великой Отечественной войны не вернулись многие наши односельчане, их имена выбиты на гранитных плитах обелиска, что воин в плащ-палатке – памятник всем жителям нашего села, погибшим на фронте.

Каждый год 9 Мая с букетом тюльпанов мы всей семьёй идём к монументу Славы на митинг, а потом большой роднёй собираемся у дедушки Лёни и слушаем воспоминания старших о войне.

Мой дед тогда был намного моложе меня, но помнит, как провожали на фронт отца. Дедушка Лёня и его младший братишка остались с мачехой – моей прабабушкой Катей (их родная мама умерла перед са-

мой войной). Но мачеха у них была добрая и очень любила их.

Большими праздниками в семье были дни, когда приходили письма с фронта, но их было всего три. Однажды девушка-почтальонка принесла четвёртое письмо, но сама не улыбалась, как обычно, и быстро ушла. Дедушка уже учился в начальной школе и умел читать. По особому штемпелю на конверте он понял, что это похоронка. Поплакал и решил матери не показывать страшный конверт. Баба Катя в это время полола картошку, и дедушка Лёня пошёл ей помогать. Он, наверное, плохо умел притворяться, потому что мать сразу спросила, что случилось, не натворил ли чего. А когда спросила, не приходила ли почтальонка, дедушка не выдержал и разревелся. Дед помнит, как на пронзительный крик матери с соседних огородов сбежались женщины, как утешали и плакали вместе с ней – каждая о своём. Прабабушка не умела читать, поэтому похоронку читал дедушка вслух. В ней сообщалось, что их отец был тяжело ранен в бою под Харьковом и умер в госпитале.

Одна их соседка дважды получала на сына похоронку, а после Победы он вернулся домой живой и невредимый. И бабушка Катя долго надеялась на чудо и ждала мужа, но так и не дождалась. Она была молодая и красивая. Дед помнит, как к ней не раз сватались, но она ни за кого не пошла, а всю свою жизнь посвятила чужим детям, которые ей стали роднее родных. Вырастила и выучила моего дедушку, а потом растила внуков и правнуков, мою маму, она и меня нянчила. Помню, была старенькая и добрая-добрая. Мы все её очень любили.

Мне мама рассказывала, что бабушка Катя всю жизнь кляла себя, считая, что виновата в смерти мужа. А дело вот в чём.

Прадедушка ушёл на войну в декабре 1942 года. У него были новые валенки, которые бабушка Катя дала ему обуть. Но дедушка Архип обулся в старые, а новые вернул и сказал: «Там выдадут обмундирование. А ва-

ленки пусть полежат на печи, пока я воюю. Изношу, когда вернусь».

Хотя фронт был далеко, но в деревне жилось трудно, часто голодали. Денег колхозникам совсем не давали, но заставляли выкупать облигации Государственного займа. Из-за этого баба Катя всё, что можно было, распродала, даже своё приданое – швейную машинку «Зингер», а прадедушкины валенки хранила. Однажды к ним в избу зашёл уполномоченный (так назывались тогда какие-то начальники, приезжавшие из города) и, наверное, «положил глаз» на тёплые валенки. Тут же попросил продать их ему. Но бабушка, конечно же, не продала.

Потом её вызвали в колхозную контору и предложили купить ещё один «займ». Бабушка отказалась, сказала, что положенное она уже выкупила, что у неё нет ни копейки денег. «Продай валенки!» – был ответ. Бабушка Катя плакала, объясняла, что это единственное, что у неё осталось от мужа. Уполномоченный назвал её «уклоняющейся», «тыловым вредителем» и на ночь закрыл в подвале конторы. Бабушка решила не сдаваться, но на следующую ночь соседка привела к

окошку подвала голодных и перепуганных дедушку Лёню и его братишку. ...И бабушка сдалась – обменяла валенки на облигацию. А вскоре пришла похоронка. Бабуля корила себя и повторяла: «Не сберегла Архипу валенки, вот он и не вернулся...»

Баба Катя не любила говорить о войне. Когда рассказывала о тех годах, всегда в её глазах блестели слёзы, и она их утирала кончиком подола фартука. Война – это страшно. Сколько людей погибло! Сколько горя принесла нашим дедам и бабушкам! Кажется, теперь никто не должен желать войны. Но и сегодня, через много лет после выстраданной Великой Победы, вновь на Земле гремят выстрелы, льётся кровь, гибнут люди. Вновь в чьи-то семьи стучится горе.

Зачем? Кому это нужно? По чьей воле это происходит?

Когда я вырасту, постараюсь сделать так, чтобы не было войн. Я люблю людей и не хочу, чтобы им было плохо.

Пусть всегда будет мирное небо, и пусть все будут счастливы!»

Галина БЕСПАЛОВА

* * *

Он жил один. Был тощ и нездоров,
надсадно кашлял дымом самокрутки,
но на деревне в сотни две дворов
был первый балагур и прибаутник.

И с нами – конопатыми – шутил.
Меня забавно называл пацанкой,
а если выпадало по пути –
подсаживал верхом на Атаманку.

И с высоты пастушьего седла
смотрела я, счастливая малявка,
как покататься очередь росла –
бежали рядом Колька, Мишка, Славка...

Он был один у нас – наш общий дед –
у сельской ребятни шестидесятых,
чьи деды из военных давних лет
смотрели с фото под божницей в хатах.

Свистульки вырезал нам из ольхи,
сбивал ходули каждому по росту,
воробушка, что выпал со стрехи,
он возвращал в гнездо – легко и просто.

Запомнилась шершавая ладонь –
он гладил нас по встрёпанным макушкам,
и тяжкий вздох, как приглушённый стон:
«Бездедовщина... Эх, едрит на мушку!»

Но раз в году, когда фронтовики
победным майским днём при всём параде
шли в сельский клуб, сидел он у реки,
потом надолго запирался в хате.

Все знали: на войне он был в плену,
а после «искупал вину» в ГУЛАГе.
Вернулся – не застал в живых жену,
лишь дом пустой тулился у оврага.

И умер он в одну из годовщин
им так и не заслуженной Победы.
Не дотянул всего лишь год один
до весточки, мотавшейся по следу,

что орден боевой ещё с войны
Героя поджидал в архивах где-то.
И нет ничьей, как водится, вины...
и человека...
Человека – нету.

СТРАНА ПОЭЗИЯ

КРЕПКА, КАК СМЕРТЬ, ЛЮБОВЬ

«Положи меня, как печать, на сердце твое, как перстень, на руку твою: ибо крепка, как смерть, любовь... она пламень весьма сильный...»

Чем больше читаю, чем глубже вникаю в творчество Юлии Володарской, тем настойчивее сквозь её строки проступают эти Соломоновы слова. Хотя и не до конца ясно, чем напоминают Песнь песней сочинённые современной женщиной тексты. Плетением, в коем ни начала, ни конца не найдёшь? Красивой почти безэмоциональностью? Лаконичностью, кажущейся порой высокомерием и как бы отдаляющей автора от читателя? Вы нашли интересную собеседницу, вы расположились к приятному разговору... Ан нет. Растекайтесь мыслью по древу её стиха сколько угодно. Но в одиночку. Она на сегодня уже высказалась. А на посиделки у неё времени нет. Она в пути.

Мне и прежде, и десять, и более лет назад приходилось слышать весьма одобрительные отзывы уважаемых мною литераторов об этой, тогда ещё совсем юной поэтессе, а также встречаться где-то с её стихами. Но мимолётно. Фрагментарно. И вот, наконец, передо мной целая книга. Дошла-таки. «Маленькими шагами». Да, так называется настоящий сборник – по названию одного из стихотворений:

Маленькими шагами,
Быстро никак нельзя,
А иногда кругами,
Падая и скользя,
Так, поднимаясь выше,
Даже на самый верх
Чувствовать духом нищим,
Как безобразен грех,
И, оттирая копоть

До немоты в виске,
Вдруг разглядеть икону
В выброшенной доске.

Вот – хотела извлечь цитату, а пришлось привести полностью, потому что не нашла «разъёмов» в этом недлинном, но очень насыщенном содержанием и смыслом произведении. И они практически все такие – её стихи. Ёмкие, нераздельные. Хотя при этом и очень-очень женские. Лирическая героиня Юлии Володарской – женщина со всеми своими слабостями, вольными и невольными, но призванная – хочет она того или не хочет – восстанавливать, хранить, создавать гармонию в себе и вокруг себя. Быть в одном лице и возлюбленной, и «боевой подругой», и служанкой, и утешительницей, и дочерью тому, «Кому Господь позолотил ресницы», и матерью его детям. Конечно, это трудно, практически невыполнимо. Потому и существование, отражённое в творчестве, представляет собой путь – нелёгкий, утомительный, но интересный и – главное – не бесцельный и вдохновляемый и направляемый свыше. Ведь невозможное человеку возможно Богу. Да, конечно, без сомнения, она религиозна. Причём об этом свидетельствует не столько лексикон (в общем-то автор мало оперирует «атрибутикой»), сколько внутренняя устремлённость, мало осознаваемая, больше интуитивная, и появляются такие негромкие, но наполненные силой смирения строки:

Ворох листвы упадёт на крыльцо и дорожку,
Ветер метнётся под ноги, давая понять,

Даже в начале любви убежать невозможно,
Даже в сугробе, за гробом её не унять...

Эта «неизбежность Любви» – несмотря на то, что так названа только одна из частей, лейтмотив всего сборника. Возьмите хоть удивительное одновременно тонкое и простое стихотворение «Цветок». Или же классическое по содержанию и оригинальное по исполнению «Ребро»... И все сочинения пронизаны обречённостью на вечную жизнь, явным, иногда, кажется, даже физическим ощущением неразделимости души и тела, конца и начала, рождения и смерти. Замечательно, что созидательное религиозное начало творчества Юлии Володарской происходит не из сложившейся эстетики русской православности, внешней красотой нынче увлечены многие, а из более глубоких слоёв – я бы сказала, из ветхозаветной крепости и жажды встречи с Богом. Происходит и идёт – «сквозь сон, через путаницу времён» на зов Любви, на свет христианства, с крестом, на крест...

Радость дышать и петь, Время молчать и ждать.
Знающий жизнь и смерть, Дай мне о них понять ...

Идёт бесстрашно и радостно, «падая и скользя», но не останавливаясь и не уставая благодарить. И потому не проходит бесследно встреча с таким путником. Желаю автору такого же, как она сама, чуткого и благодарного читателя. И заранее радуюсь за этого читателя.

*Наталья ДРОЗДОВА,
член Союза писателей России*

Юлия ВОЛОДАРСКАЯ родилась в 1974 г. в п. Ровеньки Ровеньского района Белгородской области. В 1991 году стала членом литературной студии «Слово» при Белгородской областной писательской организации. Участник межобластных семинаров молодых литераторов Курской и Белгородской областей. Автор сборников стихов «Клубника в дождь», «Золотые ресницы», «Маленькими шагами».

МАЛЕНЬКИМИ ШАГАМИ

*«Господи, я прошу не о чудесах
и не о миражах, а о силе каждого дня.
Научи меня искусству маленьких шагов...»*

Молитва Антуана де Сент-Экзюпери

ОТЦУ

На семи ветрах положенный
Из семи окон,
Плачет дом твой неухоженный,
Стонет сквозняком.

Стынет тело бесполезное –
Вырвалась душа,
Перестал ходить по лезвию –
Перестал дышать.

Ангел твой устал хранить тебя –
Некому помочь.
У тебя судьба разбитая
И дурная дочь.

Вот и лег, чтоб не тревожили,
Вверх упрямым лбом,
Не по времени подкошенным,
Сломленным стволom.

* * *

Кто знает, где нежность прячется,
Как клад, она, как посев.
Кто знает, узнает разницу,
Когда я уйду совсем.

И будешь ты сердцем маяться,
Угрюмый среди людей,
Вся нежность моя останется
В улыбках твоих детей.

ТАЙНА

Надышаться тобой и взлететь
В глубину, где о вечном и главном,
И узнать, что небесная твердь
Трёхсоставна и нежносоставна.

В сопричастности тайна всего,
Гибкой глиной рукам твоим вторя,
Растворюсь. Ты поймёшь, каково
Сделать шаг – и расступится море...

ГЛАЗА ДЕТЕЙ

Каждое утро и вечер встречаю детей,
Нежно-прозрачных, без имени, даты рожденья...
Господу кланяюсь в землю – храни и лелей
Их на ладонях Твоих до весны Воскресенья.

Столько любви в этих мною закрытых глазах,
Столько любви и сиянья, что можно ослепнуть...
Каждое утро и вечер стою в двух шагах
И не позвать, не обнять – исчезают бесследно...

ЦВЕТОК

Я сплела себе венок,
Опустила в ручеёк,
В путь...

Не бери дурной и злой,
А весёлый и простой
Пусть...

Приколи себе цветок,
Я найду тебя, дружок,
Так...

Ты устал, оголодал
И цветок за рупь продал,
Как...

Ну а ты, зачем купил,
Ты ж венок не находил,
Нет...

Знать, у Боженки пути,
Что тебя не обойти
Мне...

ЛАЗУРЬЮ

Спасибо, милый, что построил терем
Два этажа, что был суров и строг,
Что был всегда в неверности уверен,
Не выпускал без спросу за порог,
Что попрекал убожеством и дурью,
Ломал и правил, стёсывал края.
И пишет сердце вечною лазурью –
Любовь моя...

ЮЛЕ

На месяц раньше срока, в октябре,
Как мне казалось, будто бы случайно,
Дитя моё явилось на земле
И улеглось блаженно в колыбель,
От путешествия устав необычайно.

Так, точно в срок, восьмого, в октябре,
На Сергия святого, в ближнем храме
Колокола звонили на заре,
Невидимо качалась колыбель
Не то рукой, не то двумя крылами.

Кому Господь позолотил ресницы,
За ними спрятав все оттенки неба,
Тому и тело, словно гибкий стебель,
Не то рукой, не то двумя крылами.

Кому Господь позолотил ресницы,
За ними спрятав все оттенки неба,
Тому и тело, словно гибкий стебель,
Тому и сны – испуганные птицы,
Слетевшие на хрупкое мгновенье,
Чтоб предсказать событий вереницу,
Тому Господь позолотил ресницы,
Кто спал, как ангел, на моих коленях.

РЕБРО

Сделанная из ребра, боковины иль некой части,
Я обратно стараюсь прилепиться, пристать, вращи.
Созданная для тебя, для простого земного счастья,
Но такого большого, что тебе тяжело нести.

Избранная для того, чтоб служить тебе днём и ночью,
Я помощница только, немощный твой сосуд,
Вынутая из того, кто меня и узнать не хочет...
Я твоё оправданье, когда мы придём на Суд.

ИМЯ

Имя любимого – тоже молитва,
Нежною песней, острою бритвой
В сердце входящая без преград,
Имя любимого – райский сад,
Каждое яблоко, каждая роза –
Напоминание и угроза.
Каждое сердце, как поле битвы,
Имя любимого – есть молитва,
О, Ева...

* * *

Коснусь губами – какое чудо
На вкус и запах узнать, признать...
А после чувствовать отовсюду,
На расстоянии ощущать,

Не повернув головы – увидеть,
Не открывая глаза – прочесть
И, не следя, не теряя из виду.
...Дышу и знаю – ты здесь, ты есть.

УРОКИ РИСОВАНИЯ

Не знаю, что тебе сказать,
Не знаю, что тебе ответить...
Как жаль, что мы уже не дети,
Но я умею рисовать –
Цветок, и облако, и дом,
И дерево, и синим речку,
И красным бедное сердечко
Ты дорисуешь мне потом.

КОГДА

Чтобы вместе смотреть на закат и летать, как птицы,
Надо столько отбросить и столько ещё найти...
Но позволь иногда по ночам мне тихонько снится,
Низачем, просто так в какой-нибудь сон враси,
Перепутать слова или даты, чтоб время встало
И тебя отпустило, и плечи ослабил груз,
И когда ты поймёшь, что тебе этой жизни мало,
Загорится закат и вспыхнет терновый куст.

* * *

Видно нужно, чтоб я потерялась,
Чтобы снова меня захотеть
Отыскать через боль и усталость
И спасти, и героем смотреть...

Привыкаешь. Пелёнки, тарелки,
Будто Марьи-царевны и нет.
И сдвигаю засовы и стрелки,
Чтобы лучше запутывать след.

* * *

Ночь будет пахнуть рекой и акацией,
Липой цветущей и влажной травой,
Струйки волос протекут между пальцами
И упадут на покров луговой,
Воздух наполнится звуками вечными,
На соловьино-ночном языке
Сердце споёт, я вернусь незамеченной
В лёгкое тело в сильной руке...

ЗАБЫЛА

Встала, пошла...
не успела душа прикрепиться,
Рядом плывёт,
натываясь на стены и звуки.
Кто я и что здесь?.. Очнулась –
скрипят половицы,
Плачет ребёнок,
и вот уже тянутся руки.

Вспомнила. Утро и чайник,
язык деревянный –
Мысли стекают
и всё, что так важно, – неловко.
Вспомнила. Или забыла,
как всё не случайно,
Как мы прозрачны
и светимся у изголовья...

ПОРОДА

Хороший хозяин в такую погоду
собаку не выгонит...
Хозяин хороший, да, видно, собака
породой дурна...
Промокла, дрожит... и вот уж совсем
бездомною выглядит,
Но все же бредет по жухлой листве
одна до темна...
А выйдет луна – она замерла
и мордой в созвездия,
И даже не воеет, а просто глаза
блестят на ветру...
Хозяин хороший, да только она –
упрямая bestия,
Такие всегда приходят домой...
но ближе к утру...

ЗА ТОБОЙ

Милый Кай, кругом осколки,
Тролли, ведьмы, зеркала,
Искривлённые настолько,
Что не чувствуешь тепла
Даже в сердце, даже рядом...
Заколдован, за тобой
Мне идти по свету надо
Самой узкою тропой...

* * *

да если б я знала, что мне,
чтоб любить тебя,
как минимум, надо ещё
полюбить полмира,
оставив тебе половину,
её любя,
ты только тогда и меня там
поместишь, милый,
как нечто простое,
как нечто – само собой,
приёмшем в сердце, с глазами,
где ты, как в детстве...
и в том отраженье
очищенная любовь,
полмира – не так уж и много,
когда взглядеться...

* * *

Той самой, глупой, смешной, несбывшейся,
Трусливой, дерзкой, немного чокнутой,
Чуть-чуть не ставшей... едва не спившейся,
Легко написанной, легко зачеркнутой,

Той самой, что... не умеет спрашивать
И знать не хочет причин и следствия,
И чаще плачет, когда накрашена,
И «птичку жалко» – такое бедствие...

Той самой легкой сердечной тяжестью,
Немного вычурной, замерзающей,
Той самой, что вроде есть, но кажется,
На самом выдохе – ускользящей...
Останусь.

Ольга ДАРАНОВА родилась и живёт в Ульяновске. Окончила Ульяновский государственный педагогический институт имени И.Н. Ульянова, историко-филологический факультет. С 1980 года работает в Ульяновской областной научной библиотеке (библиотекарь, заведующая отделом, заместитель директора). В настоящее время – учёный секретарь Дворца книги – Ульяновской областной научной библиотеки имени В.И. Ленина. Автор более 70 публикаций о библиотечной деятельности в профессиональных изданиях. Автор и ведущая многих литературных передач, посвящённых писателям-симбирянам, на «Радио России-Ульяновск». Организатор и куратор успешного проекта «Литературная филармония». Заслуженный работник культуры Ульяновской области. В пятом номере журнала «Симбирскъ» за 2014 год в рубрике «Река воспоминаний» вышло первое прозаическое эссе «По главной улице с оркестром». В настоящем номере вниманию читателей предлагается подборка стихов Ольги Дарановой.

ПУСТЬ ОТДОХНЕТ ОТ БРЕМЕНИ ДУША...

* * *

Весна... И солнце на ресницах,
И утреннего сна кошачья нега,
И за окном смешно бормочет птица,
И ещё много, очень много снега...

Весна... И шуба тяжелеет,
И примеряется весенняя одежда,
И всё заметней небо голубеет,
И день несёт, как веточку, надежду.

Весна... И женщина смеётся!
И на лице её – пыльца мимозы,
И сердце от чего-то тайно бьётся,
И сладостны непрошенные слёзы.

* * *

Снятся ушедшие дни.
Молодость, взлёты, утраты...
За безоглядность любви
Поздняя горечь расплаты.

Ты ещё жив, оглянись!
Дерзким окинь меня взглядом!
... Катится улица вниз
Двое нас, любящих, рядом.

Солнца содом в волосах,
Рук не развязать нам сплетенье.
Плещется счастье в глазах,
Вечностью длится мгновенье.

Белой футболкой прикрыв
Бронзовых плеч перекаты,
Мчались на дальний обрыв
Луч ухватить предзакатный.

Я с тобой вижу во сне...
Улица, голуби, лето!..
Кот, задремавший в окне.
Господи, где же всё это?!

Катится улица вниз,
Пух тополиный клубится...
Дней тех нечёткий эскиз
Снится мне. Снится мне. Снится...

В КРЫМУ

Старый Тевье играл на скрипке,
Цвёл каштан в городском саду.
Ты читал мне сонеты Рильке
И шампанское стыло во льду.

Я храню этот миг истомы
Имбирём загорчивших губ,
Синих глаз твоих окоёмы
И волнующий трепет рук.

Тихий дворик с плющом, кисЕя
На распахнутом в сад окне,
Да надсадный кашель еврея
Остаются в погасшем дне.

На атласных камнях Гурзуфа
Спят столетья в тисках арбы...
И плурует цыганка Руфа
В многоточьях моей судьбы.

Я люблю твой чеканный профиль
И бровей удивлённый излом
В час, когда остывающий кофе
Мы под белой акацией пьём.

Вспоминаем ушедших в осень,
Тех, кто телом и духом брат...
И как те, ничего не просим
У небес в чередѣ утрат.

Здесь когда-то грустил Есенин
И Куприн в одиночестве пил,
Склоны гор на песчаных ступенях
Умирающий Чехов чертил.

В сердцевине ушедшего века,
Здесь, где предок мой вольно жил,
Луговской на коробке «Казбека»
Листьям клёна стихи посвятил.

Так читай же любви сонеты
И черешневым соком брызнь!
В эту ночь, что дана поэтам
Да бродягам, влюблённым в жизнь!

* * *

И всё это осень... В едином сплетенье
И дней вереница, и мыслей круженье.
Мы встретились взглядом, а слов не находим,
И надо б о главном, а мы – о погоде.

И как-то особенно нервно и рвано
Курил ты одну за другой сигареты...
Горчила рябина, и воздух был пряным,
И листья летели, как с плеч эполеты.

Мы что-то толкуем о летних прогулках
По улочкам узким в горячем июне,
Где в старом, дремотном родном переулке
Осталась моя невозвратная юность.

И весь ты как будто из прошлого века.
Читаешь стихи, и душа твоя – где-то...
А осень устало сощурила веки,
Оставив нам призрак ушедшего лета.

УХОДИТ ОСЕНЬ

В плетёном кресле тает твоё тело.
С деревьев тихо падает листва.
Уходит осень. Ей-то что за дело
До твоего больного естества.

Уходит осень. Стрелка циферблата
Покажет полночь. А за ней – зима...
И деревья студёным сном объять,
И не дома вокруг, а терема...

Уходит осень. В старом переулке
Продрогший клён склонился над окном.
Синица крохи чёрствой белой булки
Клоёт на подоконнике твоём.

Октябрь поздний плодом переспелым
Падёт на край садового крыльца.
... Сегодня утром солнце ещё грело,
А вечером морозная пыльца

Покроет яблонь стан и ветки вишни,
Тобою в кресле брошенный дневник...
И ты сама, ступая еле слышно,
Стараться будешь помнить этот миг

Высокой праздности и медленного тленья
Осенних дней, остуженных зимой,
И сладкой муки неповиновенья
Ноябрьской неизбежности глухой.

В ВИННОВСКОЙ РОЩЕ

Пройдёмся, друг, по парку не спеша.
Какая осень! Золото забвенья...
Пусть отдохнёт от бремени душа,
Ей сладостно в немом оцепененье.

Всё суетно – и речи, и дела,
И дней бессмыслица всё больше утомляет.
А здесь вот так бы просто шла и шла
По тропке, что к обрыву убегает.

Шуршат дремотно листья под ногой,
Как будто няня рассказывает сказку...
Художник-осень влажною канвой
Кладёт на холст оранжевую краску.

А штрих последний – мы с тобой, друг мой.
Картина осени без нас будет неполной.
А в ногу с нами – годы чередой,
Как Волги набегающие волны.

* * *

Снега, снега... Какая радость!
Какая глазу благодать!
Мороза девственную сладость
Каким глаголом передать?!

До края неба дотянуться
И грудью пасть на грудь зимы...
И задохнуться, захлебнуться
Восторгом дня! И видеть сны...

И видеть сны, где полем снежным
Летит возок в немую даль.
В нём Пушкин дремлет юный, нежный...
России вечная печаль.

*Из цикла «Посвящения»
Бабушкам Анастасии и Ольге*

АНАСТАСИИ

Ах, красавица Анастасия!
Всем взяла – и лицом, и статью.
...Как реликвию доносила
Я твои дорогие платья.

Сад вишнёвый и склон над речкой –
Вот родная твоя обитель...
Сберегала всех русская печка
Да в переднем углу – Спаситель.

А какие ты песни пела!
Не поют уж такие ныне...
Пела так, что душа летела
В небеса, на закате синие.

Слёзы – мелочь! Одна – да сильная.
Муж любимый погиб в плену.
Пой, красавица Анастасия,
Вдовью длинную песнь свою.

Затопи на рассвете печку,
Внукам сладкий спеки пирог,
Усмири ретиво сердечко.
Да пребудет с тобою Бог!..

ОЛЬГЕ

Ольга – имя тебе по праву.
Белый лоскут платка над челом.
Благонравна и величава.
Как княгиня в кругу родном.

Плавны линии рук и тела,
Голос тихий и твёрдый нрав.
Часто грустно в окно глядела,
Ужин скромный с стола убрав.

Не любила досужих сплетен.
Помогала чужой беде.
Волновалась – здоровы ль дети?
... Где сейчас ты? Во сне ли? Где?..

Май был ярким в сирени пышной,
Когда ты обрела покой.
Шелест губ долетел чуть слышно:
«Не хочу умирать весной...»

РОДНЫМ И БЛИЗКИМ

Сколько их было, родных и знакомых,
В праздник садившихся в круг.
В маленьком доме – не в царских хороммах –
Каждый входящий был друг.

Бабушки, крёстные, дяди и тёти –
Близкая сердцу родня...
Нет никого. В небесах вы живёте,
В снах будоража меня.

Как было с вами тепло и спокойно,
Как беззаботно жилось!..
В низеньком доме, родном, хлебосольном,
Детство моё пронеслось.

Помню, ты печку по утрам топила,
Встав в предрассветный часок.
Ставила тесто, воды приносила,
Внучке вязала носок.

Песню простую у детской кроватки
Пела в полуденный час.
И, засветив огонёк у лампадки,
Тихо молилась за нас.

Бабушка! Как мне тебя не хватает...
В белом ушла январе.
Вьюга поёт и метель заметает
Холмик на дальней горе.

Всё это было, и сад белоснежный
В горницу лил аромат...
Всех вспоминаю. Люблю всех вас нежно.
Мне же в ответ все молчат.

Дни, наполненные солнцем,
Дачное житьё.
Занавески на оконцах –
Мамино шитьё.

Утро, птицы бормотанье,
Шорохи реки.
Я храню твоё дыханье
У своей щеки.

Спас медовый. Воскресенье.
Милый мой, вставай!
Я несу тебе варенье
И с душицей чай.

Белой скатертью накрою
Я к обеду стол.
Заслону тебя собою
Я от бед и зол.

Этот день подарен небом
Только нам двоим.
Пахнет яблоком и хлебом,
И родным, родным...

Этот день на склоне Волги
Будет светл и тих...
И земля спасётся долгой
Нежностью двоих.

Из цикла «Осень Пастернака»

Как радостно проникнуть в то «обратно»,
Где мир пропитан солнцем и сосной,
Где пахнет хлебом в зареве закатном,
И мошек золотистый кружит рой.

Там на веранде чай, закуски, речи.
Читают, музицируют, поют
Ночь напролёт... Лишь к утру гасят свечи
И отдыхать в гостиную идут.

Кусочек подоконника Глиэра
Пропитан солнцем... Лето на дворе.
Душистый сумрак вкрался за портьеру,
И тени распластались на ковре.

Там вечера, как гулкие колодцы
Бессвязных мыслей, слёз, черновики.
И лист признаний судорожно рвётся
И, скомканный, летит за Часослов.

Там музыка рождается с грозой
И в мокрый сад распахнуто окно!
Там одиночество – причастие святое –
Лишь Гению, иному – не дано.

Юрий ЛОЩИЦ

Василий ДВОРЦОВ (г. Москва), прозаик, публицист, написал цикл очерков о писателях – лауреатах Гончаровской премии. Один из них посвящен творчеству Юрия Лощица, который известен читателю как автор книг из серии «ЖЗЛ»: о писателе Иване Александровиче Гончарове, о князе Дмитрии Донском, о философе Григории Сковороде. Юрий Лощиц неоднократно был гостем нашего города. В 2006 году Юрию Лощицу была присуждена Гончаровская премия за многолетнюю исследовательскую работу, посвящённую жизни и творчеству И.А. Гончарова.

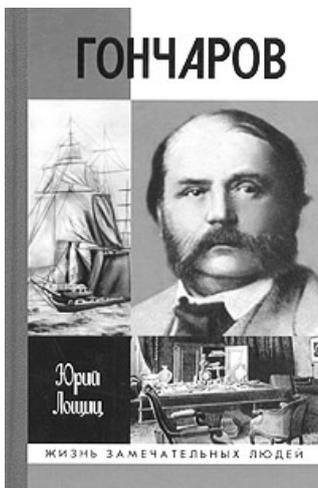
НИЧЕГО НЕ ПРИДУМАЕШЬ

Размышления о творчестве Юрия Лощица

Что такое заставляет нас, самих далеко уже не юных, при общении со старшими писателями чувствовать некую свою слабость коленок? Откуда, отчего в присутствии мастеров отцовского поколения у нас такое ясное ощущение собственной хлипковатости, своей недопечённой немонолитности, откуда это звучание вдруг с сурдинкой? Дело же не в арифметическом сложении-вычитании лет и зим – и сами мы с усами, и не в прошлом ученичестве – и сами почти что легендарные наставники, нет, тут нечто совсем иное. Не возрастное, не профессиональное, не именовито-регалное. Ведь оно равно переживаемо и рядом с девяностопятилетним Годенко, и с семидесятипятилетним Распутиным, которые из столь разных времён и столь разных одарений. Так что?

Что? Война. И Победа.

Мне не раз доводилось слышать от фронтовиков о том, с какой нежностью, с каким трепетом они относились к детям, родившимся перед войной. К тем, кто осиротел и к кому они вернулись. К тем, кто в материнских объятьях глож под бомбёжками у Буга и Днепра и на дедовских выстылых лежаках пух от голода за Невой

и Иртышом. К тем, кто беззащитным младенчеством, слабосильным малолетством своим уже участвовал (!) в Великой Отечественной. Самой великой из отечественных. Кто, подобно апостолам, собственными своими глазёнками и глазищами увидел, как смерть попираема смертью.

Ветераны, фронтовики – простые и сложные, гибкие и ломкие, щедрые и рачительные, скорые и трепетные – такие разные, такие отличные люди, такие несводимы несхожие, но которым дал Бог силы и срок собраться, стечься и особориться, дабы в этой ещё жизни, ещё во плоти, объединённо пройти-перейти мытарства-чистилища и самопожертвованием взаимной любви искупить на Земле грехи Земли, неисчислимыми и невыразимыми страданиями запертив её аду.

«Смерть! Где твоё жало?! Ад! Где твоё победа?!» – пасхально, от знающего к верившему, через века возвращает Иоанн Златоуст пророку Осии.

Старшее поколение знает то, во что мы верим. Поэт, прозаик и публицист Юрий Михайлович Лощиц дошкольником выжил-пережил накаты и откаты фронтов, немецко-румынскую оккупацию со всеми ужасами её для семьи воюющего советского офицера, эвакуацию в неведомую Сибирь, чтобы там, дотянувшись с цыпочек, первоклассно кривыми буквами выцарапать на школьной доске «ПОБЕДА». Он – кроха-ветеран, он – малец-очевидец, дитя – свидетель того, что смерть попираема и переходима.

Писатель – свидетель, показательщик и утвердитель своего времени, своего народа в своём времени. Для этого он Богом призывается, через это у Бога оправдывается или осуждается. Книги двадцать первого века ложатся на книги двадцатого, как те легли на книги девятнадцатого – но это не просто память нации, не архив мыслей и чувств народа, читаемая книга – это вновь живое прошлое, которое порождает будущее. Это самая жизнь, это его, народа, душа в первоначении слова.

И русский реализм из девятой заповеди: «Не лжесвидетельствуй!» Как бы личный опыт пишущего ни заводил его в метафизику или эпистемологию, как бы ни подгонял его творчество под раздел «Реализм мистический», «критический» или «социалистический», но «Не лжесвидетельствуй» всегда для всех.

Мы родились, росли, выросли, мы созрели и перезрели, не познав Победы. Нам уже не выпало видеть, как от сорок пятого к пятьдесят пятому встали из небытия Сталинград и Минск, Смоленск и Орёл. Как жизнь наново заполнила Ленинград, Курск и Киев. Как вновь озолотились хлебами выжженные в пепел Кубань и Ставрополье. На нас идейно, понятийно формирующе налегла, навалилась если не хрущёвская слякоть, то застойная фальшь. Мы вольно-невольно участвовали в угасании величия, в разломе и разрыве Родины, мы живём в её затяжной агонии, мы – её стареющее и сокращающееся население. За все наши полувековые холодные войны и горячие точки нас обложили контрибуциями. Наших детей подучили, что мы лузеры. Но мы всё равно верим – да вменится нам в оправдание: верим! – Россия боголюбима. Она не умрёт, не может умереть, так как её конец – конец миру. Всеми миру. Всеми.

Старшее же поколение знает то, во что мы верим. Вот откуда ощущение своей хлипковатости, немоно-

литности при общении. Меж ними и нами заложена непреодолимая историческая граница, по обе стороны которой иное масштабирование мира. И себя в мире... Христианин судьбой исповедует Христа распятого, умершего и воскресшего. Да, и у нас есть опыт смерти, есть опыт гибели и возрождения – без такового чувственно пережитого и осмысленного опыта художника просто не получается! Только опыт этот у рождённых после войны уже индивидуальный. Личностный. У мастеров же отцовского поколения он общенациональный.

Понятно, что эпохи меняет не солнечная активность. Богу нужны мы теперь такие. Такие – всё так же бьющиеся со всё тем же злом, всё так же воюющие за всё то же добро, но рассеянно, разъединённо. Самолучно. Самовольно.

О том, что не сбылось, не произошло, не стало меж нами на свете, однажды мы будем томиться светло, слезами давиться, как дети. Зачем же, скажи, будто жизни назло, какая-то жёсткая сила велит, чтоб не сбылось, не произошло, чтоб сердце впустую изныло?

Простите, но трудно представить кого из наших, всё далее послевоенных, кто, как Лощиц, начав разрозненно публиковать свои стихи по газетам и журналам с конца пятидесятых и общепризнанно застолбившись среди поэтов первого эшелона, кто, всегда имея выход на самых влиятельных издателей, первую свою книгу поэзии выпустил бы только в 1990-м! А вот так, осознав себя православленным и национальным, поэт тридцать лет не позволял ни себе, ни миру калечить режиссуру сборника в играх с цензурой. Вдумайтесь! Это пример, как мыслят, чувствуют и действуют старшие, кто пусть даже слабосильным малолетством поучаствовал в Великой Отечественной. «Делай всё ритуально», – сформулировал образ совершенного поведения Конфуций. Ветераны делают всё идейно. Принципиально, с той же религиозностью: «так должно быть». И потому в их жизни время не столь важно, как в нашей, ибо идея над- и вневременна. Начал публиковать стихи в конце пятидесятых, первую книгу выпустил в 1990-м.

На сердечном одном повороте,
на ворчливом своём перекате
ты меня остановишь, Нерль.
Где, в каком скитался народе?
На каком толкался базаре?
Что примолк?..

Да, толкался и так и эдак
и на пьяных скучал беседах,
чей-то глаз стригущий ловил.
Но ничто глубоко не задело:
даже Сфинкса собачье тело,
даже мутноленивый Нил.

Так не плачь, не кори, не печалься.
Никуда я не отлучался.
Не пропал ни за так.
И в Божественной мгле на Синае,
где толпой обступали банзай,
мне сверкал твой небесный черпак.

Для Лощица всё шло, как должно было идти. И потому поэт своему народу прежде и более известен по серии «ЖЗЛ» как романист-биограф могучего и страстного князя Дмитрия Донского, странного странника-философа Григория Сковороды и величайшего русского человековеда Ивана Гончарова.

А встреча Лощица с Гончаровым просто не могла не состояться. Ведь даже трудно представить, кто бы ещё из наших современников так внутренне совпал, кто оказался бы настолько синхронизирован со столпом классики – консервативным утверждением жизни против романтической гнили и декадансного опустошения. Жизнь по убеждениям Ивана Александровича оказалась соразмерна, сомасштабна идейной жизни Юрия Михайловича. Ведь кому из нас, почти уже и воцерковлённых, почти что и монархистов, как вот этому, и в семьдесят пять, юношески художавшему невеличке достало бы внутреннего роста увидеть «Евангелие как хронику преступления», на чьей и большей голове не завалилась бы шляпа, не помешала бы услышать, как «Христос ругается»? Кто из нас, развернув грудь, вслед за Державиным, Гончаровым, Майковым, Гумилёвым в силах нести подкартечно парадно: «Христос – вечный Царь, антихрист – временной президент». Нести сквозь озверение либералии, нести к народу, в народ, что никак ещё и до тирана-кахетиона не разогнётся.

Об Обломове-символе в противопоставление Обломову-симптому, об Обломове-обличителе, разъяснением Лощица стряхивающем Обломова-обличение, Обломове – Христе русской субботы насказано и написано, хотя, конечно же, далеко ещё не всё. Так и «Обрыв» – всё та же пасхальная модель, топография смерти и воскресения: исхождение от жизни прежней, ветхой – из бабушкиной усадьбы, повреждённой застарелой тайной греха, через увлечение-падение сиреневым романтизмом в смерть-обрыв, и – через покаяние! – в объятия жизни новой, что из-за реки, с иного берега.

Ничего не придумаешь лучше того, что назначено для тебя.

Ничего не придумаешь лучше того, что назначено.

Ничего не придумаешь лучше того.

Ничего не придумаешь лучше.

Ничего не придумаешь.

Ничего.

Действительно, послебеллинскому читателю для понимания Гончарова нужен Лощиц. Потому-то на писателя сверкнул недобро глаз «большого брата», сам Сулов зарубил награждение книги, спустив вдогон свору коммунно-антирусской критики. Эпохи меняются, но гражданственность спасается в нас эстетикой, как мир – красотой. «Смерть! Где твое жало?! Ад! Где твоя победа?!» Сулов, Бялик, Вайсман, Резник – вы кто?!

Март – это путь.

Это наст.

Это хруст.

Это сено

цепляющий куст.

Это берёзовый дым

набекрень.

Это Великий пост.

Это высокий день.

Это клёст.

Это сохнувший холст.

Это шорохи заспанных крон.

Это зевающий сон.

Это звон

очнувшихся звёзд...

Как всегда неожиданно и хорошо у большого поэта меняются ритмы и мелодии в согласии с темами. Это не перепевность, это свобода таланта и мастерства. И вот прямо-таки хлебниковская капель «Марта» чередует совершенно бунинские «Вечер тянет вдоль села», «Свете тихий», «Серый день» и околотоволошинское «Пречистое». Да, везде подача в суть содержания.

Ю.М. Лощиц, «Послевоенное кино»:

«О, безымянные мои приятели и подружки того звонкого лета! Я никого не запомнил по именам, да и меня вряд ли кто вспомнит. А как нам было хорошо! Мы просто с ума сходили от немеряных наших дней, от нашего, казалось, на всю громадную жизнь приятельства. И, возможно, как раз чтобы не сойти с ума, мы с утра до ночи согласным хором визжали, хохотали, улюлюкали, пели, выкликали игровые команды, пароли, считалки и присказки, пускались в плачь и рёв, беспричинно переходящий в смех, и наоборот, – со стороны это, наверное, походило на птичий базар, на щебет и писк стрижиной стаи перед дождём или на таинство маленьких лесных полубожков. Мы давали полную волю переполнявшему нас восторгу бытия, мы заявляли громко о невыразимой в словах уверенности своей в том, что мы – бессмертны. А остальные как хотят».

Вьются мелодии и в прозе, и в публицистике – «Полумир», «Земля-именинница», «Славянские святцы», «Кирилл и Мефодий»... Вьются так, что не изыметь, не вырезать для примера цитату, как не вытянешь струю из потока. А чуткость к смыслу звучания слова у Юрия Михайловича от его славянского многоязычия: от дедовской украинской мовы и сибирской чистоты векорусского, соитие которых пополнило церковно-староболгарским и возлюбленным сербским. А ещё от сопряжения беспривального странничества и затворной книжности. Сирия и Афганистан, Якутия и Палестина, Белград и Тобольск, Байкал и Днестр – а меж ними архивы спецхранов и читальные залы, кафедры и катакомбы, аудитории и кельи. Только в таком плотном замесе пространств и времён магия осмысленного звука сублимирует силы, что любого пленяют с самой малости первопрочитанного и удерживают всю жизнь.

Ю.М. Лощиц, «Юнион»:

«Вечер, вечер», – старческими румяными губами шепчет кора столетних акаций. «Вечер, вечер», – это звенят струи молока о прозрачные стенки нового белградского подойника. «Вечер, уже вечер», – поют над селом миллионы цикад. «Вечер, вот он, вот он», – стучат о землю босыми детскими пятками груши, сливы, смоквы. «Гордана, зачем я влюблён в тебя в этот вечер?» – вопрошает тонкий месяц над сизыми холмами Шумадии. Это тёплая солома шелестит в стогах за домом. Это куры перешёптываются, устраиваясь на насесте. Это лопаются пересохшие стручки фасоли, и жемчужные горошины катятся на цементный пол. Это колокол белой церкви на соседнем холме освещает крестьянский ужин: «Вечеря!.. Вечеря!..»

ВЕТЕР СТРАНСТВИЙ

Александра БЕЛОВА, г. Димитровград.

ТАЙНУ БАЙКАЛА ХРАНЯТ НЕБЕСА

Эссе

ФАНТАСТИЧЕСКОЕ РЕШЕНИЕ

Едва ли найдется на Земле место более уникальное и таинственное, чем Байкал. Случалось в студенческие годы проезжать мимо этого чуда природы по дороге в Забайкалье. С тех пор я тихо мечтала побывать на берегу Байкала, заглянуть в его синюю бездну с теплохода, искупаться у каменистого плеса. *Тихие мечты сбываются...*

Мы дружили втроем – Виктория, Светлана и я, когда наши дети ходили в садик, потом в школу. Жизнь раскидала нас. Сначала поближе к родным, в Омск, уехала Вика. Через несколько лет оставила наш городок и Света, она переехала еще дальше – в Испанию, с которой связали жизнь ее дочери. Редкие письма и телефонные звонки не могут утолить жажду общения. По дороге в Сибирь я заезжала к Вике, а Света время от времени бывает у нас в городе. Но подруги мои не виделись друг с другом 20 лет. Вместе со Светланой съездить к Вике долго было нашей *тихой* мечтой. Прожив восемь лет в Испании, Светлана побывала в городах и на островах Западной Европы, но Сибирь оставалась для нее неведомой.

В начале лета она написала мне по электронной почте, что в июле мы вместе поедem к Вике. Через день позвонила и предложила поехать втроем на Байкал! Я огоршила по телефону Викторию:

– Ты еще не знаешь, что едешь со мной и Светланой на Байкал? – после паузы последовали восторг, слезы, сомнения, что вот так просто можно ли прервать работу. Вика – риелтор.

Но в ее голосе (совсем не изменившемся со времени наших посиделок с рукоделием, прогулок с детьми по яркому осеннему лесу и по заснеженному горячо любимому Димитровграду) уже звучала надежда...

И вот мы со Светой едем в Омск. Этот город дорог для меня воспоминаниями о знойном лете, о пляжном романе на Иртыше, который затянулся со времени преддипломной практики на десятилетия. Продолжение *того* лета – трое «знойных», непредсказуемых детей и превращение пляжной любви в разноликую семейную жизнь.

Обычное для меня путешествие в плацкартном вагоне в этот раз пришлось отменить по случаю уже сложившейся у Светланы заграничной привычки к комфорту и чистоте. Купе было актуальнее.

После бурной встречи на вокзале и отдыха с дороги Виктория провела нас по Омску, по всем своим и моим любимым местам. Я узнавала и не узнавала знакомые с юности площади, скверы, аллеи, набережную, мосты. Омск не только сохранил все, что я помнила, но стал современнее, богаче, удобней.

– Вика, ты живешь в прекрасном городе, – сказала Светлана. Чувство гордости за город моей любви тихонько зазвенело во мне. Вика тоже была счастлива, зная, что Свете есть с чем сравнивать. Нас ведь хлебом не корми, дай только погордиться чем-нибудь своим – городом, страной.

Через два дня мы, уже втроем, отправились на Байкал. В дроге нам повезло, в вагоне было прохладно. Я, как всегда, выбрала верхнюю полку, чтобы читать и спать вволю, и договорилась полушутя, чтобы бутерброды и чай мне подавали наверх, поскольку я старшая. Подругам было о чем поговорить, совесть меня не мучила. Убедилась еще раз, что дружба втроем – просто супер.

Солнце время от времени освещало лесостепь Западной Сибири, леса и горы Саян, голубые ленты рек. Зять Вики сообщил по сотовому телефону, что в Восточной Сибири вздулись от дождей реки. Мне звонили дети из Питера, муж – из деревни Лопата, Светлана – дочка из Испании. Как сокращает расстояние и облегчает сердце сотовая связь! Благословенны люди, ее придумавшие.

В Красноярске к нам в купе поселился молодой человек из Благовещенска, высокий, с густыми черными волосами, артистично ниспадающими почти до плеч. Он снял туфли и приготовился запрыгнуть на вторую полку. Но самая придиричивая из нас по части порядка и соблюдения приличий Виктория подала юноше полиэтиленовый мешок и, строго поведя носом, предложила завернуть в него туфли, сказав, что мы тоже так сделали. Молодой человек без тени смущения положил туфли в мешок и, забравшись на верхнюю полку, взялся было за книгу. Постепенно он включился в наш разговор о Красноярске, и мы поняли, что он музыкант, едет с гастролей. В ответ на наши вопросы рассказал, что владеет домрой и другими инструментами, учился дирижерскому искусству. С симфоническим оркестром он бывал в заграничных поездках, концерты имели большой успех. О музыке

он говорил увлеченно и нежно.

– Музыка должна воздействовать на души людей и будить высокие чувства, но это страшная сила, если она идет от темного сознания, – сказал юноша... Наверное, мы когда-нибудь услышим об этом музыканте. Его имя Александр Зубарев.

Мы со Светой выразительно взглянули на Виду, намекая на мешок с туфлями. Но она не менее выразительно поджала губы, мол, прядок есть порядок.

Мы ехали без адресов и рекомендаций, но радость от уже реальной поездки наполняла нас оптимизмом. К тому же у Светланы была информация о туристических маршрутах Прибайкалья из сети Интернет.

По случаю ремонта моста через Иркутск ехали обходным путем. *Ох, уж эти мосты, у нас в области их ремонт в народе называют платиновым*. От железнодорожного до автовокзала водители такси брали 500 рублей. Немного помедлив, мы стоворились на 300. Водитель – блондин лет пятидесяти – по дороге рассказал, как доехать до Байкала.

На автовокзале в Иркутске нам сразу предложили поездку в маршрутном такси на остров Ольхон, взяв по 350 рэ с носа. После пятичасового пути по дымному Иркутску, вдоль реки, по дороге среди гор до переправы через понтонный мост, по роскошной долине на острове Ольхон мы прибыли в поселок Хужир. Молодой водитель маршрутки, спросив о цели нашего приезда и узнав о желании недорогого проживания, предложил доставить нас к частному пристанищу для туристов. Приветливая коротко стриженная, опрятная хозяйка нескольких летних домиков и жилого дома на улице Лесной, 27 Алла Яковлевна приняла нас и разместила в новом, еще пахнущем свежеструганным деревом помещении на троих, с маленькой верандой, ознакомив с оплотой.

Одна ночевка стоит 150, двухразовое питание – 200, баня – 40 рублей на человека. Есть столовая и кухня. Можно готовить пищу самим. Туалет на улице. Во дворе разрешается поставить машину и готовить на костре шашлык. Чисто. Цветы. Предусмотрены две экскурсии по священным местам острова Ольхон стоимостью 250 рублей с питанием на привале – ухой из омуля.

Алла Яковлевна рассказала, как пройти к Байкалу, договорилась с нами о бане в 20 и ужине в 21 час.

– Пока вы гуляете, я застелю постели. Постельное белье в цветочек висело во дворе на веревке, свидетельствуя о свежести сна – после купания в Байкале, бани и ужина.

ЭТО КУПАНИЕМ НЕ НАЗОВЕШЬ

Вода для меня всегда притягательна. С детства купалась в прохладном Енисее, ныряла с кручи и с плота в его быстрые воды. Однажды меня за косы вытащил из-под плота одноклассник: не рассчитала течения... Горжусь, что могу переплыть реку Черемшан, рядом с которой живу уже много лет, туда и обратно, без отдыха (не кролем – от него быстро устаешь, а «по-собачьи»). Полюбила и эти тихие и теплые по сравнению с Енисеем воды... А шум дождя по крыше после знойного дня... Непередаваемо... Восхищаюсь

всякой ипостасью воды. Обожаю слушать плеск реки после зимы. До сих пор радуюсь, что не реализовался глупейший проект советских времен – поворот рек вспять. Хотелось бы, чтобы все, что создано на Земле, бережно хранилось людьми.... «Бедные арабы!» – думаю про себя всякий раз, когда с языческой радостью окунаюсь на даче в деревне Лопата в куб с колодезной водой. Вода сама по себе чудо. Но Байкал!..

– Это живое существо! – сказала Вика. Света восторженно молчала, присев на камень. Я намерилась поближе познакомиться с Байкалом.

– Вы что, собрались купаться? Там же два градуса! – сказал мужчина из группы туристов, проходящей мимо. Они уже стали держать пари «искупается не искупается». Я зашла в воду, нырнула, проплыла метр! Все тело моментально зануло от холода. Пришлось быстро ретироваться на берег. На горе кричали: «Ура! Человек в Байкале!». Но мое честолюбие не ликовало. Я поняла, как недоступен Байкал! У подруг – вопросительные знаки на лицах. Они окунули только руки.

– Класс! – смогла я произнести и опустила на горячий песок. Обрадовалась и удивилась этому: солнце весь день было закрыто дымкой поднявшегося над землей тумана.

Баня после прогулки на Байкал была просто «в жилу».

ОСТРОВИТЯНИН

Утром мы со Светланой проснулись часов в пять, и она предложила мне сходить к Байкалу на мыс за пляжем, где мы были вчера. Мы тихонько, чтобы не разбудить Вику, собрались, Света взяла свой замечательный цифровой фотоаппарат, и мы отправились снова к Байкалу. Начинаясь день, солнце едва вышло из-за прибрежных скал. Поднявшись на мыс Бурхан, мы увидели красоту двухвершинной скалы. Шаманкамень – по книгам, а в простонародии – Шаманка, место культовых служений духам разных восточных верований. Сюда якобы время от времени приходит женщина-шаманка и танцует свои ритуальные танцы. Я нашла это естественным. Как еще можно выразить восторг и поклонение Байкалу, если не страстным шаманским танцем.

На острове Ольхон проживают в основном русские, буряты, метисы русских и бурятских кровей. Бытует шаманистское верование. Духи этой веры неприхотливы, удовлетворяются ритуальными столбами или просто деревьями, увитыми цветными тканевыми лоскутками. Приезжие приобщаются к культу, оставляя на деревьях свои лоскутки, тоже просят духов о сокровенном. И те не отказывают в даровании здоровья, удачи, любви и даже детей. Главный дух мыса – Бурхан-Ольхон-Орел, гордый и суровый, но щедрый к тем, кто не нарушает законов чистоты и порядка, о чем говорится на щитах из досок...

Два дня «сЫночка» Аллы Яковлевны Лены на внедорожнике знакомил нас с живописными скалами и пляжами западной и восточной частей острова Ольхон, с целебным грязевым озером, кормил ухой из омуля. Красивый чернявый парень, выше среднего роста, широкоплечий, загорелый, уверенный в себе. Эдакий местный мачо русских, бурятских и еврейских кровей. По дороге он рассказал нам, что бабушка у него еврейка, когда-то сосланная в Норильск,

перебирала там слюду на фабрике.

– Наша семья жила в Норильске до тех пор, пока северяне не лишились части льгот. Тогда-то мама переехала в Иркутск, к брату, потом на Ольхон. Начинали с нуля строиться, поняв, что туристский бизнес на острове будет развиваться. Пока жизнь на Ольхоне спокойная, двери на ночь можно не закрывать. Бывают иногда столкновения на понтонном мосту, когда вечерами большие пробки. Но мы, островитяне, отстаиваем свое право быть к ужину дома.

Отрадно было слушать от молодого человека, как он с гордостью говорил о своих корнях и произносил слова «мы – островитяне». Рассказал и о том, что на острове живут настоящие шаманы, обладающие ясновиденьем, что при желании с ними можно встретиться. Водители при покупке новых машин, как правило, японских, обращаются к шаману, чтобы тот заговорил их от аварий. И это помогает.

Леню, как и многих его земляков, волнует то, что при постройке моста вместо понтонной переправы ситуация изменится, активизируется постройка гостиниц для иностранцев, хлынут бизнесмены. Покоя и первозданности остров может лишиться. Но Леонид знает, что жизнь не стоит на месте, и надо ее принимать такой как есть. Мы полушутя сказали своему экскурсоводу, что приедем сюда старушками, а Леня будет главным менеджером островного туризма, для этого ему надо изучать языки...

Зимой Леонид, как и многие островитяне, занимается подледным ловом рыбы. Дело это очень нелегкое из-за морозов с сильными ветрами. Но другой работы для мужчины на острове нет...

По дороге и вдоль берега озера мы видели много цветов, таких же, как у нас, но они мельче. Особенно радуют глаз ярко-красные саранки на зеленых лугах и жарки по придорожью, в тени деревьев.

В долине острова свободно пасутся стада без пастухов. Телят оставляют дома, и коровы сами приходят домой, чтобы покормить телят. Интересно, что огорожены не пастбища и загоны, как мы привыкли, а луга, предназначенные для покосов.

Камни вокруг озера в основном белые и серовато-дымчатые, как утренний туман над Байкалом, с блесками слюды или цветными разводами бледных тонов. Изредка попадаются камни рыжих тонов. Когда мы выбрали камушки себе на память, Леня сказал, что надо что-нибудь дать и Байкалу. Мы бросили копейки. Это тоже обычай Ольхона. И, как сказал Леня, никто не собирает эти деньги, брошенные в разных местах в прозрачные воды озера. Для меня стало откровением принятие душой молодого человека местных верований и обычаев. *Все-таки Россия станет форпостом будущего единого мироустройства из-за лояльности ее населения к иным верованиям...*

В заливе Хога – Яман-Узуры вода чуть теплее, чем в Хужире. Я позволила себе проплыть дальше, но, когда заглянула в глубину, на меня глянула синяя бездна. Она притягивала. (Кстати, синий цвет – гор на горизонте, лесов равнины и ушедшего вдаль тумана – преобладает на Байкале). Со странным, я бы сказала, мистическим чувством я поплыла назад и больше не заплывала дальше двух метров. Байкал – непостижимое существо. Подругам искупаться и здесь было «слабо», они были счастливы созерцанием. Света забралась высоко на гору, чтобы сверху снять пейзаж. В этом

она была неутомима. Вика не отрывала восторженных глаз от Байкала...

Возвращаясь в домик в эти дни еще засветло, мы отказывались от ужина. Купив у частников горячего омуля, а в ларьке – копченого и вяленого, с бутылочкой пива уходили к Байкалу. (Омуль – хорошего качества, но некрупный; на Енисее – крупнее). Мы снова и снова удивлялись теплой почве и камням, хотя жары не было.

но проходит служба на тибетском языке.

Мы в этот же вечер пошли к источникам, посидели на камнях, послушали звонкую песню реки, попили минералки из холодного источника. Недалеко от нас мужчина в плавках наслаждался под мощной горячей струей. Окончания его удовольствия ждали несколько человек. Вика позвала нас к запруде, рядом с которой лежал крупный зыбучий песок. Там и тут из песка

то пробивалась, то исчезала «минералка». Напились! Очистка организма была весьма результативной...

На следующий день мы отправились к водопаду. Туман покрывал горы, пики скал высились над белой дымкой. Солнца не было видно, но я не отказала себе в удовольствии искупаться в холодных струях водопада, показавшихся мне чуть теплее, чем воды Байкала. Однако тут земля и камни не были теплыми. Света не уставала снимать, а Виктория ворчала, что на Байкале было лучше, теплее и светлее. *Просто Байкал проник в твоё сердце, Вика, и не оставляет тебя. Ты влюбилась! Ведь это живое существо.*

После небольшого отдыха неутомная Светлана позвала нас в Дацан, мотивируя тем, что лучше с вечера узнать, когда будет служба. Пути километра полтора. Мы пришли в Дацан, когда там никого не было, кроме молодого служителя-инвалида. Он предложил нам прослушать за символическую плату небольшую лекцию об истории Дацана и о ламах, которые вели здесь службу в разные годы. Тихо и сдержанно лились слова юноши о буддистской вере, о ее подвижниках и о таинствах, дающих силу верить. Главное убранство внутри храма – колонны, увитые шитьем из многоугольных разноцветных шелковых лоскутов. Снаружи – на крыше две лани с поднятыми к символам буддистской веры глазами.

Это знак того, что слушать ламу надо с открытым сердцем.

Утром, когда мы со Светланой пришли снова в Дацан, служба уже шла. Лама в бордовом одеянии сидел на подушке, время от времени звонил небольшим колоколом. Рядом курились благовония. Мы присели на скамейку. В молитве ламы слышались горные ветры, россыпь камней, шум горного потока и шорох зыбучих песков. Совсем другую, чем у нас, песнь, обращенную к Богу, слушали мы. Говорилось в ней о Едином, Непостижимом и Вездесущем на языке Тибета. *Почему Богу угодно было создать столько народов с разной верой в Него? Уходя, мы покрутили по солнцу ритуальные барабаны, посылая благие мысли родным и всем людям планеты Земля. Бог един.*

Виктория с нами не ходила. Зато упаковала омуля, купленных для угощения по приезду домой, и как настоящая хозяйка сходила на рынок, купила свежей картошки и вкусных разностей. Приготовила горячий обед. Это было роскошью. Благодарные Вике, мы простили ей все строгости и занудства. *Она же риелтор, а риелторы все знают лучше, чем другие люди.*

ДИКАРКА

Возвратившись из поездки по острову во второй день пребывания в Хужре, мы увидели во дворе красивую метиску с длинными черными волосами, перехваченными на шее заколкой, с кудрявой большеглазой девочкой на руках. Алла Яковлевна сказала, что это семья «СЫночки» Лени, что жена из бурятской семьи, очень стеснительная, дочку звать Соня. Наша попытка сказать комплимент юной женщине увенчалась только наклоном ее головы и осторожным взглядом. Хотя одета она была, как все современные девушки: яркий топик и шорты; стройные смуглые ноги в спортивных туфлях довершали гармоничный облик дикарки...

ВОДА БАЙКАЛА

В добрых чувствах и при хорошем настроении ранним утром мы попрощались с Аллой Яковлевной, ее семьей и уехали в Иркутск с намерением попасть в Тункинскую долину в Саянах. Я набрала в дорогу воду из Байкала. На вкус она такая же, как у нас в Лопатинском колодце. Леня сказал, что японцы покупают у коммерсантов эту воду по хорошей цене. *Беспроигрышный бизнес. Что ждет Байкал? Не хотелось бы, чтобы на его берегах разыгралась «голубая лихорадка». Люди должны быть разумнее. Духовная и физическая мощь Байкала велика, он еще послужит человечеству в будущем. Не случайно такая роскошь у нас, Россия – хозяйка, она за него и в ответе.*

АРШАН

К вечеру того же дня мы прибыли в бурятское курортное селение Аршан. Поселились в гостинице Тункинского заповедника. Это одноэтажное новое здание из дерева. Плата за гостиницу 250 рублей в сутки, баня – 100. Есть несколько турбаз, построенных частниками или организациями. Питаться можно в нескольких кафе неподалеку, в которых принято готовить рыбу, пазы (круглые вареники с мясом) и чебуреки. Есть парк с танцплощадкой для развлечения туристов и отдыхающих в санаториях. Около Аршана течет бурная река с горным водопадом. Вдоль русла реки прямо из крупного сыпучего песка бьют горячие и холодные лечебные источники. Главная жемчужина края – Тункинская долина, знаменитая древними вулканами с горячими источниками с лечебными грязями, буддистскими дацанами, в которых регулир-

ГЕОЛОГИ

В нашей гостинице жили двое мужчин: молодой, кареглазый, коротко подстриженный, но всё же кудрявый, и высокий иностранец в солидном возрасте, худощавый, седой.

Вечером, когда подруги уже отдыхали с книжками, я пила чай в столовой. Разговорилась с молодым человеком. Старший научный сотрудник, кандидат геологических наук Александр Щетников из Иркутского института земной коры рассказал:

– Совместно с канадскими и английскими учеными создана комплексная экспедиция для изучения климатических изменений и осадконакопления за последние 1,8 млн лет. В Тункинской долине, возраст которой 10 тысяч лет, рыхлые осадки более 2,5 км глубиной. Здесь наблюдается нетипичный прорыв вулканов – на равнине. Их около 20. Горы вокруг Аршана начали формироваться 20 млн лет назад и выросли в течение 2 млн лет. В долине когда-то гуляли мамонты, носороги. Потом наступило оледенение. Вся геология основана на биологии. История строится по останкам костей животных. Одно из таких свидетельств – кость мамонта – Александр вынес из своей комнаты и показал мне. Я поднялась. Не могла допустить, чтобы Светлана и Виктория пропустили такой момент, спросила разрешения и позвала их. Света, конечно, сделала снимок находки. Я была благодарна ей за неравнодушие к истории.

Потом продолжилась наша беседа с иркутянином.

Я спросила о цели изысканий и о пользе их для человечества. Но молодой человек не стал потворствовать моей журналистской суетливости, неспешно рассказал о разных периодах развития земной коры и климата и о методах изысканий. Когда я попросила разъяснить ряд чисто профессиональных терминов и он почувствовал, что мне кое-что стало понятно и интересно, продолжил:

– Ученых всего мира занимает Байкал и Прибайкалье. До нас здесь работали сотрудники лаборатории неотектоники и геоморфологии, специалисты Канадского университета принца Альберта из города Эдмонтона. Изучается изменение климата и особенности развития природы Байкальского региона и Монголии за последние десять тысяч лет. Это делается для совершенствования прогнозирования будущих природных явлений, их периодичности. Здесь активная сейсмическая зона. Небольшие землетрясения происходят чуть ли ни каждый день, но мы их не замечаем. А предупредить людей о крупном землетрясении – одна из насущных задач ученых сегодня. Предсказание погоды тоже сюда входит. Для человечества в целом Бог – это природа, и жить в гармонии с ней, я думаю, благородная и благодарная цель.

Особенно по душе пришлась мне эта последняя фраза. *Как же далеко ушел человек от этой гармонии. Но ведь есть люди, для которых забота о будущем человечества не последний вопрос.* Испытав редкое чувство надежды, я спросила:

– Над чем вы работаете сегодня?

– Тема моей работы – рельеф земной поверхности Тункинской долины, его происхождение и эволюция. Возможно, результатами работы можно будет воспользоваться лет через 50. Я занимаюсь изыскани-

ями 15 лет. Два года назад мы нашли зуб маленького животного, вокруг лежали останки крупного животного. Недавно пришло из Академии наук сообщение, что это бивень неродившегося мамонтенка. Маму его настиг природный катаклизм. Находка оказалась уникальной. Бивень сейчас находится в коллекции Иркутского музея краеведения и геологии.

Здесь много интересных фактов. Например, косяк нерп – разновидности северного тюленя, предположительно оказавшегося в наших краях в период оледенения. Читал в старой, дореволюционной газете «Иркутские губернские ведомости» о пассивном движении животных, свойственном этим местам: косяки нерп время от времени спускаются из Байкала вниз по Ангаре. Это и сейчас предмет внимания ученых. *Возможно, и нерпам не чужда ностальгия.*

Разговор коснулся истории края. Александр рассказал, что в музее хранятся материалы Владимира Афанасьевича Обручева (это его роман «Земля Санникова» был экранизирован), анархиста Кропоткина, священника Нила – пустынноика и многих замечательных людей, неравнодушных к природе и людям края. Местное население, чалдоны, переселенцы во времена императрицы Екатерины и Столыпина. Тунка – казачья станица, основанная в XVII веке. Первая научная публикация о Тункинской долине напечатана Бакшевичем в 1856 году в «Записках русского геологического общества». Буряты поселились в долине позднее. Это были кочевые племена, которые привнесли свой колорит в эти места.

– Как здесь сосуществуют разные народности?

– Люди здесь всегда жили мирно. Много смешанных браков. Я работаю в долине 15 лет. Никогда буряты и русские не разделялись. Но лет пять назад здесь вспыхнула волна национализма. Политикам нетрудно внести рознь в угоду своим амбициям. Но рациональное зерно победило. Недавно состоялся народный референдум, который объединил Иркутскую область и Бурятский национальный округ. Надеюсь, распрей больше не будет. Я считаю, что каждая народность должна сохранять свою культуру и самобытность. Это так же интересно, как разные пласты в земной коре. Но государство должно обеспечить мир на нашей земле. Россия – краеугольный камень на планете. За ней будущее.

Александр сказал, что его предки переселились в Прибайкалье во времена Столыпина, возделывали здесь земли. Дед защищал Отечество в годы войны.

ДОМОЙ

Мы вернулись в Иркутск, купили на вечер билеты и пошли пешком в центр. Светлана предложила зайти в «Конику», где она заказала диски с комплектом фотографий с Байкала, и подарила нам с Викой. Потом мы пошли к набережной Ангары. Остановились у памятника Александру III, который вдохновил строительство Восточносибирской железной дороги. Посидели в сквере, где было много студентов. Видимо, у них здесь было традиционное место встречи. Приходили девушки и парни. Целовали друг друга в щечку, обменивались шутками. Парочки целовались более интимно и, взявшись за руки, шли к Ангаре. Мы тоже подошли к берегу, сели на теплый камень и опустили ноги в Ангару. Было солнечно, тепло, чайки летали вокруг. Этот час отдыха от долгой дороги лег на

сердце, как светлые блики на воду.

Не обошлось и без забавной ситуации. Я если посижу без действия какое-то время, то начинаю дремать, так уж устроена. Сажу в полудреме. Слева от меня Света, справа – Вика. Вдруг слышу от Светы:

– Саша, возьми мои бриллианты.

– Какие бриллианты? – говорю тихо.

– Ты знаешь, где они лежат.

– Где? – спрашиваю. *Ничего себе, как расстрогалась Светлана. Стоило ноги опустить в Ангару, уже – «брюлики» дарит.*

– Когда меня не будет, – продолжает она.

Ну это не скоро. Медленно шевелятся мои мысли под солнцем, а ноги – в воде. Тут Вика тронула меня нечаянно рукой. Я прихожу в себя, вижу, что у Светы в левой руке мобильник и она говорит с мужем Сашей. Тогда понимаю, что Светлана говорила не со мной. Она решила ехать сразу в Тольятти, на юбилей к зятю, а мужа Сашу просила взять украшения и наряд дома, в Димитровграде. Я, проснувшись окончательно, рассказываю подругам о своих ассоциациях. Мы чуть в Ангару не укатились от смеха.

– А я не могу прервать разговор, – говорит Света, – и думаю, что это она, бредит, что ли?

На веселой ноте мы покидали Иркутск. Правда, не было билетов в одно купе. Нам со Светой вежливая кассирша продала двухместное помещение для

обслуги, а Вике – место в (пустом!) купе в середине вагона. Я гостеприимно взяла верхнюю полку. Но чтоб забраться на нее, надо было вспомнить все навыки скалолазания. Зато мы ходили к Вике в гости, кушали там. До самого Омска к ней никто не сел (самое забавное, что вагон был полупустой до Самары), а я все тренировала мышцы при «подъеме и спуске»...

В Омске Вику встретил зять, а дочка Станислава прислала нам курицу с картошкой и открытку с жизнерадостным котенком, на которой было написано: «Тетя Саша и тетя Света, спасибо вам за то, что вы храните мое детство». Мы обещали друг другу, что будем совершать поездки втроем. В глазах Вики стояли слезы.

Вскоре, по приезде домой, она позвонила и радостным голосом сообщила:

– Спасибо вам, девчонки, вы ни от чего меня не отвлекли. Сделка моя состоялась, и удалось хорошо вложить в недвижимость сбережения детей. Теперь я знаю, что «тихие мечты сбываются», как сказала Александра, и что надо брать выше, а река снесет...

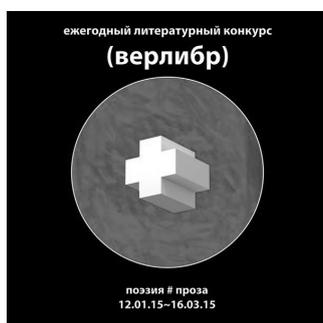
В дороге мы философствовали о том, что планы надо строить большие. Я вспомнила, что читала, как Лев Толстой сказал молодому Рериху, глядя на его картину «Пловец»: «Пусть твой пловец берет выше, река снесет».

Июль 2006 года

МОЛОДЫЕ ГОЛОСА

Дополнительная информация о конкурсе на странице: https://vk.com/konkurs_vers_libre

В начале 2015 года по инициативе культурного центра УлГПУ был проведен литературный конкурс «Верлибр» с целью выявления, поддержки и поощрения молодых талантов в области литературного творчества.

«Верлибр, как свободная любовь, – противоречие в терминах» (Честертон).

«Верлибр – способ видеть мир» (Вяч. Иванов).

Светлана ЧУМУРКИНА

«ВЕРЛИБР – 2015»

О том, что в Ульяновске стартует II Всероссийский литературный конкурс «Верлибр», направленный на выявление и поощрение молодых дарований в области литературы, я узнала случайно еще в январе, прочитав у кого-то из знакомых на стенке соцсети «ВКонтакте». Решила попытать своё счастье, отправила стихи.

В феврале стало известно, что конкурс стал международным. Появились участники из более 600 городов и даже 10 стран. Расширился список конкурсантов до 628 участников. На рецензирование экспертному жюри отправилось 1 500 работ. В состав жюри входили Марина Васильевна Моисеева – кандидат филологических наук, доцент кафедры культурологии, факультет культуры и искусства УлГУ, Татьяна Николаевна Фёдорова – кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы УлГПУ, Владимир Николаевич Артамонов – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, член-корреспондент РАН (Российской академии естествознания), Наталья Алексеевна Глинкина – кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы УлГПУ, Юлия Алексеевна Груздева – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры литературы УлГПУ, Лариса Игоревна Петриева – доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой литературы УлГПУ. Большую работу по организации конкурса проделал Павел Солдатов.

Я следила за новостями конкурса, уже не надеясь на призовое место. Но когда мне пришло письмо на электронную почту о том, что я стала призером в номинации «Поэзия», моему счастью не было предела. 10 апреля 2015 года в Центре образования науки и культуры «Форум» состоялся концерт, посвященный подведению итогов конкурса «Верлибр». Победителям и призёрам были вручены дипломы. А главный приз – впереди. Осенью 2015 года ожидается выход сборника произведений авторов-призеров и участников, которые получили сертификаты в номинации «Особый взгляд».

Члены жюри награждают победителей конкурса.

Победители (поэзия)

1-е место – Павел Александрович ВЕЛИКЖАНИН, 29 лет, Волгоград;
1-е место – Софья Александровна ДЁМИНА, 20 лет, Москва;
1-е место – Вячеслав Викторович ШЕВЧЕНКО, 24 года, Пермь.

2-е место – Станислав Романович ЛУРДА, 29 лет, Москва – Ульяновск;
2-е место – Светлана Вячеславовна ЧУМУРКИНА, 23 года, Ульяновск;
2-е место – Вероника Хунгяносовна ШИХОВА, 24 года, Аксай.

3-е место – Ирина Михайловна АСАТИАНИ, 22 года, Санкт – Петербург;
3-е место – Сергей Валентинович ГРЕК, 31 год, Одесса;
3-е место – Максим Сергеевич ЛИПЯНЧИК, 28 лет, Севастополь.

Победители (проза)

1-е место – Варвара Дмитриевна ВАСИЛЬЕВА, 21 год, Череповец;
1-е место – Максим Васильевич МИРОНОВ, 27 лет, Минск;
1-е место – Катарина Александровна РОМАНЦОВА, 23 года, Санкт – Петербург.

2-е место – Вячеслав Вадимович АГАПОВ, 24 года, Фролово;
2-е место – Даниил Алексеевич ЛЕБЕДЕВ, 21 год, Новосибирск.

3-е место – Светлана Александровна КАМУШКОВА, 29 лет, Южно – Сахалинск;
3-е место – Александр Геннадьевич КАРХУ, Мончегорск;
3-е место – Мария Николаевна ЛЕБЕДЕВА, 23 года, Тверь.

Номинация «Особый взгляд» (проза)

1. Мария Андреевна АНФИЛОФЬЕВА, 20 лет, Санкт-Петербург;
2. Алиса Аскарровна ГАЛЕЕВА, 22 года, Уфа;
3. Надежда Валентиновна ГАРБУЗ, 27 лет, Астрахань;
4. Виктор Владимирович (Виктор Пиратов) ЕЛИЗОВ, 27 лет, Омск;
5. Мария Георгиевна КИАХИДИ, 22 года, Ялта – Ульяновск;
6. Ольга Евгеньевна ЛАВЕРОВА, 26 лет, Москва;
7. Дмитрий Сергеевич ЛЕВОЧСКИЙ, 29 лет, Москва;
8. Михаил Русланович ЛУКИН, 16 лет, Липецк;
9. Кирилл Евгеньевич ЛУКОВКИН, 29 лет, Баку – Ульяновск;
10. Ирина Вадимовна (Рина Медведева) МЕДВЕДЕВА, 21 год, Горно-Алтайск;
11. Екатерина Сергеевна МИЗЕДЕРКИНА, 17 лет, с. Вырастайкино, Ульяновская область;
12. Дарья Андреевна МУСИНА, 28 лет, Ульяновск;
13. Иван Романович (Янис Илиас) НИКОЛАЕ, 21 год, Железнодорожный;
14. Сергей Николаевич НИКОЛАЕВ, 20 лет, Ульяновск;
15. Миранелла Сергеевна ОЗЕРОВА, 25 лет, Королёв;
16. Александр Валерьевич ПЕТРОВ, 27 лет, Ульяновск;
17. Дарья Владимировна ПОЛЕТАЕВА, 16 лет, Ульяновск;
18. Наталья Владимировна РАДЫГИНА, 17 лет, Саранул;
19. Юлия Игоревна РОГОВА, 17 лет, Рига;
20. Татьяна Юрьевна СЕБРЕКОВА, 29 лет, Санкт-Петербург;
21. Александра Сергеевна СМIRHOBA, 20 лет, Жуковский;
22. Анастасия Ивановна СОКОЛЬНИКОВА, 17 лет, Ярославль.

Номинация «Особый взгляд» (поэзия)

1. Арсен Николаевич АСРИЯН, 30 лет, Баку;
2. Юрий Васильевич БАВКУН, Ульяновск;
3. Андрей Николаевич БАРАНОВ, 22 года, с. Нижнеспасское, Тамбовская область;
4. Алина Александровна БЕЛАЯ, 20 лет, Суровикино;
5. Надежда Геннадьевна БЛИНОВА, 17 лет, Железногорск;
6. Дмитрий Викторович БОБЫЛЁВ, 27 лет, Серов;
7. Серафим (псевдоним ВВЕДЕНСКИЙ), 30 лет, Уфа;
8. Хельта Сергеевна ВИТКОВСКАЯ, 25 лет, Москва;
9. Сергей Алексеевич ЕРМАКОВ, 24 года, Омск;
10. Анвар Кадырбергенович КАЛАНДАРОВ, 31 год, Ташкент;
11. Анастасия Олеговна КОЖЕВНИКОВА, 23 года, Харабали;
12. Константин Маркович КОМАРОВ, 26 лет, Екатеринбург;
13. Дарья Ивановна (Дарёна Хэйл) ЛЫСЕНКО, 26 лет, Абаза;
14. Нина Сергеевна ЛЮБИМОВА, 20 лет, Москва;
15. Марк Александрович МАРКИН, 26 лет, Ульяновск;

16. Вера Витальевна МЕЩЕРЯКОВА, 23 года, Ульяновск;
 17. Кирилл Викторович МИРОНОВ, 29 лет, Самара;
 18. Николай Александрович МИРСКОВ, 30 лет, Раменское;
 19. Кристина Игоревна МИХАЙЛИЧЕНКО, 22 года, Севастополь;
 20. Александр Алексеевич МОСКВИН, 24 года, Оренбург;
 21. Анастасия Михайловна ОНИШКОВА, 29 лет, Ростов-на-Дону;
 22. Георгий Витальевич (Георгий Панкратов-Горький) ПАНКРАТОВ, 31 год, Санкт-Петербург;
 23. Анатолий Александрович ПИМЕНОВ, 22 года, Наро-Фоминск;
 24. Анастасия Игоревна ПОЛКАНОВА, 20 лет, Ульяновск;
 25. Владимир Александрович ПОПОВИЧ, 26 лет Попович, Самара;
 26. Александр Анатольевич ПРИДАНОВ, 30 лет, с. Андреевка, Ульяновская область;
 27. Маргарита Александровна СЕРОВА, 19 лет, Волгоград;
 28. Владимир Игоревич, 20 лет СТЕПАНОВ, Ульяновск;
 29. Андрей Витальевич ХОРОЛЬСКИЙ, 26 лет, Одесса.

СТИХИ И ПРОЗА ПОБЕДИТЕЛЕЙ, ДИПЛОМАНТОВ И УЧАСТНИКОВ КОНКУРСА «ВЕРЛИБР-2015»

Павел ВЕЛИКЖАНИН, 29 лет, Волгоград

ПОХОРОНКИ

Был черствый хлеб, что слаще сдоб,
 Был ратный труд, простой и страшный:
 На фронте пашней пах окоп,
 В тылу окопом пахла пашня.

Впрягались бабы в тяжкий плуг,
 И почва впитывала стоны.
 Мукою, смолотой из мук,
 На фронт грузились эшелоны.

А там своя была страда,
 И возвращались похоронки
 В артели вдовьего труда,
 В деревни на глухой сторонке.

Кружили, словно воронье,
 Над опустевшими домами.
 Кололо жесткое жнивье
 Босое сердце старой маме...

Софья ДЁМИНА, 20 лет, Москва

ПОСЛУШАЙ

Послушай, дела обстоят иначе.
 Все самое главное – в мелочах.
 И если сейчас мы на твоей даче,
 То я открою форточку, и –
 Ах!
 В нашем доме красота,
 У нашего дома счастье.

Воздух, как вода,
 И яблони в цвету.
 Положи свою теплую руку мне на запястье.
 Я же с тобой все дороги пройду.
 И так важно, кто открывает в метро двери,
 И обходить столбы вместе, с одной стороны.
 И чтобы всегда пыльная обувь,
 И чтобы птицы пели.
 И чтобы в центре целого мира
 Были одни
 Мы.

Вячеслав ШЕВЧЕНКО, 24 года, Пермь

* * *

Перила набережной узки,
 И сердце, пятками стуча,
 Срывало пуговицы с блузки,
 Срывало голову с плеча.

Она шагала правым галсом
 Там, где, разбрызгавши слюну,
 Холодный ветер зарывался,
 Как под лопатку, под волну.

Нева острее точила льдины
 И пенилась, как для бритья.
 Касалась пальцами Полина
 Перил сырого острия.

И на Васильевском уклоне,
 Где скрежетал моста домкрат,
 Стирала мокрою ладонью
 С губ алых тёмный шоколад.

Екатерина МИЗЕДЕРКИНА, 17 лет, с. Вырастайкино, Ульяновская область.

СЕМЬ ЧУДЕС УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Сказка

В одном маленьком провинциальном городке живёт обычный семиклассник Петя Васечкин. Как и все мальчишки, любит играть в футбол, дёргает девчонок за косички, иногда проказничает в школе. В этом году он начал заниматься в школьном кружке «Юные краеведы».

Однажды на занятии руководитель кружка, Мария Ивановна, объявила:

– Ребята, на следующем занятии мы с вами отправимся в заочное путешествие по уникальным местам нашего края, Ульяновской области.

– Да какие у нас могут быть уникальные места?! Лес, поле и речка – вот и вся уникальность. Я понимаю, если бы мы в Африке жили или на Северном полюсе! Вот это места! Чего там только нет, – мечтательно произнёс Петя.

– Петя, ты не прав, – возразила Мария Ивановна, – а ты знаешь, что в Ульяновской области тоже есть семь чудес?

– Чудеса? У нас? – удивился Петя.

– Да, самые настоящие чудеса, – сказала руководитель кружка.

– А какие чудеса? Расскажите нам! – наперебой стали спрашивать ученики.

– А вот об этом нам расскажет на следующем занятии Петя Васечкин.

Домой Петя пришёл не в настроении и всё бурчал себе под нос:

– Чудеса! Чудеса! Какие в нашей области могут быть чудеса? Вот в прошлом году мы отдыхали в Египте, видели пирамиду Хеопса. Вот это чудо так чудо. Один раз увидишь и никогда не забудешь.

Вечером Петя сел делать уроки, но задачка по математике никак не решалась, упражнение по русскому языку пришлось переписать. Да и заданный доклад покоя не давал. Мальчик на минутку закрыл глаза и... Очутился рядом с прекрасной женщиной в зелёных одеяниях.

– Кто вы? – спросил мальчик.

– Я – Матушка-природа, и сейчас мы с тобой отправимся в путешествие. Хочу показать тебе семь чудес этого замечательного края, и в этом нам поможет Книга Истории.

Женщина взмахнула рукавом, и они оказались на берегу великолепного озера с прозрачной водой. Окружали озеро сосны-исполины. Хвойный аромат распространялся вокруг.

– Смотри, Петя! Это Белое озеро, которое находится в Николаевском районе. А теперь перенесёмся на 250 тысяч лет назад, именно тогда, в ледниковый период, образовалось это озеро.

Женщина открыла первую страницу Книги. Петя увидел двигающуюся картинку: это же озеро, но на его берегу мирно паслось стадо... мамонтов.

– Вот это да-а-а! – восхищённо проговорил Петя.

– Жаль только, что мамонтов сейчас нет.

– Да, мамонты давно вымерли, но в глубинах озера до сих пор сохранилась флора эпохи ледникового периода.

– А почему оно называется Белым?

– Дно озера покрывает чистейший белый песок. А сейчас, Петя, мы отправимся дальше.

Матушка-природа взмахнула рукавом, и они оказались опять около воды.

– А это Юловский пруд, находящийся в Инзенском районе. В нём кристально-чистая, как слеза, вода. А посмотри вокруг... Красота какая!

– Да, очень красиво, – согласился Петя.

Вода в пруду была действительно прозрачной, а на водной глади застыли великолепные кувшинки, которые так и манили своей красотой. Кругом простирался лес.

– А этот пруд тоже образовался в ледниковый период? – поинтересовался мальчик.

– Нет, Петя. Перенесёмся на сто лет назад.

Матушка-природа открыла Книгу Истории, и Петя увидел, как на берегу реки люди строили запруду.

– Сто лет назад помещик Юлов устроил запруду на реке Юловка, чтобы привести в действие водяную мельницу. Это искусственный пруд длиной в 2 километра, – пояснила Матушка-природа.

– Значит, пруд создали люди? – спросил Петя.

– Да, Петя, пруд рукотворный. И это настоящее чудо.

Взмахнула рукавом Матушка-природа, и оказались они у храма необычайной красоты. В его куполах переливались лучи солнца. Стены храма устремились вверх.

– Ну это, наверное, храм какого-нибудь большого города, – промолвил Петя.

– Вовсе нет. Этот храм Дмитрия Солунского находится в Базарном Сызгане. Посмотри в Книгу: он был построен в XIX веке на средства местного купца Щербакова. Это памятник истории и культуры.

На следующей странице Книги Истории Петя увидел рыцарей, облачённых в железные латы. Мечи и копыя были в их руках. У каждого был щит с гербом. Мальчик сразу же вспомнил, как учитель истории им рассказывал о рыцарях и их подвигах, турнирах, крестовых походах.

– Но какое отношение имеют рыцари к нашему краю? Здесь какая-то ошибка! – уверенно сказал Петя. – Это я точно знаю.

– Рыцари, может быть, и нет. Посмотри на их коней. Железные латы рыцарей весили много, поэтому и кони нужны были сильнее и выносливее. Именно в это время зародилась порода лошадей-першеронов, могучих и сильных.

Взмахнула рукавом Матушка-природа, и оказа-

лись они в Кузоватовском районе. В Россию першероны были завезены в XIX веке, а в нашем краю они оказались во время Великой Отечественной войны. В настоящее время Октябрьский конный завод, где разводят эту уникальную породу лошадей, – единственный в России.

Петя был потрясён мощью першеронов

– Я никогда ещё не видел таких лошадей. Они, наверное, очень сильные.

– Очень. Кобыла Слива, выращенная на этом заводе, ещё в 1976 году установила до сих пор непревзойдённый рекорд – потянула груз в 9 тонн на расстояние более двух километров! Ну что, Петя, продолжим путешествие?

Женщина взмахнула рукавом, и оказались они посреди леса. Повсюду были нагромождения огромных камней.

– Сейчас мы с тобой в Тереньгульском районе, а место это называется Скрипинские Кучуры. Сказочный край сосен и камней! Здесь хорошо сохранились участки древней поверхности Приволжской возвышенности. Почти так же здесь было 300 миллионов лет назад. Эти камни берегут время. Только здесь встречается очень редкое растение – папоротник-многоножка. А теперь давай откроем Книгу Истории. Что ты видишь?

– Люди что-то выдалбливают из этих камней.

– Первые поселенцы, увидев эти глыбы, стали изготавливать жернова для мельниц. Мастерство и сноровка вырубки и изготовления жерновов передавались из поколения в поколение. Зачастую в промысле были заняты все мужчины семьи. Самым трудоемким и ответственным процессом была вырубка жёрнова из монолитной глыбы. Для этого приходилось искать цельные глыбы глубоко под землёй. Готовые жернова находили спрос не только в ближней округе, но и далеко за её пределами. До сих пор здесь встречаются брошенные заготовки жерновов.

Матушка-природа взмахнула рукавом. Стояли они уже на вершине горы рядом с часовней. Внизу простирался безбрежный океан лесов, полей, виднелось сёла.

– Мы находимся, Петя, на Николиной горе в Сурском районе. С горой связана одна из красивейших легенд. В былые времена Сурское было селом Промзино, которое являлось сторожевым пунктом, и задачей его жителей было защищать на данной пограничной линии свои земли от кочевников, кубанских татар. И именно тогда его жителям явилась икона святого Николая Чудотворца, защитившего промзинцев от нападения. Татары, когда их спросили потом, почему они стоят и не нападают, ответили, что «вокруг них стоит непроницаемая мгла, среди которой на горе в необыкновенном сиянии стоит старец с изображением вашего храма в одной руке и с мечом в другой». Татары ушли. После этого промзинцы с благоговени-

ем подняли найденную икону и в её честь возвели на горе часовню. А саму гору из Белой переименовали в Николину. Под той горой бьёт Никольский источник, известный своей удивительной целебной водой.

Петя зажмурил глаза от необыкновенной красоты, а когда открыл, то оказалось, что они уже на городских улицах.

– Это музей-заповедник «Родина В.И. Ленина». Это не просто здание, а целая улица, которая сохранила дух прошлого времени. Посмотри в Книгу Истории. Что ты видишь? – спросила Матушка-природа.

– Эта же улица. Только нет ни машин, ни трамваев. Люди одеты в старинные одежды, – ответил Петя.

– Это старый Симбирск. И этот уголок удалось сохранить в современном Ульяновске. Таких музеев-заповедников нет во всей России.

Вот мы и увидели с тобой чудеса Ульяновского края. Ты, наверное, заметил, что в Книге Истории есть чистые страницы. Именно тебе, Петя, и тысячам мальчишек и девчонок предстоит заполнить эти страницы. И я надеюсь, что эти страницы будут заполнены хорошими делами, благородными поступками, научными достижениями. Вам нужно сохранить то, что оставили ваши предки, и преумножить это достояние. И тогда этот край будет процветать.

Петя открыл глаза. Он сидел так же за своим письменным столом, но настроение было совсем другое. Петя выполнил все домашние задания и взялся за доклад, который попросила сделать Мария Ивановна.

На следующем занятии Петя рассказал о семи чудесах родного края. Все ребята слушали затаив дыхание. А Мария Ивановна похвалила Петю и сказала:

– Вот видишь, Петя, чудеса есть не только в заморских краях, но и совсем рядом. Нужно только быть более внимательным. Чудо можно сотворить и своими руками. Нужно только захотеть, а главное – надо любить свою Родину. И тогда любое дело по плечу.

– А знаете, Мария Ивановна, за нашим городом есть родник. Бабушка мне рассказывала, что вода в нём целебная. Раньше много людей приезжало сюда за этой водой, но сейчас родник заброшен. А давайте расчистим его.

– Давайте! – поддержали Петю ребята.

– Хорошо, ребята, в ближайшие выходные мы с вами туда отправимся.

Через три дня ребята отправились к роднику, убрали мусор, траву скосили. И заиграли лучи солнца в кристально-чистой воде ключа. Вода в нём была вкусной-вкусной. Ребята договорились, что в следующий раз придут сюда уже с родителями, чтобы поставить новый сруб и скамейки для отдыха. А девочки уже решили, какие цветы посадят здесь, чтобы это место стало любимым местом отдыха горожан.

Я думаю, что на этом история ещё не закончилась...

Станислав ЛУРДА, г. Ульяновск.

КАРКАДЭ

Красный чай в стакан.
От отчаяния.
Порошком чёрный сахар.
На дно.
Решено. Пара глотков обжигających.
Случайно, неловким движением,
Правда, нечаянно, остатки расплескал на старый
рассохшийся стол.
Мой календарь не меняется,
Даже когда срываются
Старые листы.
А ты?
Почему твое утро всегда отдает понедельником?
Почему в твоих венах не кровь, а сыпучий песок?
Я не смог.
Я не смог тебя вымести с мусором.
Просто вырвать из жизни кусок,
С наслаждением
Глотать этой крови горячей поток, словно сок.
Я не смог.
Обвиняйте меня в малодушии.
И во всех семи смертных грехах.
Я нашёл
Небольшую, но все же отдушину
В ровных строчках и честных стихах.
На руках.
На руках моих пепел от слов твоих.
И ожоги от впитанной лжи.
На груди шрам большого предательства.
Может, хватит уже.
Подожди.
Задержи бесконечно дыхание.
В моем мире нет смысла дышать.
Просто сядь и смотри вереницы снов.
Просто некуда больше бежать.

Вероника ШИХОВА, 24 года, г. Аксай.

РУССКИЕ АТЛАНТИДЫ

*Посвящается затопленным городам
и селам Центральной России: Мологе, Калязину,
Крохину, Запогостью*

Почти разрушены и забыты,
В любой засушливый, жаркий год
Всплывают русские Атлантиды
Из плена тёмных глубоких вод.

Людей зовут, как когда-то, церкви,
В них нет дверей, куполов, икон:
Лишь только прыгают водомерки
И видно воду из всех окон.

«Наш тихий город стоял здесь долго,
Вот тут был рынок, а здесь – погост,
Несла здесь воды спокойно Волга
От нас на целые сотни вёрст.

Ходили летом к нам пароходы,
И был наш берег отрадой глаз.
Но всё, что люди слагали годы,
Разрушил мигом один приказ.

Теперь река здесь, как будто море,
И всю Москву освещает ГЭС.
Кому-то счастье, кому-то горе,
Но был наш город – и вот исчез.»

Парят над водой они, пустые –
Церквей печальная череда –
Как будто памятники святые
Погибшим маленьким городам.

Светлана ЧУМУРКИНА, г. Ульяновск.

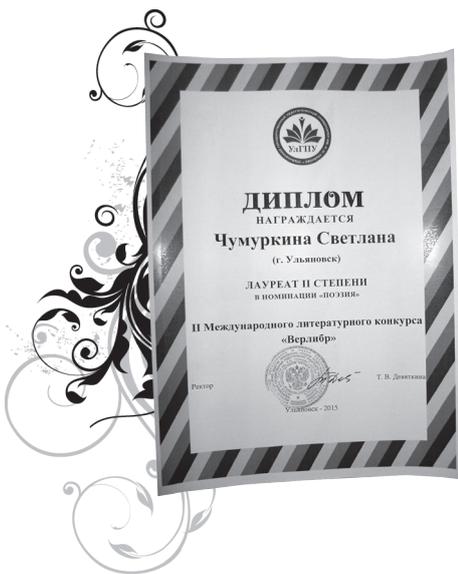
* * *

Если сердце болит, будто воткнуто острое лезвие,
Да обвязано (так, для эффекта) колючею проволокой,
Вспоминай в этот миг, что давно твои нервы железные,
И не жди, когда вдруг прозвенит торжествующий колокол.

Если тяжело тебе и нутро разрывается-плачется,
В пустоту оглянись, приучай себя жить обособленно.
Если жизнь твоя на небесах до сих пор еще значится,
Значит, что-то хорошее, верь, для тебя приготовлено.

И не мучай себя бестолковыми самоубийствами,
Признавайся себе, что не все еще пройдено-прожито.
Все уносится прочь. Все умчится с осенними листьями.
Все исправится. Все непременно получится-сможется.

Сердце! Ты поболи, а потом начинай снова-заново
Открывать себя миру и чувствовать запахи свежести.
Ты однажды поймешь: «Жизнь, такая ты все-таки странная!
Я люблю твои редкие, но долгожданные приступы нежности!»

Илья ШОКИН, г. Ульяновск.

ХРАНИТЕЛЬ

Всё, что он знал, – Путь. Всё, что умел, – идти по Пути. В его жизни был только Путь, да он и был его жизнью.

Каждый день он вставал и шёл по Пути, смотрел – что где нарушилось или где нанесло мусор. Чинил, исправлял, чистил. Бывало и такое, что Путь не нуждался в ремонте, и тогда Путь превращался в лёгкую приятную прогулку.

Первое время Хранителю очень нравилось идти по Пути, нравилось смотреть за ним, хранить его чистоту. Каждый шаг был как открытие. Путь привлекал своей непредсказуемостью. Любил он Путь. Сколько всего было в нём! А главное, загадочность – для чего предназначен Путь? Каждое утро он с радостью вставал навстречу новым впечатлениям, новым горизонтам. Шли годы, со временем радость уменьшилась, пока совсем не пропала. Интерес постепенно уходил, оставалась усталость. Путь из захватывающего исследования обернулся каждодневной рутинной. Всё с меньшим и меньшим желанием Хранитель шёл по нему. Путь уже не доставлял ему удовольствия, а тяготил его.

Всё чаще и чаще Хранитель задавался вопросами: зачем? Ради чего? Кто и за что приговорил его к Пути? Неужели это его судьба и ничего, кроме Пути, нет?

«Какой смысл во всём этом? – думал он. – Каждый день я убираю мусор, исправляю повреждения. А на следующий день всё то же самое».

Покинуть его – искать новой судьбы? Он долго обдумывал этот шаг, не спал ночами, а днём ходил, как во сне.

Хранитель решил уйти с Пути.

Он долго бродил вне Пути, заблудился и неожиданно для себя вышел обратно к нему. Убежал, снова блуждал без Пути, метался из стороны в сторону и снова вернулся. Отчаявшись, решил, будь что будет, и больше не пошёл по Пути. Кому он нужен, этот Путь? Кто им ходит? Для чего его хранить? Со злости

он даже повредил его в некоторых местах. «Получи, проклятый! – крикнул он. – Я всю жизнь надрывался ради тебя! И что я получил взамен?» Путь ничего не ответил.

После этого Хранитель больше не очищал Путь и не чинил. И если ходил, то только чтобы смотреть, как он разрушается, как его засоряет разный хлам. «Ну что, хорошо тебе? – злорадствовал он. – Без меня-то конец тебе! Только и можешь – жить чужим трудом! Не Хранитель теперь я тебе!» Путь молчал. «Ну и молчи! – закричал отказавшийся от своего имени. – Ты сломаешься! Тебя завалит мусором! А мне-то что? Я – вот он, как был, так и останусь!»

Совсем зачах Путь. От былой широты осталась узкая полоска.

Однажды ночью отказавшийся от имени проснулся от того, что услышал музыку, песню. Она была прекрасна, она звала и манила, она не могла оставить равнодушным. Открыв глаза, он не поверил тому, что видит. Они шли по Пути, эти существа, сияющие звёздами, и пели. Это их песня его разбудила. Их было много. Подобно безбрежному океану, они даже не шли, а парили от начала Пути к его концу – к горизонту. Мириады звёзд. И тогда он закричал шепотом: «Подождите! Возьмите меня с собой! Я с вами!» Он побежал к сияющим звёздам существам, хотел пойти с ними, но споткнулся о какой-то мусор и упал. Поднялся, сделал шаг, снова споткнулся и упал. Он падал и падал, пытаясь идти вместе с сияющими. Но Путь был слишком повреждён. Упал в очередной раз и больше не мог подняться – силы покинули его. Он смотрел на уходящих за горизонт сквозь слёзы и шептал: «Пожалуйста, не оставляйте меня. Возьмите меня с собой. Простите. Простите. Простите...» И кто-то из них остановился и тронул его душу: «Слёзы унесут боль. Горизонт близко. Мы с тобой».

Наутро Хранитель шёл по Пути и расчищал его. Горизонт близко...

Ирина АСАТИАНИ, 22 года, г. Санкт-Петербург.

ТАЯНИЕ

Лед стоял на реке. Агафья белье полоскала. Барские дети резво играли на клавесине. У барина в кабинете напившись, два генерала стрелялись с хозяином на чистом адреналине. Попали по пальцу. Дальше гангрена и смерть. Агафья, закрывшись на кухне, рыдает горько: «Умер мой лада, хозяйка отправит под плеть, у меня же ребеночек маленький...» Глушит водку.

У Агафьи ни мужа, ни чести не было – только барин: придет, приласкает как может, одарит рублем. Когда Агафья спорит с торговцами на базаре – каждый считает долгом напомнить ей обо всем.

Каждая баба в деревне знает, как быть не должно: принесла в подоле – мучайся или кайся...

Тает лед на реке, как бывает обычно весной, из далеких стран лебеди возвращаются. Тает лед постепенно, как тает ее терпение: у ребенка жар третьи сутки – ор стоит по ночам. Вдруг замолк. «Упокой, Боже, душу безгрешную!»

Пробирается темная тень по задворкам
да по кустам...

Лед растаял под утро. Агафью искали долго – унесло течением тело на десятки верст.

Стоят вокруг гроба бабы и молят Бога, чтобы душу Агафью контрбандою в Рай пронес...

Сергей ГРЕК, 31 год, г. Одесса.

ВЫЗОВ ВРЕМЕНИ

Время – в отражении кривого зеркала
Стрелкам эпохи – обратный отсчет.
В песочных часах заложена бомба.
Неужели не видите – скоро рванет!
Не станет памяти, лет, истории,
Обнулится время, сотрутся границы.
Лица тиранов укроет пепел,
Очередь станет у входа в гробницы.
Солнца закат из глаз покатится,
Тяжелой гардиной занавес упадет.
А вы не верите в гибель вечности?

Думаете пронесет?

Поглядите вокруг. Снимите ставни.

Высуньте головы.

Что видно вам с вашей Голгофы?
Язвы беспечности, душный уют,
В блеске рекламы девочки голые.
Творцы-сутенеры, черные Гофманы,
Падшие ангелы что-то жуют.
Смрадные взгляды. Улыбка клерка.
Лесть проститутки режет уши!
Куклы в погонах конвейерной лентой -
Наглухо досками заколочены души.
Апостолы с «чеками» белой религии.
Серые толпы шагают в ногу.
Палачи носят траур по задушенной совести,
Кровавыми пальцами примеряя корону.
Неужели вы не видите этого?

Неужели не слышите набат времени?

Метаморфозы истории замешаны на крови.
От какого света прячутся тени?
Черные дыры в музеях пошлости
С рюмками прозы, стихами из дыма
Личность обглаживают до самой кости,
Стирая ластиком бесследно имя.
Музыка сфер на оборванных струнах.
Поэт тонет в шепоте сердца.
Вы думаете, я себе все это придумал?
Мне лгать давно уже неинтересно.
Я чеканю из мысли грош
И швыряю на паперть времени.
Нас острогами не возьмешь,
Наши рифмы не скачут в стремени.
Мы совершенно другие, словно свежие краски
из новой палитры.
Да, мы проблемные, но нам не чета слабые люди!
Кисти засохли – возьмем другие.
Кровью и потом холсты писать будем.
Это время уходит, слагая по нам свою эпитафию.
Стрелки сквозь сон идут вспять.
В песочных часах, под подушкой,
заложена бомба.
Когда прозвонит, не забудьте заправить кровать.

*Участники конкурса «Верлибр» на финальном концерте.
Апрель 2015*

Максим ЛИПЯНЧИК, 28 лет, г. Севастополь.

ПРИВЕТ, ДЖОРДЖИК

Привет, Джорджик,
Почему не виляешь хвостом,
Почему не рад мне?
Не узнал?
Ну вспомни, вдвоём,
От дождя под мостом,
Мой пополам съели обед.
Ну сторонились вначале,
Но общий кусок нас подружил,
И пасмурный день стал немного светлей,
В глазах чуть менее стало печали,
Но они всё же сказали:
«Да, брат, это жизнь».
И в этот дождь
Во всём мире не было хлеба вкусней.
Но чего ты ждёшь?
Почему не оближешь мне руку,
Обиделся, что не пришёл вчера?
Ну извини, не мог, хотя вру,
Реально было делать нечего.
Зачем лежишь ухом к асфальту,
Мои шаги хочешь выслушать?
Не надо, я тут!
Разве не слышишь, полную миску
костей перед тобой ставлю?
Ну же,
Вставай, друг!

Рафия БАСЫРОВА (псевдоним – Незабудка), 22 года, г. Ульяновск.

СВЕРЧОК СЕРЁЖА

Вечер. Яркое солнце зашло за горизонт, мама позвала меня домой. Я прощаюсь с друзьями до завтрашнего дня и мчусь на всех парах к дому по длинной деревенской улице. Захожу в дом и вижу, как она разливает по кружкам парное молоко. «Как я люблю его тёплый и нежный вкус», – думаю про себя и сажусь за стол.

Через некоторое время меня и моих сестёр отправляют спать, и я, недовольный указом родителей, бреду к своей кровати, ложусь и засыпаю. Среди ночи раздался странный скрежет.

– Ууу... Опять ты, Серёжа! – проныл я и швырнул в угол комнаты подушку, чтобы испугать сверчка. Меня мама всегда за это ругала, всё говорила, что это живой оберег нашей семьи, но я в эти сказки никогда не верил, а только тихо ненавидел сверчка за ночные концерты.

– Вроде утих! – обрадованный победой перевернулся на другой бок и стал засыпать, как вдруг скрежет повторился.

– Замолчи же! – пробурчал я и нырнул под подушку.

Прошло время, я вырос и уехал в город, совсем забыл о сверчке и о ночных концертах. В своей жизни многого добился, стал главой крупной корпорации. Однажды купил родителям путёвку за границу на 40 лет свадьбы, а в их отсутствие из хлипкого домика решил выстроить большой дворец. За эти три месяца был построен огромный коттедж в виде замка, во дворе был аккуратно выстрижен газон, и вдоль дорог повсюду благоухали цветы, на заднем дворе стояла баня с джакузи, душем и бассейном.

Вскоре приехали родители. Мама начала меня с порога бранить и произносить отрывистые слова: «Он умер... умер... Ты убийца! Как ты мог! Несчастья накликать на нашу семью!», и слёзы градом стекали с её морщинистого лица.

– Не убивал я никого, – произнёс я, совсем не понимая, о каких несчастьях она говорила. Ведь ожидал я совсем иной реакции, надеялся, что им понравится, и не догадывался, кого убил, ведь было всё хорошо, все живы... И тут моему непониманию пришёл конец, она пролепетала слова: «Серёжа, бедный Серёжа!». Это имя, как магическое слово, произнесённое гадалкой,

повергло меня в ужас, и предо мной быстро начали прорисовываться картинки моего детства, связанные со сверчком.

– Мама, прости... Я не хотел его убивать и не желал тебе сделать больно...

Но уже ничего не вернуть, а в душе продолжал верить, что это только сказки и ничего плохого не случится.

Мама перестала со мной разговаривать, отец ничего не сказал, лишь поддерживал маму и молчал. Они жили в этом доме, будто он им чужд, а деваться было некуда, постоянно вспоминали прежний старый дом с его покошенным от времени крыльцом, прогнившей кровлей, которую отец залатал, но заплатка продержалась лишь полгода.

Что самое плохое, сверчка не было слышно в новом доме ни ночью, ни днём, мама каждый вечер ходила, прислушиваясь к каждому уголку коттеджа, но ничего не было слышно.

Беда, которую пророчила мама, постучалась в дверь нашего дома. В скором времени её сшибла машина, но, к счастью, обошлось лишь небольшим переломом ноги.

Мне не повезло больше, через неделю после маминого случая мои коллеги выиграли тендер, и я начал постепенно разоряться, так как не стало той надежды выплатить кредит.

В один из вечеров я сидел перед камином и размышлял о том, что ничего не вернуть, пророчество набирало более устрашающие обороты с каждым днём. Я боялся больше всего за родителей, чтобы с ними ничего не случилось, и умолял Бога лишь о моём наказании, ведь виноват был только я.

Из-за камина раздался скрежет.

– Серёжа! – воскликнул я, и он замолчал. – Ты, оказывается, пугливый, – но ответа на мои слова не дождался. Раньше не думал, что он такой ранимый, что он может уйти от громкого слова, но скрежет повторился через пять минут. Мама заглянула в комнату и улыбнулась за полгода в первый раз.

После этого случая я поверил в легенду о сверчке и больше никогда не стану обижать это скромное и доброе существо, которое живёт у нас за камином.

Дмитрий ЯСЮЛИС, 19 лет, г. Ульяновск.

* * *

Бейся, борись за любовь до конца, тебе не нужны простые романы.
Энергии нужно, как у юнца, что бил энергично по барабанам.
И храброе сердце – сильней и сильней! – биться должно, как колеса состава.
Бейся, пускай до скончания дней, но ты ведь имеешь на это право.
Бейся, борись за любовь до конца, не отступай, чтобы там ни случилось.
Пусть нужны силы, как у бойца. «Не сможешь!» – пускай твердят три мудреца.
Пусть даже сердце там из свинца, но в конце ты вздохнешь: «У меня получилось!»
Бейся, борись за любовь до конца, хочу, чтоб запомнил эту идею.
И, если ты видишь себя, как отца, а рядом ребенка, совсем мальчика,
И эта семья обязательно с нею.
Бейся, борись за любовь до конца, если оба вы ждёте и очень хотите,
Тогда вы сердца свои соедините в два обручальных золотых кольца.
И слышу, когда я речь удальца, что любовь развалил на части,
Ему говорю, борись до конца, ведь борешься ты за счастье!

*Алексей ЯРМУХИН, 20 лет, с. Большое Нагаткино,
Ульяновская область*

НЕ ВЕРНУСЬ Я БОЛЬШЕ?

Не вернусь я больше
К деревенской жизни,
Помашу рукою
На прощанье вишне.

Буду вечно помнить
Здесьние просторы.
Напоследок взглядам
Обойду заборы.

Постучусь в окошко,
В каждый дом зайду,
Всем скажу: «Спасибо!»
А потом уйду.

Поброжу по улице,
По родной тропе.
Как же буду жить я
В городской толпе?!

Не увижу больше
Жёлтую крапиву,
Не найду я даже
Ей альтернативу.

Самый мой любимый –
Это день весенний.
Улицы наполнены
Запахом сирени.

Помню, как журчала
Быстрая речушка.
Помню, как ругала нас
Соседская старушка.

Вот дошел до дома,
Лёг под одеяло.
Мысли об отъезде,
Словно в сердце жало.

Солнце показалось.
Наступил рассвет.
Мимо окон дома
Тонит стадо дед.

Собраны вещички.
Время уезжать.
Как же всей душою
Хочется рыдать...

Не скажу «Прощайте!»
В своей беглой речи.
Но я крикну громко:
«Всем до скорой встречи!»

Юлия ЯКУБЕНКОВА, 18 лет, г. Ульяновск.

* * *

Взбиваем ногами словацкую пыль,
Словацкое солнце на наших губах,
Поля – золотые. А маки – не вы ль
Дурманом дышали во волковых снах?
Здесь горы – привычка, и их не объять

Руками, очами, душой человека.
Здесь велено было дышать и мечтать
Бегущему от двадцать первого века.
По рельсам стальным в направлении Ночь
Мы мчались, стальными гремя колесами,
Сроднившись с вагоном, где каждая – дочь
Путей одиноких. Ах, если бы сами
Мы знали, куда нам направить стопу!
Но нет, к молодым бессердечна махина
Безмолвного мира. Погибли табу,
Однако нельзя отвернуть балдахина,
Чтоб видеть грядущее ясно, как свет,
Как брызги ручья, что без усталости бьется
Желает. Иной нам надёжности нет,
Чем волчьи клыки или крылья орлицы.

Екатерина САЛКОВА, 19 лет, г. Ульяновск.

РЫЦАРЬ

Пойманной бабочкой сердце забьётся,
Алая роза цветёт на груди.
Я ещё жив, значит, мне остается
Встать и, как прежде, на битву идти.
Добрый мой конь под врагом где-то ходит.
Верный слуга пал в жестоком бою.
Мечь-часовщик моё сердце заводит,
Чтоб я багровым окрасил зарю.
В латах пробитых дышать уже больно.
Я их сниму – все равно умирать.
Губы сожму, чтоб не вскрикнуть неволью.
Дай, Боже, сил на ногах устоять!
Враг наступает. Орда его волчья
Скрыла собой золотые поля.
Меч я схватил что есть силы, пророча:
«Вашей не станет родная земля!»
...Враг налетел. Как лавиной подмяло
Гордого рыцаря с раной в груди.
Солнце лишь бликами света играло
В латах, что он был не в силах нести.
А через час подоспела подмога.
Враг был разбит и развеян был в прах.
Жаль, что они опоздали немного.
Рыцарь повержен с оружием в руках.

Светлана КОЛОТИЛИНА, 17 лет, г. Димитровград.

ХАРАКТЕР

Характеров немало интересных,
Но среди них так редок стал такой,
Что в воздух не бросает слов нечестных,
А славен своей ясной простотой.
То люди, коих дух несокрушимый
В былинных песнях на века воспет.
И с твердью слова непоколебимой
Они живут, собой являя свет.
Всё с широтой души и всё с размаху,
Чтоб сердце переполниться могло:
Отплясывая, разорвать рубаху,
А песни петь, чтоб за душу брало!
Если работать – делать всё на совесть,
Семью или дом построить – так, что крепче нет,
И правдою наполнить жизни повесть,
Потомкам оставляя ясный след.
В них сила, доброта и вера в Бога,
Во взгляде их – достоинство и честь.
Таких людей в миру, увы, немного,
Но мир живёт, покуда они есть!

Евгений АНТАШКЕВИЧ, прозаик, китаист, исследователь, кадровый офицер, автор литературно-исторической эпопеи, состоящей из четырех книг, вышедших в московском издательстве «Центрполиграф»: «Харбин», «33 рассказа о китайском полицейском поручике Сорокине», «Хроника одного полка. 1915 год», «В окопах. Хроника одного полка. 1916 год».

Симбирск начала XX века, тыловой город времен Первой мировой, выбран автором как одно из мест действия тематической серии. Предлагаем вниманию читателей интервью с писателем Евгением Анташкевичем и отрывок из его нового романа, завершающего литературный цикл.

«РУССКАЯ АТЛАНТИДА» ЕВГЕНИЯ АНТАШКЕВИЧА

интервью с писателем

– Евгений Михайлович! Русский Харбин – целый мир, как Атлантида, ушедший под воду...

– Сравнение с Атлантидой очень меткое, и именно с Атлантидой сравнивают русский Харбин харбинцы, которые в него попали, родились в нём и выросли там, а потом разъехались по всему (без преувеличения) свету, а я нашёл их, многих, тогда ещё живых, в Москве. Харбинцы до сих пор издают свои журналы, и один из них так и называется «Русская Атлантида». Разница с Атлантидой заключается только в том, что Атлантида была ли? А Харбин был, и уверяю вас, современных симбирянульяновцев, что среди вас ещё живут харбинцы и уж точно, что их дети.

– Как вы почувствовали притяжение этой темы? Чтобы так написать, нужно отдать часть жизни на собирание, изучение исторических ма-

териалов, а потом на творческое воплощение своего замысла. Что для вас Харбин (роман и ушедшая эпоха)?

– Так и получилось, и началось с момента, когда я там оказался сам в августе 1992 года, в этом китайском городе, в котором на тот момент все здания были русские (строили питерские архитекторы и инженеры), а жили только китайцы. Ощущение было зазеркальное, улыбка чеширского кота – улыбка есть, а кота уже нет! Но тени ещё оставались, казалось, что из-за угла сейчас выйдет русский приказчик или учитель гимназии, а выходила китайка с тазом выстиранного белья и совсем по-русски начинала развешивать его на верёвке, протянутой от стены одного дома к стене соседнего или между столбами заброшенной волейбольной площадки.

– Герои вашей трилогии живут и действуют в Харбине, на Дальнем Востоке, в Москве, в Твери и в Симбирске. Симбиряне благодарят вас за то, что вы выбрали и наш город местом действия романа! Скажите, почему именно Симбирск?

– Я благодарен симбирянам, что заметили. Это очень приятно!

Гражданская война началась на Волге, сначала была Самара, потом одновременно Казань и Симбирск. В Симбирске Гражданская война на Волге закончилась. Надо учитывать настроения белых, когда они отступали от Симбирска, города, с которого начались обе русские революции: и февральская, и октябрьская, т.е. сначала Керенский, а потом Ленин. Драма посильнее шекспировской, им бы отомстить, а они отступают. Вспомните пафос только одной фразы из Алексея Толстого в «Хождении по мукам»: «Господа, пал Симбирск!»

Конечно, события были и в Казани, чего стоит история т.н. царского золота, но в Симбирске была именно драма. После Симбирска белые покатились на восток, а остановились в Харбине. Так связались эти два города. К сожалению, этого никто не заметил.

Евгений АНТАШКЕВИЧ

ХАРБИН

Главы из романа

V

Антон Иванович, симбирский рабочий с живорыбного склада, это чувствовалось по запаху от его суконного бушлата, положил документ на стол.

– Пойдёт такое дело! Хорошо! С этой бумаженцией ты сможешь устроиться на курсы сестёр милосердия и вообще куда угодно! Начальником симбирского гарнизона тута был генерал Барановский, пускай думают, что ты его родственница, с Богом! – с улыбкой сказал он, поднялся со стула и ожёг Амалию взглядом, в котором читался вопрос: «Эх-ма, и как тебя такую мать уродила?»

Однако разговор был кончен, и Амалия с Борисом тоже поднялись. Когда они вышли из мастерской, их подхватил ледяной ветер, колоколом вздувший юбку.

– У них это называется крещенский мороз, – закрываясь от ветра и подняв воротник шинели, произнёс Борис.

Амалии от этого было не легче, и она тоже под-

няла воротник с чужого плеча худенького пальто и собрала юбку в кулак.

– Тебе бы где-нибудь хотя бы воротник купить меховой... Я разговаривал с местными, они сказали, что зима тут вся такая, да ещё и длинная. А представляешь, сегодня их православный праздник – Крещение называется, и они сегодня будут купаться в Волге... Амалия не поняла, о чем говорит Борис, и посмотрела на него.

– Не веришь? Они долбят во льду дырку, прорубь, и плавают в ней, как Иоанн Креститель в Иордане... Амалия смотрела на Бориса, она слышала про разные зверства разнообразных дикарей, но про то, что дикари сами над собой зверствуют, не слышала.

– Их так наказывают? – на всякий случай спросила она.

– Нет, они сами прыгают в воду, вроде как очищаются от грехов...
– Смертью?
– Почему смертью?..

– Вы были гостем нашего города. Улица Гончарова, Старый Венец – всё вам знакомо. Вам нужно было писательским зрением все увидеть, прочувствовать самому?

– Большая Саратовская! Конечно! Действительно, многое теперь знакомо. И Венец, и Владимирский сад, и казармы уланского полка, которые потом стали одним из главных госпиталей в Симбирске, и мост, и кадетский корпус, поэтому своих героев (героинь) я поселил недалеко – на Лисиной.

– Мы рады, что вы стали гостем журнала «Симбирск». И надеюсь, все, прочитавшие главы романа, заинтересуются и трилогией в целом. Что бы вы пожелали читателям и авторам «Симбирска»?

– И читателям, и авторам журнала «Симбирск» я могу пожелать только одного, но много: быть счастливыми читателями и авторами. И удачи, конечно! И красивой осени в этом году, как, впрочем, и во все предстоящие.

Жгут листья дворники осенние.

Осенние ли дворники,

Осенние ли листья?

Дым стелется в спокойном воздухе

Сейчас в Ульяновске,

А было, что – в Симбирске.

(Шутка)

Беседовала Елена КУВШИННИКОВА

Амалия не поняла, это же очевидно, что когда человек попадает на таком морозе и при таком ветре в ледяную воду, он не сможет жить дальше.

– ...Нет, они не умирают, они вроде как смывают с себя все грехи и потом живут дальше...

«Глупости какие, наверное, их грехи такие толстые, что они и спасают от холода в ледяной воде!» – подумала Амалия, однако спросила:

– Так они, наверное, купаются в одежде?

– В том-то и дело, что нет...

– Голые?

– Практически, в одной рубашке...

Амалия представила себе такое купание, от этого ей стало хуже, в это время обдал ледяной ветер, и она стала отворачиваться так, чтобы ветер не дул хотя бы в лицо.

Впереди был длинный, скользкий подъём на Венце, и она почувствовала, что её захлёстывает злость, а по опыту знала, что на Венце ветер ещё сильнее.

«Крещенские морозы, – подумала она. – А до Нового года были рождественские!.. Их Йезус бог зимы, что ли? Наверное, у них какой-то свой Йезус, русский и тоже купается вместе с ними! Как тут всё ужасно, в этой России!»

Они стали подниматься по зигзагообразному, скользкому Смоленскому спуску, до деревянной лестницы надо было ещё дойти. Борис что-то говорил, но она его плохо слышала из-за ветра, который, куда ни повернись, всё равно дул в лицо и задувал под юбку. Мёрзли руки в такой же, как пальцы, худой муфте, спутник поддерживал её под локоть, но стоптанные каблуки его австрийских солдатских ботинок скользили. Она балансировала другой рукой и для этого вытаскивала из муфты, и кисть и пальцы моментально леденели и становились красными; такими, какими она помнила свои кисти и пальцы, когда стирала бесконечные кровавые бинты и солдатские подштанники. Под юбкой было ещё холоднее, и она с завистью посмотрела на армейские суконные штаны Бориса, ей казалось, что в штанах ей было бы несравненно теплее. Она уже была опытная и знала, что у мужчин под штанами ещё и кальсоны, ей бы так.

«Бедные женщины! – подумала она. – За что Бог нас так жестоко наказывает? Что мы ему сделали плохого?»

– А какие у них ещё морозы? – спросила она Бориса.

– Что? – не понял он, не расслышал, потому что ветер, как злая собака, вырвался из-за поворота дороги за крутым косогором.

– Какие у этих русских ещё морозы?

– Морозы? – переспросил Борис. – Ты о чём?

Вдруг он стал скользить вниз, ухватился за тонкий прут на обочине, но не удержался и на широко расставленных ногах съезжал по наледи и потянул за собой Амалию. Они начали съезжать вместе, Амалия разозлилась на неловкого спутника, стряхнула его руку с локтя и тоже ухватилась за ближние кусты. И остановилась.

«Фраер!» – подумала она про Бориса и оглянулась. Борис перестал скользить, остановился, застыл на широко расставленных ногах, балансируя руками, и ей стало его жалко и неловко, ведь сколько он ей сделал доброго, пока они ехали в этот ледяной Симбирск. Практически спас от австрийских военнопленных, так и ждавших удобного момента, чтобы наброситься и изнасиловать уже беременную.

Она дотянулась рукой до его руки, они зацепились пальцами, и она почувствовала, что пальцы у Бориса тёплые, почти горячие.

Она чувствовала эти пальцы и раньше, но Борис, Барух, ничего такого себе не позволял, хотя по его глазам она всё видела и всё понимала, только не понимала, что ей с этим делать, Барух Кюнеман. Это уже русские в Симбирске прозвали его Борисом и даже фамилию дали – Кунен. Или Кунен. Но всё равно этим русским несподручной была странная фамилия, никак не похожая на русскую, и за три месяца, сколько они прожили в Симбирске, Кунен превратился в Кунина, вроде как от куницы, юркого зверька с очень острыми зубками, хищной мордочкой и тёплым мехом, вот бы ей сейчас кунью шкурку на воротник или муфту. Борис ей рассказал, что куница – это близкий родственник русского соболя, дорожащего и очень аристократичного, из которого шьют шубы богатым людям. Амалия жила нищенски, подёнными работами в госпиталях. Она мыла полы, стирала, но и приглядывалась к работе сестёр милосердия, и уже несколько раз ей удавалось за небольшие деньги подменять ночных сиделок. В частные дома её не брали без рекомендации. Борис знал об этом и познакомил с фабричным рабочим Антоном Ивановичем. Этот русский неожиданно проявил о ней заботу. Сегодня он посмотрел бумагу, полученную Малкой ещё в пути на имя Амалии Барановской, и сказал, что среди военных врачей много сочувствующих и евреев, и обещал, что с кем-то поговорит и попробует устроить Малку учиться на сестру милосердия. Но пусть она поучится русскому языку, а то, что она иудейка, не страшно, потому что в России много иудеев среди врачей. Хорошо бы так, а то от голода и холода она уж устала и временами чувствовала себя так плохо, как плохо ей было в октябре, когда случился выкидыш. Это было ещё в пути, в бесконечном пути, долгом и тягостном, куда-то на восток, куда с бесконечными стоянками на запасных путях её вёз поезд с австрийскими военнопленными. Хорошо, что в тот момент рядом оказался Барух, Борис. Она уже путалась.

Она потянула к себе Бориса, он устоялся на ногах, сделал осторожный шаг вперёд и дальше, помогая друг другу, они добрались до лестницы. Амалия оглянулась на тот ужас, который они только что преодолели. Внизу была скованная льдом Волга и занесённый белым снегом пустынный левый берег, такой белый и такой яркий, что аж до рези в глазах. Резь в глазах была и от ледяного ветра, ветер резал глаза, и глаза заполнялись жгучей слезой.

Так же её обожгло изнутри страхом, когда она почувствовала, что находившийся в ней плод пошёл наружу, а поезд стоял. Ей стало тяжело, будто в животе тянула книзу пудовая гиря, она застонала, хотела сдержать крик, но не смогла и закричала. Ей показалось, что из неё выходит не человек, хотя и крошечный, – у неё был маленький живот, она в своей жизни видела у других и побольше, даже намного больше, – а раскалённый чугунный шар. Ей стало казаться, что этот шар злой, что он цепляется, она тужилась и одновременно боялась нарастающей боли, ей хотелось, чтобы шар скорее выскочил и освободил её. У неё появилась мысль, что шар, на самом деле её плод, хочет причинить ей зло за то, что она не хотела, чтобы у неё внутри что-то жило, и поэтому она много и тяжело работала. И от страха и безысходности она стала кричать. Борис в это время проходил мимо, он

заглянул в вагон, сразу всё понял и побежал за доктором. Доктор быстро прибежал, и они вместе с Борисом склонились над ней, а тяжесть усиливалась, и тогда доктор послал Бориса за горячей водой, и тот принёс котелок. Доктор ругался по-русски и по-немецки, потому что котелок был грязный или доктору так показалось. Доктор и Борис скинули на пол вагона мешки с бельем, уложили Малку, она махнула на них рукой, чтобы отвернулись, они отвернулись, она задрала юбки, чтобы сильно не запачкать кровью и выкинула. Потом она плохо помнила, она смутно видела, что Бориса стошнило, доктор вытянул белую материю из мешка, разорвал на куски, кусок намочил в котелке и положил ей на живот, а в другой завернул...

Малка видела, что он завернул. Он завернул кровавое пятно, в середине которого был маленький человек размером с ладонь, похожий на ухо, похожий на мышь, большую, или крысу, тогда маленькую, и она поняла, от чего она только что избавилась. Потом не помнила.

Они шли вдоль обрыва Венца. На холод и ветер уже не хотелось обращать внимания. Борис сказал, что надо идти в лагерь, там хотя и немного, но есть чего поесть. Амалию от мысли идти в лагерь передёрнуло, она тряхнула головой и ясными глазами посмотрела на Бориса.

– Я туда больше не могу, не хочу!

– А куда?

– В госпиталь, там в прачечной тепло...

– А ночью?

– Я договорилась с ночной сиделкой, она какая-то больная и ночью ей тяжело дежурить, она мне за это даёт немного денег, сам ведь говоришь, что надо купить воротник.

Амалия говорила так уверенно, что Борис кивнул и согласился.

Он не мог не согласиться, госпиталь лучше, чем барак на окраине Симбирска, в котором около железной печки ночами после тяжелых дорожных работ ютились полуголодные военнопленные. А кроме этого, их врача, доктора из их эшелона, взяли работать в отделение для больных военнопленных, и он иногда помогал Амалии. Но не сегодня. Пршедшую ночь она уже провела в его госпитале с учебником для фельдшеров на немецком языке, и он помогал запоминать по-русски.

Они шли вдоль чугунной ограды Венца, Амалия всё же обходила частные дома и предлагала себя на подённые работы, а Борису это не нравилось, хотя какое он к этому имел отношение, казалось Амалии. Но она его понимала, потому что он имел право думать в её сторону. Они не срослись, как думалось ему, но сроднились, как думалось ей, и она металась между тем, что она выкинула, между тем, что он советом помог ей выкинуть, и между тем, что тогда его стошнило и у него тёплые пальцы. И она старалась об этом не думать и избегала его внимательных долгих взглядов. Она уже давно осознала себя женщиной большой и взрослой. Она не жалела о своей девственности, как будто её и не было, она тяжело помогала своей престарелой матери, так и оставшейся по ту сторону войны. Она обманула злую Ривку, по-настоящему обманула, как взрослая. Она уже была беременная, у неё уже был выкидыш, у неё никогда не будет детей, не каждой взрослой женщине такое даётся. В её жизни уже не стало Пети, она его выкинула вместе с плодом, и у неё был чемодан. Она редко его открывала, боя-

лась, что ограбят и продадут на барахолке, и тряслась над ним, как над последним женским счастьем. Вот оно – счастье. Когда-нибудь она всё это наденет – и как будто всего, что с нею случилось-приключилось, не было. Это и было счастье, и оно было – всего-то руку протяни – в чемодане. Надо только потерпеть и подождать.

И чтобы не обокрали.

Они шли вперёд, она прикрылась от солнца муфтой, думала и вдруг почувствовала, что Борис тянет её за локоть. Она остановилась. Борис стоял как вкопанный и смотрел вперёд, и она тоже посмотрела вперёд. От них шагах в двадцати находилось самое высокое, самое открытое место Венца. Она увидела сидевшего на белом как снег коне старого офицера в фуражке и наушниках. Рядом на мостовой, там, где сдувало снег, стояла коляска с откинутым верхом. В коляске сидели ещё два офицера, молодые. Они смотрели через Волгу на левый берег, и от всех на снегу лежала одна большая тень. Старый офицер стал поворачивать жеребца, и она увидела, что левый рукав его шинели пустой и подколот. Кучер натянул правую вожжу, и коляска тоже стала поворачивать, и она рассмотрела молодых офицеров и ахнула: у одного под козырьком фуражки лицо на уровне глаз было повязано черной шелковой лентой, а другой держал составленные вместе два костыля.

В это время рядом по Венцу в сторону Никольского спуска проходил строй кадет, мальчики были закутаны в башлыки, у них сияли глаза и покраснели от мороза щёки. Их старший что-то крикнул им, они разом повернули головы к офицерам, дали шаг, руки выпрямили вниз, а старый офицер на коне, глядя на них, поднёс к козырьку ладонь в перчатке и замер. Сидевшие в коляске молодые офицеры повернули лица к кадетам, старый офицер с поднятой к козырьку ладонью смотрел на кадет и улыбался.

«Этих русских мороз только красит! – подумала Амалия и позавидовала. – Черт бы их всех побрал! Все калеки, сам калека, а ещё улыбается!.. А эти мальчишки, наверное, нашкодили, и их ведут в прорубь... Так им и надо!»

– А ты в какой госпиталь? – услышала она Бориса.

– А? – Амалия ещё не отошла от увиденного.

– Ты в какой госпиталь?

Амалия на секунду замешкалась с ответом и почувствовала руку Бориса, тёплую, у неё перед глазами ещё маршировали мальчишки-кадеты с ясными глазами и красными щеками, и она тряхнула головой.

– Страшная картинка, правда? Эти калеки... – сказал Борис.

– Разве мы с тобой мало видели калек? – готова была разозлиться Амалия.

– Да, конечно, – ответил Борис, – но не таких...

– А каких?

– Я думаю, что это отец и два сына...

Амалии до этого не было никакого дела, но она не удержалась:

– А тогда где их мать? – с напором спросила она.

– И где матери тех, которых ведут в прорубь?..

Борис сдержал улыбку, он вздохнул, у него был такой вид, что ей стало его жалко. Он ни разу не спросил, чьего ребёнка она носила под сердцем, а потом выкинула, при его, между прочим, содействии, тёплые руки... и она содрогнулась.

– В тот госпиталь, который рядом с нашим кладбищем...

– Тогда тебе туда, – сказал Борис и махнул рукой в сторону от Волги.

До Мытного двора они вместе прошли почти всю Дворцовую улицу и молчали. На Ярмарочной площади Борис ей кивнул, повернул, и дальше она пошла сама.

Солнце садилось красное-красное и такое яркое и большое, что Амалия загородилась и даже почувствовала, что оно греет, и удивилась, но тут же поняла, что просто здесь нет ветра, а все тени из-под солнца были тёмно-синие.

Она вошла в бывшие казармы пятого Литовского уланского полка через задний двор, зашла с черного хода и задохнулась от тепла. Её проводил взглядом отставной инвалид чёрте какой войны, и она знала, что он будет смотреть ей вслед, пока она поднимается по лестнице весь марш, и цокать языком. Она хмыкнула: «А если разобратить чемодан и одеться, ты бы тут и умер, что ли?»

И так было каждый раз.

Она прошла длинный тёмный коридор до самого конца в сестринскую, сняла пальто, оставила муфту, платок с головы опустила на плечи и сейчас всей кожей, руками и лицом впитывала тепло. Поднялась на второй этаж, выглянула, увидела, что сестра, которую она хотела подменить, ещё не пришла, ещё было рано, и спустилась в прачечную.

Работала, ни о чём не думая. Доставала большим ковшом горячую воду, наливала в чан, добавляла холодную, полоскала бельё, выжимала, раскладывала по тазам. Она была не одна, ещё несколько женщин делали то же самое, это были вечерние прачки. Утренние, три крепкие солдатки, получали из палат окровавленное и разнобразно испачканное исподнее, обрабатывали в вонючем, едком растворе, кипятили, отбеливали с синькой и оставляли отмокать. За это им платили не только солдатским пайком, а и деньгами. Другие, вечерние, получали паёк и то, что деньгами назвать было нельзя. Это были несколько пожилых беженки, готовых на любую работу за еду. У всех были дети. Работали молча, сделав свое дело, уходили. Сейчас две уже ушли, осталась Амалия, ей надо было прополоскать, отжать и развесить на улице бельё, она пришла в прачечную последняя. Когда набралось десять тазов, Амалия стала их по одному выносить на двор. Из почти бесплатных это была, наверное, самая тяжёлая работа зимой. В первый раз, когда ей указали на наполненные тазы и на дверь, она подняла три. Вынесла во двор, поставила на утоптанном снегу и начала развешивать. С первым тазом справилась быстро, бельё из второго стало обжигать пальцы холодом, а с третьим она намучалась, потому что туго скрученное бельё начало смерзаться, а пальцы стали пунцовыми и не слушались. Ей на помощь вышла одна из женщин и отнесла таз обратно в тепло. И тогда Амалия поняла, что выносить надо по одному. Сегодня был уже пятый её приход, и она была опытная.

На заднем дворе она находилась не одна, раненые обслуживали себя сами, они перемещались, ковыляли на костылях, во двор заезжали ломовики и разгружались, ходячие что-то относили на склад, что-то на кухню, сновали санитары и фельдшера, забирали лекарства и перевязочные материалы.

Тут Амалия была опытная и не от холода обвязывала голову платком так, что видны оставались одни только её глаза – на неё никто не заглядывался и не мешал работать.

Смотрели вслед работавшие рядом женщины, там, в прачечной, они качали головами, ахали-охали и молчали.

Малка не испытывала никакой ненависти к Барановскому-младшему. Она сама удивлялась. Она щупала себя в этом месте души, как щупают вчерашний ушиб – болит не болит: не болело! Хотя во всём был виноват именно он, его умение зарабатывать на всём. Это ведь он спроворил её Пете.

Она вздрагивала, когда вспоминала Барановского-старшего, такого доброго, даже заботливого. А почему он тогда не пробрался через русских военных и не забрал с собой отца и мать, хотя бы мать, отец бы всё одно не пошёл, он боялся русских, точнее, их бесконечной географии. Он, меламед, грамотный человек, говорил, что все карты врут и нет никакой восточной границы у русских, что там бесконечность и если есть Америка, то она на западе, а на востоке дыра бездонного черного колодца, и он говаривал на своих уроках: «Дети, не заглядывайте в бездну, иначе бездна заглянет в вас!»

И Малка решила, что она будет не такой, как Барановский-старший, а такой, как Барановский-младший. И Ривка. Не стервой, конечно... А кем? А хоть бы и стервой...

«И буду стервой!» – думала Малка, развешивая остывающее на морозе бельё и случайно обернувшись. На пороге стоял инвалид, и Малка видела, что он смотрит на неё и цокать языком. Она повернулась к нему, развязала платок, потянула за один конец, а левой рукой держала таз, упирившийся в её тонкую талию и, подходя к инвалиду, тряхнула волосами. Оглядываясь не стала, услышала, что инвалид охнул и больше она его нигде в госпитале не видела.

В прачечной уже никого не было, она была одна, осталась последней. Она поднялась в сестринскую, насухо, до красноты натёрла грубым полотенцем руки до локтей, капнула на кисти по капле бесценного глицерина, подарок австрийского доктора, заправила волосы под белую косынку с красным крестиком, надела передник и вышла в коридор. Сестра уже была на месте, она сидела за письменным столом и смотрела на что-то, лежащее в свете лампы.

«Наверное, получила письмо от любимого с войны!» – подумала Амалия, она подошла тихо, сестра её не услышала, и Амалия увидела, что сестра смотрит на фотографию, на которой был изображен военный, сидящий на стуле.

Малка увидела фотографию буквально на одно мгновение, военный был красивый, настоящий, в фуражке, с орденами, в глянцевого сапогах. Сестра вздрогнула и убрала фотографию, а Амалия сделала вид, что ничего не видела.

– Здравствуйте, Серафима! – поздоровалась Амалия.

– Здравствуйте, Амалия! – ответила Серафима.

– Я сегодня подежурю? – спросила Амалия.

– Подежурьте, Амалия, – ответила Серафима и стала подниматься со стула. – У меня в эти морозы и с этим ветром... так болит голова, просто всё плывёт перед глазами.

Она встала, и по тому, как она вставала, – осторожно, придерживаясь руками за края стола, – Малка неопровержимо поняла, что Серафима бережет свою беременность.

«Но по ней же ничего не видно... и она ничего не говорила... – подумала Малка и тут же про себя усмех-

нулась, – а по тебе было видно? И кому *ты* говорила?»

Серафима встала и пошла в сестринскую.

Амалия заняла место и стала по-хозяйски осматриваться: внутренне себя, потом место: стол, стул – и не заметила, как слева к ней вернулась Серафима. Амалия вздрогнула. Серафима что-то принесла в руках. Коридор был тёмный, только горела лампочка над столом, маленькая и очень яркая, поэтому Серафима сияла белым фартуком с нагрудником и красным крестом, а больше в коридоре никого не было.

– Это вам, – сказала Серафима и положила на стол меховое что-то. Мех был красивый и такой густой, он отблёскивал и манил пальцы зарыться. Малка ещё ни разу не видела мех так близко, только на проходивших мимо богатых симбирских дамах. Она растерялась.

– Вы, Амалия, не стесняйтесь, берите, я же вижу, как вы мёрзнете, а у меня ещё есть, это епанча, это из соболя, почти новая, я её почти не носила, – говорила, не останавливаясь Серафима, она боялась, что Амалия её перебьёт, и торопилась. Растерявшаяся Амалия поблагодарила и даже что-то сказала про сегодняшний праздник Крещения. Рядом со столом стоял ещё один стул, Серафима присела на краешек, сложила руки под животом, и они проговорили всю ночь.

VIII

Малке было жалко денег.

У неё по малолетству их никогда не было, и она обнаружила, что не умеет тратить. Она работала как проклятая, стала дневной прачкой, не гнушалась никаких заработков, кроме тех, за которые ей было бы стыдно перед Серафимой.

Перепадало и от Серафимы.

Серафима казалась Малке такой наивной, что в пору было взять её на воспитание как младшую сестру, но у неё-то и были деньги, а у Малки денег не было, и вдобавок она поняла, что не умеет их тратить не по глупости, а потому что сама никогда ничего не покупала. И откуда было умиению быть? Дома добывал деньги отец и другие родственники-мужчины. В семье Барановских о деньгах можно было только услышать. И ни о каких деньгах не приходилось говорить, когда она сюда ехала по России с военнопленными.

Ей казалось, что если она потратит то, что у неё есть, то это будет последнее и никогда больше ничего не будет. А Серафима над ней смеялась, необидно так, подтрунивала и иногда сама что-то Малке покупала и пригласила к себе жить на Лисиную улицу в дом, где во втором этаже снимала комнату, большую, как гостиная, и ещё две комнаты, и про дом сказала, что очень похоже на её родную Тверь. Что она делала в Твери, не говорила, но Малка догадывалась, что любила. Кого? Тут всё было понятно – военного с карточки. Про эту карточку Малка рассказала Борису, тот придумал самодельную, но очень ладную рамку на картонке, с плетёнкой по краю из тонкой лозы и со стёклышком, и на Сретенье Малка подарила Серафиме эту рамку. Сейчас рамка с карточкой стояла на комодике на кружевной салфетке, сплетённой Серафимой. Военный был очень красивый, настоящий. Он нравился Малке, про своих военных она уже стала забывать.

Малка сидела у стола, она уже несколько раз пересчитала девятнадцать рублей и сорок восемь копеек денег.

Зима была лютая, но февраль ей показался лёгким, потому что она накидывала на плечи епанчу, из-

за которой на третий день после Крещения чуть было не лишилась жизни. Она шла уже по Канатному в госпиталь, чтобы переночевать в каморке на мешках с бельём, как её сзади ударили по голове и толкнули. Удар пришёлся вскользь и только сбил платок, она покачнулась, схватила епанчу, уже почти сорванную с неё. Епанча оказалась очень хорошей, крепкой и не порвалась, и рука оказалась у Малки сильной, и она епанчу не отпустила, а тычок ещё более сильный, такой, что мальчишка, дерзнувший на Малкино богатство и спасение от холода, летел и подпрыгивал шагов пять. Малка догнала его и ухватила за шкирку. Мальчишке было на вид лет девять.

– Тёинька, тёинька, – закричал он совершенно чистым и оттого пронзительным голосом, – отпусти, я тебя сам защищать буду... от всех!

Это было так смешно, что Малка засмеялась, развернула мальчишку и дала ему весёлого пинка, мальчишка подпрыгнул и тоже засмеялся, а потом вдруг встал как вкопанный и уставился на Малку. Малка такому обороту удивилась, но мизансцена уже была пройдена, все актёры отыграли свои роли, Малка поправила платок и с улыбкой оставила мальчишку за спиной. В следующее дежурство она обо всем рассказала Серафиме, а та купила огромный платок, который накинутый закрывал Малкины плечи с епанчой ниже талии.

Малка свернула купюры и убрала к себе под лиф, а монеты собрала в ладонку и стала смотреть – куда их. На комодике стояла карточка, а рядом китайская шкатулка, она открыла, шкатулка была неподходящая, в ней лежали всякие пуговицы, моточки ниток, разные застёжки и крючочки, срезанные со старого белья, и другие женские мелочи и дребедень, а под всем этим Малка увидела сложенные письма. Она дребедень сдвинула к краю, письма были без конвертов. Малка заволновалась, она поняла, что это письма Серафимы, та их пишет, когда Малка её не видит, а когда видит, Серафима всё быстро прячет, смотрит на Малку и крутит в пальцах ручку и ждёт, когда Малка уйдёт или отвернётся. Малка догадывалась, кому пишет Серафима: отца-матери у неё не было, сестёр-братьев тоже, очень скупо, но она об этом обмолвилась. Был троюродный дядька в Твери, пока не помер, богатый и вдовый. Серафима росла компаньонкой его дочери, жила в сытости и не знала горя, да вот сама себе это горе и придумала. Так Серафима без лишних подробностей рассказывала о себе.

Малка закрыла шкатулку, тряхнула, чтобы пуговицы, нитки и крючочки не вывалились, и поставила рядом стопкой монеты на случай, на всякую мелочь, чтобы чувствовать себя к Серафиме благодарной.

И вовремя.

Стукнула дверь, и Малка услышала знакомые частые шаги. Серафима ворвалась в гостиную, со своими розовыми щёчками как ветер весны, и нагнала холоду.

– Амальюшка! – крикнула она. – Как хорошо всё устроилось, сейчас мы поедим с тобой веселиться!

Серафима схватила Малку за руки и стала кружить. У Серафимы часто бывали такие настроения, только Малка уже знала об этом – они быстро проходили, и Серафима принималась плакать с тихим подвыванием. Тогда Малка садилась рядом и что-то напевала на непонятном Серафиме языке, и так они обе успокаивались. Серафима ни разу не обмолвилась, что она беременная, а Малке и не надо было, она и так всё знала.

– Нет, нет! Я сегодня не буду плакать! – говорила Серафима, ещё не отдышавшись. Она расстегнула пуговички воротничка, и Малка увидела, что шея у Серафимы красная и щеки красные, прямо пунцовые, и Серафима стала махать на себя ладонями.

– Фу, фу, как жарко, знаешь, как быстро я бежала, чтобы нам не опоздать, а ещё же надо переодеться, привести себя в порядок, надо срочно ставить воду...

Малка вдруг почувствовала, что чудесная волна, которая принесла Серафиму, вдруг подхватила и её.

– А кто будет веселить? – робко спросила она.

Серафима услышала, расхохоталась и повернулась к Малке спиной. Малка стала развязывать узел тонкого пояса на верхней юбке Серафимы. Серафима змейкой выскочила из тяжелой юбки. Она уже расстегнула блузку, сняла и подставила Малке спину шнуровкою корсета.

– Быстро, надо всё быстро... и быстро расстелий полотенца, и нужен самовар, тазы...

Серафима суетилась, она дёргалась, но Малка крепкими пальцами держала её за петли шнуровки и растягивала корсет.

«Ей бы уже надо корсет оставить!» – недовольно думала она, ощущая, какая мокрая на Серафиме нижняя рубашка и влажная кожа.

– Глупенькая, не *кто* будет веселить, а *с кем* будем веселиться! Это так будет правильно по-русски!

– Ну харашё, ты у нас русская, а я нерусская!..

– Ты у нас Суламифь, Рахиль! Ты себе даже представить не можешь!..

– Что не можешь?.. – Малка закончила расшнуровывать, забрала волглый изнутри корсет и расстелила просыхать на валике дивана. – Снимай рубашку, ты вся мокрая...

– А дашь что-нибудь? – спросила Серафима. – А то я замёрзну!

– Ну и мёрзни себе... снимай скорее! – Малка развязала тесёмку на рубашке и стала стягивать её с мокрых плеч Серафимы. – Мокрая, как мишка!.. – Малка напустила в голос суровости.

Голая Серафима прыгнула на диван с ногами, поджала колени и закрылась локтями.

– Мышка, Амалечка, мышка! Дай что-нибудь!

Малка медленно, как бы нехотя пошла к комоду и стала открывать ящик за ящиком и услышала, как Серафима подвывает и уже стучит зубами.

– Ну же, Амальюшка!

Малка вытащила большую простынь, развернула и накинула на Серафиму, стала вытаскивать из её головы гребень и заколки, подхватила и распустила светлые пышные волосы.

– Сиди так, сейчас я принесу всё.

Серафима закуталась, она уже всю дрожала, и тогда Малка накрыла её шотландским пледом.

– Грейся, грейся, волчий хвост!

– Мёрзни! Волчий хвост! – Серафима дрожала, заикаясь, смеялась, куталась и сверкала весёлыми глазами. – Мёрзни, волчий хвост!

– Вот и мёрзни!

Малке передалось настроение Серафимы, но она сдерживала себя, потому что Серафима ещё ничего не рассказала, начиная с того, куда и во сколько они пойдут. Или поедут.

Она пошла в кухню, принесла большой тяжелый хозяйский постоянно кипящий самовар, потом кувшин и несколько тазов побольше и поменьше, холодную воду и, когда всё было на месте, разделась до нижней рубашки, закатала рукава и подоткнула подол. На

табурет поставила таз, налила кипятку, бросила сухой ромашки, в другом тазу навела воду и поставила рядом ещё один табурет.

– Садись.

Серафима сбросила плед, уселась на стул, спустилась на талию простынь и подставила Малке затылок.

Через двадцать минут Серафима подняла голову, передохнула, и Малка стала сушить и расчесывать её мокрые волосы.

Пока Малка помогала Серафиме мыть голову, та, отплёвываясь и захлёбываясь, рассказала, что выпился из пятнадцатой палаты штабс-ротмистр, что в своё время он выпустился из Симбирского кадетского корпуса и знает местное общество, а симбирское общество именно сегодня, 18 февраля, в последний раз собирается играть в лото, потому что завтра в лото будет запрещено играть в общественных местах, по военным временам. По этому поводу будет и игра, и благотворительный буфет в пользу раненых. А сначала концерт и даже танцы. Штабс-ротмистр без ума от Серафимы и пригласил её и сказал, что обязательно будут его друзья из тех, которые сейчас живут в Симбирске, и тогда Серафима подумала про Амалию.

– А что я буду делать там, я не знаю эту игру и не умею в неё играть?

Вопрос Амалии поразил Серафиму, она медленно повернула голову и смотрела на Малку снизу вверх.

– Не умеешь? Как не умеешь?

– Не умею, у нас такой игры не было.

Это было неожиданно.

– Ну как же? А барабанные палочки, стульчики...

Малка уже расчесала волосы от корней и теперь сушила кончики и расчёсывала щёткой.

– Нет... я... стульчик, это на котором ты сидишь...

– А разве?..

– Нет, дорогая моя Серафима, я такой игры не умею...

Серафима потупилась.

– Я... – вдруг повернулась она, посмотрела и снова потупилась.

– А может, я не пойду? – спросила Малка.

– А-а-а! – протянула, будто о чём-то догадалась Серафима. – Так ты, наверно, стесняешься... может, тебе не в чем? – Серафима, как ребенок, резко повернулась и снова уставилась на Малку. – Амалечка, ты только скажи, я тебе... всё будет в порядке. Ты только скажи!

– Что сказать, Серафима, мне есть в чём, только я не умею в эту игру...

У Серафимы засветилась надежда и заиграли чертики в глазах:

– Есть? Ты правду говоришь?

– Правду! Хочешь посмотреть?

– Конечно, конечно! Хочу, очень хочу!

– Ну... Ну тогда садись на диван и сохни, а я сейчас, – сказала Малка. – У меня там, – и она махнула рукой в сторону своей комнаты.

Дом, в котором они жили, был большой, настоящий, господский. Серафима выбирала его сама и вспоминала дом в Твери, в котором прожила много лет с детства, когда её привезли из деревни после кончины от тифа матушки и батюшки. Дядя Павел отвёл ей комнатку на женской половине во флигеле рядом с комнатой своей дочери Леночки, но уже через несколько дней Серафима и Леночка, старше её на год, жили в одной комнате и спали в одной постели.

Серафима встала и подошла к комоду выбрать рубашку. Амалия долго не шла, у Серафимы уже кон-

чалось терпение, и она стала вытаскивать из ящика комода на диван вещи, которые она точно не наденет, и случайно повернулась.

В нескольких шагах у неё за спиной стояла Амалия.

Серафима ахнула и шагнула назад, упёрлась головой спиной в комод, и её кожу обожгли холодные медные ручки на ящиках, в руках она держала то ли сорочку, то ли ночную рубашку, она забыла, когда увидела Амалию.

А та не знала, что ей делать.

На Амалии было темно-коричневое самого простого покроя платье с узкими длинным рукавами, отложным воротником, а по нему розовым, почти белым накладным воротничком с тонким кружевом по краю. Этот воротничок делал всё дело – он был нежный на фоне шоколадного оттенка прекрасного качества сукна и выглядел как интимный вздох; рядом с ним оттенок платья становился глубоким и переливался муаром. Из-за длины платья Серафима не видела, в каких Амалия чулках, но носки туфелек выглядывали из-под края, и казалось, что они радуются – как они тут на месте. Волосы Амалия распустила по плечам.

Серафима ухватила это всё в одну секунду и повернулась к комоду, открыла верхний ящик, достала прозрачную розовую тальму и накинула на голову Амалии, потом порылась в шкатулке и прицепила на грудь Амалии *bijoux*, эмалевую розовую рыбку, кокетливо вильнувшую хвостом, подарок Леночки, Елены Павловны. Перед тем как расстаться, они обменялись одинаковыми рыбками, только рыбка Серафимы была белой эмали, а Ленина розовой.

Амалия была поразительно красива. Серафима выдохнула:

– Руфь! – и повернула Амалию к зеркалу.

Зеркало отразило интересное. Две девушки стояли рядом: одна смуглая брюнетка в темном шоколадном платье и розовой ниспадающей с волос закинутой на плечи накидке, другая голая. И тут Малка вздрогнула, ей показалось, что Серафиме сейчас должно быть очень холодно, она сняла с себя тальму и накинула её на прозрачные плечи Серафимы.

– Откуда это?... – тихо глядя на отражение Малки в зеркале, спросила Серафима.

– Из чемодана...

* * *

Идти было недалеко, на Покровскую, в дом Кузнецова. Дом был большой с четырьмя колоннами, освещенный изнутри электричеством. Сани с гостями подъезжали и пустые уезжали, уступая дорогу следующим.

Подъехали два авто.

Амалия и Серафима шли по противоположному тротуару и жались от ветра под стены домов и заборы. К ним выскочил штабс-ротмистр Туранов, которого Серафима представила как Игоря Васильевича. Туранов щёлкнул каблукми глянцевого гусарского сапога, звякнули шпоры, он подставил обеим дамам локти, и они все вместе стали перебегать к крыльцу дома Кузнецова. На груди Туранова красовался Георгий IV степени и полковой значок Александрийских черных гусар с адамовой головой.

«Какая страшная!» – подумала Малка про голову, но штабс-ротмистр так крепко зажал её руку своим локтем, что она успокоилась и уже не боялась.

Когда они сняли шубки и по парадной лестнице

гусар проводил дам в большой двухсветный зал, они были представлены даме-распорядительнице, та в своём воображении совершенно точно увидела двух пастушек, одну черненькую, одну беленькую, обеих в розовых накидках, она всплеснула руками и сказала:

– Игорь, вы волшебник, нам как раз не хватало двух киоскёрш!

В огромном зале за расставленными столами сидели гости и слышался стук деревянных бочонков, которые перемешивали в холщовых мешочках, и выкрики то из-за одного, то из-за другого стола: «Валенки!», «Девятнадцать!», «Утятя!», «Полста!», «Барабанные палочки!», «Стульчики!», «Перчатки!», «Опять двадцать пять!». У Малки кружилась голова, она никогда не была в таком большом доме и чтобы было так много света и нарядных людей, только на вокзалах, но на вокзалах не было так весело.

– Ну же, Игорь Васильич! – торопила дама-распорядительница, – отдавайте мне ваших прелестниц, мне их ещё надо приставить к делу!

– Принужден вас оставить, – поклонился Серафиме и Амалии Туранов.

Игорь Васильич был блестящий, черноусый, кудрявый с широкой улыбкой на добрейшем лице, про такого никогда нельзя было бы подумать, что он может лежать на поле боя раненный и беспомощный. Игорь Васильич подкрутил ус, заложил левую руку за спину, согнулся в полупоклоне сначала перед Амалией, и та сделала ему книксен и сама удивилась, откуда она это умеет, а потом дал чуть более низкий полупоклон Серафиме, и Амалия увидела румянец смущения на её щеках и потупленные в пол голубые глазки, а Игорь Васильич тихо так, с губы в ушко пропел:

Ты не плачь, не горюй,

Моя дорогая!

Коль убьют, позабудь –

Знать, судьба такая...

«Ах, какой чудесный нахал!» – подумала про него Малка, нет, это так подумала Амалия, а Малка очень смущалась, понимая, что в этом обществе она чужая и может в нём находиться до тех пор, пока её знают как Амалию, и услышала шепот Серафимы:

– Амалечка, нас зовут в дамскую комнату.

Екатерина Максимилиановна Перси-Френч, имея на рукаве повязку дамы-распорядительницы, звала девушек за собой. Малке очень хотелось остановиться и дышать-дышать этим воздухом, полным света, тепла и сытости, воздухом радостных людей. Ей хотелось, чтобы сейчас рядом с ней вдруг образовались бы, главное неожиданно, Барановский-старший, старший сын Барановского-старшего – её сопливый женишок, а самое главное, чтобы Барановский-младший и чтобы непременно Ривка, стерва и завистница. Мамочка бы порадовалась, и папочка тоже. И Барух. Барух бы порадовался за Малку, а Борис за Амалию. А Ривка сдохла бы...

«А-ах!» – ахнула Амалия.

Она дышала запахом духов, одеколонов и пудры, запахом свежих тел, и одновременно очень глубоко, почти неосознанно в её памяти сидел запах пота и пыли на далёкой дороге в Лиду, и она его отмахнула, размахала руками, как крыльями, и уже её с лидской дороги тянула Серафима. И Амалия снова оказалась перед дамой-распорядительницей.

– Серафима, представьте нам вашу прекрасную товарку, – сказала Екатерина Максимилиановна.

«А кто Серафиму представил, она же тут никого не знает!» – на секунду поразилась Малка и краем гла-

за увидела стоявшего недалеко крутившего ус Игоря Васильича. – Ага, теперь понятно, кто!»

– Амалия Барановская, – сказала Серафима.

– Уж не родственница ли нашего гарнизонного начальника генерала Барановского будете?

Вопрос был неожиданный, но память подбросила слова местного рабочего Антона Ивановича про того самого генерала Барановского, и Амалия, потупив глаза, кивнула.

– А что сам генерал? Как он?

– Я не могу это знать... – Малке стало страшно, те Барановские, которых она знала, были совсем не тот Барановский, о котором шла речь. Сейчас её раскроют, что она никакая не Барановская, и тогда ей будет жутко неудобно перед Серафимой. Но Екатерина Максимилиановна, дама-распорядительница, сказала:

– Ну, конечно, милочка... какая идёт война, недолго потеряться... А вы откуда к нам пожаловали?

– Из Варшавы... – ответила Малка.

– Она приехала с транспортом раненых, – помогла Серафима, она, судя по испуганным глазам, тоже поняла, что они обе оказались на грани большой неловкости, спасителем мог быть только Игорь Васильевич, и слава Богу, что он находился неподалёку и на виду.

– Ну что ж, у вас очень приятный акцент, если из Варшавы! Идите сюда, мои красавицы, сейчас мы из вас сделаем прекрасных киоскёрш.

Екатерина Максимилиановна повернулась, трен её большого платья на большом теле вильнул хвостом, и Серафиме и Амалии было впору подпрыгнуть, чтобы не наступить.

Приготовления в дамской комнате оказались простые: обеим надели на шею по атласному с кружевами мешочку-кошельку для денег на длинной ленте.

– Набирайте, девочки, в ваши корзины всё подряд и не смущайтесь, если за это будут давать большие деньги, всё пойдёт в помощь раненым.

Когда они с полными корзинками вышли в залу, было уже так много гостей, что те, которые стояли, заслоняли тех, которые сидели за столами, но всё равно по залу то и дело раздавалось то про «барабанные палочки», то про «опять двадцать пять».

Через секунду Малка потеряла из виду Серафиму, её закружили гости, они выхватывали из корзинки кто что, кто портсигар, кто кисет, кто бонбоньерку, связку красиво расшитых носовых платков, гребни костяные и палисандровые, какие-то штучки, про которые Малка не могла знать, для чего они могут служить, совали деньги. Корзинка быстро опустела, а кошелек наполнился, и Малка вернулась в дамскую. Там она встретилась с Серафимой, они только глянули друг на друга, промокнули пот на висках и снова выскользнули в залу. Им вслед Екатерина Максимилиановна крикнула, что вот-вот установят по киоску и им не надо будет бегать. Малка ничего не поняла, она только поняла, что она так бы бегала и бегала. Она ловила на себе восхищенные взгляды что мужчин, что женщин. Ещё она заметила, что рядом с ней часто мелькает человек с треногой, на которой был установлен какой-то ящик, она такие видела, это был фотографический аппарат. Человек останавливался, махал гостям рукою, чтобы те встали группами, и сверкал на них так ярко, что это было похоже на молнию. Потом он исчезал, потом снова появлялся, потом Малка о нём забыла, но он выскочил, как чёрт из табакерки, поставил её под стеной, расписанной под

пшеничное поле на фоне библейских гор, велел улыбаться. «Шире, ещё шире, – командовал он и нырял под полотнище, выглядывал, снова кричал: – Шире!» И опять нырял. Амалия улыбалась широко, как могла, но у неё уже болели скулы, и она в какой-то момент просто посмотрела в ящик, фотограф выглянул, и тут свернула молния, и Амалия сорвалась с места. «Ну его!» – подумала она.

Она уже чувствовала усталость, но такую лёгкую и светлую, что хотелось, как некоторые дамы, сесть на диван, а лучше упасть на диван, выпрямить ноги и расхохотаться во весь голос, однако выглянула Екатерина Максимилиановна и позвала. Рядом уже стояла Серафима. Они прошли в дамскую, набрали по полной корзине, и Екатерина Максимилиановна вывела их в залу и развела по разные стороны, где уже стояли киоски.

– Вот, – сказала она, обращаясь к Амалии, – тут и стой, моя милая, и уже не надо бегать, а кончится, – и она кивнула на корзину, – иди в дамскую, а когда завершится игра, то будут танцы, тогда уж мы торговлишку-то и прикончим, хорошо?

Амалия кивнула, Екатерина Максимилиановна утонула в толпе, Амалия повернулась к киоску и поставила на прилавок корзину и почувствовала, что рядом кто-то стоит. Она обернулась и ахнула от испуга, совсем близко стоял офицер с маленькими звёздочками на погонах и смотрел на Амалию через непроницаемую черную шёлковую повязку на глазах.

– Еленочка Павловна, Елена Прекрасная, это вы?

Амалия растерялась, она так испугалась, что и все игроки, и зал, и свет, и игральные столы исчезли, и против неё стоял офицер, он улыбался и смотрел поверх головы Амалии.

– Еленочка Павловна, – офицер улыбался, – я запах ваших духов узнал, как только вы вошли, вы же вошли недавно, правда? Что же вы молчите?

Малка стояла в растерянности. Офицер ещё помолчал, видимо, ожидая ответа, и, не дождавшись, снова спросил:

– Ну что же вы молчите?

Малка не знала, что ответить, и вдруг она узнала этого офицера, она видела его несколько недель назад на Венце рядом с двумя другими офицерами, одного без руки, который сидел на белом жеребце, а другого в коляске с костылями, такое разве можно забыть.

– Рада вас видеть, господин... – у неё эти слова вышли сами собой.

– Розен, – подсказал ей офицер, – Георгий Розен, мы с вами виделись...

– Три недели назад на Венце...

– Вы так давно в Симбирске и не дали о себе знать? – офицер несколько нагнул голову и если бы не повязка, то смотрел бы Амалии прямо в глаза. – Я для вас в госпитале перед выпиской оставил записку, что если вы когда-нибудь какими-нибудь судьбами будете в Симбирске, то дали бы о себе знать... А вот видите, я нашёл вас по запаху ваших чудесных духов, вы мне даже говорили их название, я хорошо помню, это «Жасмин Флориды», правда? Это был наилучший запах в Твери...

И Малка всё поняла.

– Правда! – сказала она. Знакомый запах повёл офицера по залу и привёл к ней, а этими духами её надушила Серафима, которая из Твери! Значит!..

Она стала искать по залу и увидела Серафиму, та цветущая с пустой корзинкой летела к дамской

комнате, и её сопровождал штабс-ротмистр Туранов. Малка сжала губы и стала махать рукой Серафиме, Серафима увидела, точнее, её увидели одновременно и Серафима, и штабс-ротмистр. Туранов широко улыбнулся, а Серафима вся сжалась и остановилась. Малка увидела, что Серафима смотрит на слепого офицера в повязке. Малке захотелось крикнуть, мол, подойди, надо помочь человеку, но тогда слепой офицер услышал бы, и она умоляюще посмотрела на Серафиму. Всё дело решил Туранов, он подошёл первый.

– Граф, как вы себя чувствуете? Вы уже путешествуете сами, без помощи?

– Игорь, здравствуйте, дружище, – граф Розен повернулся на голос Туранова. – Как видите! Мне помощь не нужна, у меня нос служит поводирём. Хочу представить вам мою знакомую по Твери! Прошу любить и жаловать, Елена Павловна, Елена Прекрасная, самая благоуханная из всех Елен! – и Розен сделал жест в сторону Амалии. Девушки смотрели, и обеим было страшно, они обе пользовались духами из одного флакона, у Малки на духи не было денег.

– Жорж, отойдёмте в сторону на пару слов!..

– Секундочку, Игорь, – ответил Розен и повернулся к Амалии. – После игры будут танцы, если вы ещё никому не пообещали, обещайте мне первый тур... – сказал Георгий Розен и поклонился.

– Обещаю, – пролепетала Малка, сделала шаг к Серафиме, а та буквально кинулась к ней.

Дамская стояла пустая, всё, что было предназначено к продаже, было продано, на полу лежали картонные коробки, а на консолях под зеркалами обёрточная бумага. Серафима уронила корзинку и в углу зарыдала. Малка обняла её за плечи.

– Не плачьте, Серафима, он же живой, а если что, то вы ещё такая молодая, у вас всё впереди!..

Серафима повернулась так резко, что Малка отшатнулась.

– Амалечка! Ты ничего не понимаешь!..

Малка действительно ничего не понимала, ведь офицер в зале и офицер на карточке были ни капельки друг на друга не похожи.

– Я ничего не понимаю!..

– Ты думаешь, что это... – Серафима на секунду застыла, но решилась, – ты думаешь это Фёдор?..

– Теперь я уже знаю, что это не Фёдор, потому что этого зовут Георгий!..

– Он был влюблён в мою троюродную сестру, Елену, там, в Твери!..

– В госпитале!..

– Он её не видел!..

– Потому что у него нет глаз!..

– Глаза у него есть, я была на одной перевязке, но они не видят!..

– А, вы с Еленой Павловной пользовались одними духами?..

– Тогда мы пользовались разными, она мне подарила свои, когда мы расставались, а я ей свои!..

– И он нюхал меня, а!..

Серафима, ещё рыдая, вдруг улыбнулась:

– Он «почуял» тебя, надо говорить – «почуял»!..

Малке было всё равно, и она кивнула, как отмахнулась:

– Он ведь до сих пор думает, что я Елена Павловна, в которую он влюбился за запах? В Твери?

– Он влюбился!.. – Серафима не знала, как поправить Малку, – ...да, он влюбился и сейчас думает, что!..

– Но он же меня не видел, а ты пахнешь так же! И

голоса он моего и твоего... почти не слышал!..

– Что ты хочешь сказать?.. – Серафима перестала плакать.

Малка выпрямилась.

– Мне тут не надо больше оставаться!..

Серафима растерялась.

– А как же танец, ты же ему обещала!..

– Я не троюродная сестра его возлюбленной, а ты есть!..

– Ты хочешь!.. – Серафима поняла и засмушалась, – а как же Игорь Туранов, Игорь Васильевич?

Малке стало так жалко Серафиму, но она всё увереннее чувствовала себя старшей сестрой, она обняла её, прижала и прошептала:

– Мужчин иногда можно обмануть, они сами этому рады, один танец – это не вся жизнь!..

– А ты? Ты!..

– Я пойду домой, я не умею в эту игру и не знаю ваших танцев!..

– Я тебя научу, это быстро, раз-два-три, раз-два-три!..

Малка поняла, что если она сейчас не вырвется из объятий этой замечательной ветреной девушки на третьем месяце беременности, то тогда от любви к ней и нежности к её человеческому существу и ненависти к своему такому ужасному положению будет плакать и рыдать на плече у Серафимы и рвать на клочки картон и разбросанную по дамской обёрточную бумагу.

И вдруг она поняла, что надо сказать Серафиме:

– Пожалей меня!.. Понимаешь?

У Серафимы опустились руки, она секунду стояла изумлённая, потом кинулась, обняла Малку и снова заплакала.

– Ну всё, ну всё, моя хорошая Серафимочка!.. иди, идите, вас ждут целых два красивых мужчины!.. и третий!.. на карточке! Не много для одной?

Серафима ещё всхлипывала, но уже тёрла глаза, наверное, она так делала, когда была совсем маленькой. Малка дала ей платочек и повела к двери. Серафима пошла, обернулась и не знала, имеет ли она право улыбнуться. Малка закрыла дверь и расплакалась.

Было ужасно холодно, так холодно, как было в январе. Дул ледяной ветер понизу. Шубка Серафимы мало помогала, потому что холодно было внутри. Малка шла пустая, она оставила Серафиму там, в шумном, веселом зале. Она видела только снег под ногами, придерживала одной рукой воротник, другой полы шубы внизу, чтобы не дать ветру разгуляться. Как хороши были валенки, которые остались дома, они ей вполне подходили, а не эти ботиночки, годные для лета, Варшавы и асфальтированного тротуара. Ещё она украдкой примеряла тулупчик хозяйской кухарки и завидовала, в таком тулупчике можно вообще ни с кем не жить, и ни от кого не зависеть, и никуда не ходить, кроме как в госпиталь или встречаться с Барухом!..

Она шла, смотрела, как утоптаный, засыпанный песком снег убегает под ноги, и вдруг остановилась и обернулась: дом Кузнецова, который она только что оставила, стоял высокий, светился всеми окнами, казалось, что вокруг него распространяется волшебное сияние, и вдруг вспомнила, как они с Барухом скользили по крутому Смоленскому спуску, а до деревянной зигзагами лестницы ещё надо было дойти, и поняла, что отныне ниже Венца, самого высокого в этом городе места, она уже никогда не опустится.

РОДОМ ИЗ ДЕТСТВА

Любовь БОРОВИКОВА родилась в 1946 году в г. Вильнюсе. С детства живет в Москве. Окончила факультет журналистики МГУ. Стихи публиковались в альманахах «Поэзия», «Карамзинский сад». Автор книг «Белая корзинка», «Сто стихотворений», «День рождения».

В СТОРОНУ СИНЕГО ШАРА

В синий стеклянный шар мог заглянуть любой в этом доме. Он стоял под открытым небом, прикрепленный к столбу-подставке, и в туманной измороси, обычной для этого времени года, казался волшебным. Но вряд ли кому-нибудь было известно, что шар и вправду волшебный. Никто из теперешних обитателей дома не забредал сюда, в эту часть сада, подивиться его синеве и молчком заглянуть в стеклянную глубину – то волшебно густую, то вдруг вскипающую ненастным мерцанием. Настоящих хозяев не было дома, они путешествовали, а тех, кто занял их место, такие вещи не волновали. Гренки на завтрак, теплая печка – дело другое. Но среди шестерых оккупировавших чужое жильё нашлись две белые вороны, два отщепенца.

Первый из них – Музыкант и к тому же старинный друг владельцев синего шара – вообще не вошел в их незапертый дом. Он разбил за садом, на морском берегу, палатку, извлек из рюкзака котелок и губную гармошку и зажил своею собственной жизнью. Кофе он варил на костре, там же готовил. Всё остальное время, то есть практически целый день, Музыкант собирал звуки. И сюда, к отсутствующим хозяевам дома, он пришел ради них – ради нескольких нот, без которых не просыпалась музыка, задыхавшая в нем здесь же, в окрестностях синего шара, прошлой весной. Как и его друзья, недостающие ноты не торопились вернуться и встретиться с ним, не отзывались.

Вслушиваться и ждать, набираться терпенья и ждать – в этом и заключалось ремесло Музыканта, его еженощная, ежеутренняя работа.

А вторым отщепенцем оказался Сиротка. Пожившись в покинутом доме, это крошечное существо с нечесаной чёлкой скользнуло в чуланчик и затаилось. Но и там из-под челки моргали испуганные глаза. И там, среди ведер и швабр, в темноте, Сиротка думал только о том, как бы еще умалиться – съежиться, сжаться в горошинку и закатиться куда-нибудь в угол. Между тем он единственный был товарищем Музыканта, пусть ни тот, ни другой не догадывались об этом. Оба ждали, оба терпели свое ожидание, оба сроднились с ним. И неважно, что Музыкант тосковал и терпел на морском берегу под крики голодных чаек, а Сиротка ждал и надеялся в пыльном чулане.

Да и мог ли Сиротка не ждать ту, добрее которой он не встречал, – хозяйку синего шара? Он любил ее, так любил, что однажды ветреным утром бросил свою квартирку – перевернутую и заново просмолённую рыбацкую лодку с толстым канатом внутри, в складках которого так хорошо в непогоду, – и отправился к дому, который ему снился. Там, в этом доме, хозяйка говорила гостям: «Как славно, что вы о нас не забыли», и кормила всех, и всем находила место. Нет, конечно, он не надеялся стать своим в этом волшебном доме. Он лишь хотел быть поблизости, неподалеку – где-то под лестницей, за диваном, – чтобы нечаянно, изредка видеть свое божество.

Но и теперь, в одиночестве, счастье не покидало Сиротку. Когда он чувствовал холод – а дело было в конце ноября, – он зарывался в свою любовь с головой, как в пуховое одеяло. А потом, не теряя ни капли, отхлебывал от блаженства помнить улыбку хозяйки синего шара, эту рассеянную, удивительную улыбку, усыновлявшую всех, кто вокруг (и даже тех, кто снаружи).

Только одно омрачало блаженство Сиротки – страх, что появятся эти. Их было четверо: Тронутая, Оса, Дурень и Предок.

Тронутая была опаснее всех. На правах давней знакомой она вселилась в лучшую комнату и принялась возмущаться. Как могли оставить незапертым дом? И зачем, от кого заперт шкаф в ее комнате? И как долго хозяева, забывая о долге гостеприимства, собираются странствовать, между тем как здесь прозябают их гости?

Всё на свете было для Тронутой поводом для недовольства. А когда она уставала негодовать, то врывалась в чуланчик Сиротки и принималась его жалеть. Он такой незащитный, ему, наверно, так одиноко. Не поставит ли здесь кроватку? А может, он хочет чаю? А где его мама? А кто его мама? А как он сюда попал? Сиротка молчал и ждал, когда она испарится – внезапно, как появилась, – и долго потом приходил в себя. Почему-то в ее присутствии всё выцветало и обесмысливалось, даже память о море внутри синего шара.

С Дурнем было полегче. Он не ворчал и не злился, напротив – был добродушен. Но и он не давал Сиротке покоя: во-первых, был говорлив не в меру, во-вторых, обожал распоряжаться. Бессловесный Сиротка был идеальным объектом для руководства. И поэтому Дурень всюду таскал его за собой: то во двор – сгребать опавшие листья, то в сарай – вытаскивать гвозди из старых досок, то укладывать заново и без того превосходно уложенную поленницу, а то и сидеть рядом с ним. Просто сидеть рядом с

Дурнем в гостиной и слушать его. Но даже и Дурню порой становилось не по себе – так тарасился на него его крошечный собеседник, так мгновенно нырял в свой чуланчик после этих бесед.

Что до Осы, ее Сиротка не очень боялся. Она была маленькой, вроде него, но злощей-презлющей. Попастся ей на язык значило то же, что потревожить осиный рой. Сиротку она не замечала, Дурень и Тронутая ее забавляли, а впрочем, были ей глубоко безразличны. Только одно существо волновало Осу – это Оса. Каждый миг своего ядовитого существования она восхищалась собою: и сапожками алого цвета, и оранжевыми волосами, и проворным едким умишком. Удивительно, но Оса не обижала – или почти не обижала – Предка.

Предок был полоумный глухой старичок, сбегавший от родственников. По дороге он вспомнил один приветливый дом, где никто никого не мучил – не учил и не лечил. Все были заняты, каждый своим симпатичным делом. В августе там попевали шафранные груши, и обитатели дома варили варенье, все вместе. Неподалеку от дома шумел широкий ручей, где водилась рыба. В этом доме он, просыпаясь утрами, не ужасался: «Неужели же я и есть этот старый опенок?», а тихонько радовался длинному, едва начатому прекрасному дню – кофе, к которому подадут гренки с грушевым джемом. Еще не пойманной рыбе (никто за него ее не поймает, придется сидеть на солнышке час и другой). Тому, кто встретится на берегу, на пригорке, и дружелюбно кивнет, и не спросит, как его старые кости.

Но, дотащившись до места, Предок был огорошен. Дом – да, тот самый, но лица вокруг чужие, завтракать не зовут, небо пустое. Только ручей шумит, как шумел, – есть надежда, что рыба в нем сохранилась.

С рыбы и началось. Предок дождался, когда перестанет сыпать холодный дождь, и отправился с удочкой на отсыревший мостик. Смысла в этом, видимо, не было: рыба спала непробудным сном. Зато время шло, а не ташилось по-черепашьи, как сам он. И вдруг под ногами он увидел форель! Великолепная большая форель билась на мокрых досках, рядом валялась удочка. Значит, он задремал, сквозь дремоту заметил дергавшийся поплавок, полусонный сделал подсечку и машинально, автоматически вытащил это... это... От дикого рёва Предка все содрогнулись, даже Сиротка вздрогнул в своей каморке.

Вечером был пирог с запеченной рыбой. Все, включая Сиротку и Музыканта, сошлись в натопленной кухне. Тронутая ликовала – это она сотворила пахучее чудо с золотисто-коричневой коркой. Предок ворчал: зачем его рыбу засунули в тесто, лучше б он сам ее съел. Остальные молча дышали запахом общего дома и настоящей домашней еды.

...Когда сияющий Дурень собрал последние крошки и все разошлись (Музыкант откланялся первым), Тронутая вышла под дождь с помойным ведром да так и осталась стоять в темноте. Музыкант был уже у себя, в палатке, и играл самому себе на сон грядущий. В музыке слышались запах мокрой земли, шелест дождя и что-то, что-то еще. Что-то легкое, свежее, но такое спокойное, что она впервые без страха вспомнила собственный дом, из которого убежала пару недель назад. Там с ней едва не стряслась беда, и никого не

было рядом: Тронутая давно отвадила родственников, а коллекция чашек для кофе – ее гордость и утешенье – ничем не могла ей помочь...

Дождь шелестел в такт губной гармошке; Тронутая, не выпуская из рук ведра, раскачивалась, вторя дождю: дом в окрестностях синего шара спал.

Так и пошло. Каждый день Предок отправлялся к ручью, а Тронутая разжигала огонь и ждала той минуты, когда начнет колдовать над пойманной рыбой. Дурень, в котором вечно бурлили идеи и булькали планы, затеял новую стройку. И не какого-то там сарая, а летней беседки. И не за домом или в саду, а наверху облетевшего дуба за окном кабинета хозяина дома. «Слышишь? Пищат! Откуда здесь мыши?» – дивился Дурень. А это Сиротка тихо стонал от тоски, собирая в общую кучу палочки, щепки и прочие стройматериалы.

Только Оса жила прежней беспечной жизнью: восхищалась собой и жалила всех без разбора. Но, видимо, яд утрачивал силу, поскольку Тронутая, больше других страдавшая от Осы, перестала ее бояться.

Без ссор, понятное дело, не обходилось. Вдруг наступало время цветения обид – целые грозди претензий взбухали из ничего, отравляя воздух. Но раз от разу эта дурная флора становилась всё худосочней и всё быстрее сходила на нет.

Музыкант уловил перемены первым. Еще бы! Обитатели дома перестали его доставать. Перестали бегать к нему каждый день за советом или пожаловаться друг на друга, а вернее всего – оторваться, отвлечься от суеты, которой они захламяли, как дети, свои нескладные дни. Ни собраться с мыслями, ни задуматься не получалось. И как раз тогда, когда он решил наконец: «Лучше быть с ними, чем вечно думать о них», дом замолчал. Вторжения прекратились, вылазок больше не было. Музыкант мог сколько угодно вслушиваться в голоса тишины.

Ох, как же это было прекрасно! Плеск набежавшей волны не походил на шелестенье волны возвратной, увлекающей за собой водоросли и мелкую гальку. Дождик, который сеял перед рассветом, был как шорох бесчисленных крылышек крохотных птичек. А ночами он стучал по брезентовой крыше одно и то же, одно и то же скучно и строго, как дятел.

Тишина неба над морем была иной, чем тишина отсыревшего черного сада, где днем и ночью мерцал, как маяк, синий стеклянный шар. Первая тишина Музыканта бодрила, вторая ввергала в печаль, но понимал и любил он и ту, и другую. Осторожным было его пониманье: больше всего на свете Музыкант боялся спугнуть тишину, потревожить даже любовью.

Так вернулось к нему – в одночасье, без объяснений – его пропавшее время. А с ним, где-то в нем пять или шесть тактов, которые Музыкант не мог отыскать из-за вечных помех. Наконец-то он их расслышит, даст подойти поближе, не потеряет с приходом очередного ябеда или страдальца. И случиться это может когда угодно – завтра, сегодня, сейчас...

«Это я», – прошептал невесть откуда взявшийся здесь Сиротка. Он единственный никогда не мешал Музыканту, не входил, не заглядывал даже под его брезентовый кров.

Губы Сиротки тряслись, глаза покраснели. Музыкант – он сразу обо всем догадался – приветливо улыбнулся и показал ему деревянную ложку, которую

смастерил сегодня из щепок. Но Сиротка отверг утешение. Он сглотнул и вдруг закричал – в голос, на взрыд: «Они меня обманули!»

Очень медленно, очень мягко Музыкант возразил: «Может быть, им хочется отдохнуть? И когда-нибудь они же вернуться». – «Когда-нибудь?! Они должны вернуться сейчас! Только одна она нужна мне!»

Ожиданье – жестокая вещь, одна из самых жестоких. Никому оно не по силам, никто с ним не поспорит, разве тот, кто выбрал любовь. Или тот, чья профессия – ждать... Стенка у входа еще колыхалась за убежавшим Сироткой. Что тут скажешь? И Музыкант достал из кармана губную гармошку. Даже после полуночи из палатки доносились слабые трели, но Тронутая – ей не спалось – различала их и на рассвете.

А назавтра пошли перемены – одна за другой, как если бы Музыкант приманил их своей гармошкой. Во-первых, что-то случилось с Дурнем. Все заметили, даже Предок, что он не в себе. Громогласный, нелепый, на всех налетавший Дурень явно стыдился себя. Неужели он сам, своими руками содеял такое? Нахлобучил на дерево воронье гнездо под видом беседки? Он же хотел обрадовать хозяина дома. Только обрадовать... Почему ему так не везет? И несчастный Дурень пробормотал в отчаянии вслух: «Потому что ты дурень!» Все притихли и разом переглянулись. Даже Оса промолчала: выбросив жало, тут же его убрала – прикусила свой бритвенный язычок и побыстрей убежала куда-то.

А через несколько дней заблажил Предок. Он улегся на диване в гостиной и объявил, что выбросил все лекарства. Старости нужен праздник, а не лекарства. Устройте праздник, иначе он разболеется так, что они уйдутся навеки. И без обмана, чтобы всё как у людей: разные там бутерброды, горячий клюквенный сок, фокусы, танцы.

Праздник! Тронутая ни секунды не сомневалась, кто им займется. С угощением проблем не будет, но остальное... Но остальное случилось во сне. Сон наяву начался в темноте, после заката. Кухня, увешанная гирляндами, с цветными фонариками по углам, казалась снаружи большим фонарем. Тронутая весь день накануне металась между столом, где вырезала ленты из синей бумаги, и печью, где выпекала кексы и пирожки. Великолепен был праздничный стол, великолепы и сидевшие за столом.

Дурень, взволнованный, очень строгий, держал бумажку со свеженаписанным стихотворением. Музыкант улыбался – приветливо и, как всегда, издалека. Предок боролся с дремотой, но, кажется, был доволен. На Осу было больно смотреть – так сверкала ее оранжевая шевелюра. Даже Сиротка не портил картины: он был умыт, и Осе удалось расчесать и убрать со лба его дикую челку.

Тронутая стояла в дальнем углу, у плиты, и смотрела на них, как из партера смотрят на сцену. Неужели эти довольные, милые гости – ее сотоварищи по жизни в пустынном доме? Тихий малыш со стаканом сока в руке и угрюмое причудливое существо – неужели это одно и то же лицо? А свирепый, задержавший всех старикан? Да ведь это храбрец и бунтарь, не захотевший принять унылой старческой доли – быть под присмотром. Он сбежал от нее и, похоже, снова собрался бежать, на этот раз в зимнюю спячку, в шкаф для белья. А от рождения запеленутый в свою толсто-

кожешь Дурень? Разве не он предложил помолчать в честь хозяев дома? И не ему ли принадлежат слова, в которых всё, до последнего звука, правда: «Мы бродили под их деревьями, мы дышали воздухом их снисходительной дружбы...»?

Между тем Музыкант заиграл, и Оса, как сомнамбула, выскользнула из-за стола. Как она танцевала! Как была покорна ритму, как озаряли стены кухни ее горячие нежно-рыжие пряди!

А та, что в углу? И Тронутая увидела со стороны, как всех остальных, себя самоё. Увидела весьма недалекую, мнительную особу. Она, как чашка для кофе из ее драгоценной коллекции, все время боялась разбиться – о чью-то вульгарность, чью-то жестокость и глупость. А ведь живое не разбивается так просто, живое нехрупко. Есть в нем песок и глина – стекло и фарфор, но есть и металл, и камень. Есть серебро терпения, платина красоты, соль понимания... Много чего, о чем она и не подозревала.

Наутро Тронутая распахнула все окна в доме, воцарился холод, и началась уборка. Дурень с Сироткой трясли подушки и одеяла. Оса выметала пыль, Тронутая протирала полки и перемывала посуду. К полудню генеральное сражение закончилось. Дом стал таким же, как был, когда они в нем появились. В нем свободно дышалось, было просторно, уютно и чуточку грустно.

Оса и Тронутая первыми покинули дом. Они не мешкая собрались, простились со всеми и тотчас ушли (как ни странно, ушли они вместе). Затем откланялся и удалился Дурень; день перед этим он провел на берегу, с Музыкантом.

А еще через день ушел Музыкант. Рюкзак он собрал накануне. Прямоугольник желтой травы – место, где с месяц назад он поставил палатку, – уже на завтра не разглядишь под снегом. Оставалось вытащить из земли незамеченный колышек, и Музыкант

наклонился над ним. А когда распрямился, увидел ноты.словно кто-то чертил их для него на грифельном небе – неторопливо, размеренно, одну вслед за другой.

Ноты – те самые пять (или все-таки шесть?) недобранных тактов – на глазах собрались в мелодию, та ожила, и оказалось, что это песня. Настоящая песня – так грациозно и свободно она звучала, так безупречно легко завершилась.

Музыкант кивнул самому себе и улыбнулся друзьям, которых не удалось увидеть: «Теперь до весны!» Но перед тем как тронуться в путь, он оглянулся и посмотрел в сторону синего шара.

...Едва Музыкант скрылся из виду, всё изменилось. Пепельно-синее небо потяжелело, стало свинцовым, словно его прижимало к земле. Оцепенела мелкая зыбь на морском берегу; чайки пропали. А когда немота окружила сад и добралась до дома – начался снегопад.

Сиротка стоял на крыльце и смотрел на него полными страха восторженными глазами. За ним молчал готовый к зиме прибранный дом.

Времени медлить не оставалось. Спустившись по трем ступенькам, Сиротка пошел навстречу хлопьям, туда, откуда его позвали. Кто позвал – Сиротка не знал, зато он прекрасно знал место, куда идет. Он обогнул поленницу, дошел до мостика через ручей и оказался в саду.

Снег убелял все быстрее кусты и деревья, синий шар превратился в белый сугроб, но Сиротка шел на него не сворачивая, как на огонь. Остановившись, Сиротка смахнул со стеклянной поверхности снег и заглянул в дымно-синюю, с искрами, глубину. Там он увидел лодочку, скользившую по высоким волнам, с двумя гребцами. А на корме сидела она – та, которую он любил и видел во сне.

И Сиротка тихонько пошел к причалу.

От автора

В сказочной повести Туве Янссон «В конце ноября» есть нечто такое, что заставляет годами читать эту вещь. В чем ее стойкая, не выцветающая со временем прелесть? Я долго пыталась это понять. И то, что изложено выше, не более чем попытка понять, мысли и чувства по поводу.

К самому же поводу, то есть таинственной, вовсе не детской повести Туве Янссон, эти мысли и чувства относятся так же, как, допустим, вздох о дожде («ну когда же дождь») к настоящему весеннему ливню.

Туве ЯНССОН (9 августа 1914 г. – 27 июня 2001 г.) – известная финская писательница, художница, иллюстратор. Обрела всемирную известность благодаря своим книгам о муми-троллях. Писала на шведском языке.

«Иногда всё, что нужно сделать, чтобы успокоить кого-то, это напомнить ему, что вы рядом.»

«Каждый нуждается в том, чтобы ему время от времени рассказывали хорошую историю.»

Туве ЯНССОН

РЕКА
ВОСПОМИНАНИЙ

Нина СВИРСКАЯ

Родом из Мордовии, жила и работала вместе с мужем-офицером во многих регионах советской страны – Сибири, Таджикистане, Поволжье, а также за рубежом – Алжире и Германии. Многие годы живет в Ульяновске. По образованию экономист-финансист. Окончила Казанский финансово-экономический институт в 1953 году. Вместе с мужем вырастили сына и дочь. Сын, Варюхин Александр Иванович, – архитектор, автор многих известных проектов, в том числе такого, как новый Спасо-Вознесенский кафедральный собор. Дочь, Некрасова Любовь Ивановна, по образованию педагог. Нина Борисовна Свирская в течение двадцати лет участница творческих встреч в клубах Дома учителя «Лира» и «Книголюбы»; в клубе интеллигенции при центральной городской библиотеке имени И.А. Гончарова; в литературно-музыкальном салоне имени Елены Токарчук. Память каждого человека хранит воспоминания о пережитом. Мемуары Нины Свирской «Мое военное детство» публиковались в альманахе «Карамзинский сад». Предлагаем новые страницы – об ушедшем, но не забытом времени.

В ПУТЬ-ДОРОГУ ЗА ОБРАЗОВАНИЕМ

Встретили мы день Великой Победы над фашизмом 9 мая 1945 года со слезами радости и горя, ведь столько осталось вдов и сирот. А через год я окончила свою школу-семилетку. Тем могло и закончиться моё образование, как у многих одноклассников моих. Но мама не побоялась отправить меня одну в такую даль из Сибири к бабушке в Мордовию, где я могла окончить в соседнем селе среднюю школу. Я очень обрадовалась такому решению.

До станции Троицкое, в пятидесяти километрах от Бийска, я добралась на попутной повозке. А на железнодорожной станции перед глазами предстала такая картина: у единственного окошечка в билетную кассу толпа орущего люда, толкающего друг друга кою куда. Все старались просунуть в окошечко руку с деньгами и прокричать название станции.

Конечно, в такую драку я не могла ввязаться, мне было пятнадцать лет, а здесь люди все взрослые и сильные. Но мне в жизни очень везло на добрых людей на всех моих дорогах. Оказывается, меня заметил один парень в военной форме, видимо, участник войны, и предложил свою помощь, ведь ему тоже надо было покупать билет. С боем он протиснулся к кассе, купил и мне билет на поезд «пятьсот-веселый». Это товарный поезд для перевозки пассажиров, где в вагонах были устроены нары для сна. Поезд до Казани шёл десять суток, и спать хотелось всем.

На ночь все ложились бочком, тесно прижавшись друг к другу. Туалет на улицах на остановках, кто где найдёт. Надо было обеспечить себя водой и хлебом, и я, как самая молодая и шустрая, носилась по станции с чайником в руках в поисках будочки, где из крана подавали кипяток. А кругом паровозы страшно ревут, дрожь берёт, и думаешь, не мой ли это «пятьсот-веселый» отходит, как бы не отстать. Надо сказать, что у пассажиров не было каких-то недовольств, скандалов, все были дружны и счастливы, что хотя и медленно, но верно продвигаемся вперёд.

Наконец-то Казань, где мне надо делать пересадку на харьковский поезд, закомпостировать билет. Картина всё та же, что и на станции Троицкое: толпа народа у кассы, попытка выстроиться в очередь, но безрезультатно. Но мне снова встретился добрый человек, дедушка по возрасту. Он сказал, чтобы я крепко держалась за него, обхватив сзади. И так, прилепившись к нему, я добралась до кассы.

Приехала на станцию Чамзинка, теперь мне надо было как-то доехать оставшиеся двадцать пять километров пути. Доехать можно было или на грузовой машине, или на лошади. Но где их искать? До самого вечера моталась то на окраину села, то в центр, устала до изнеможения. Теперь уже думала, где мне переночевать. Едва бреду по пустынной дороге, а навстречу мне идёт женщина – красивая, со вкусом одетая. Мы пригляделись и прошли мимо, но вдруг обе оглянулись, и она окликнула меня по имени. Оказалось, что это моя родная тётя, мамина сестра, которую я видела в последний раз в пятилетнем возрасте. Она приеха-

ла с мужем, дорогим нам человеком, как потом оказалось по жизни, и я с ними добралась наконец-то к бабушке. Но только на три года, чтобы передохнуть от дальних дорог.

Были дороги короткие, но это мелочи жизни. В селе, где я жила, была школа-семилетка, а в 8-10-й классы надо было ходить в соседнее село за четыре километра, куда сходились ученики из семи окрестных сёл. Даже в сильные морозы, дожди и бураны мы шли по открытой местности, занятия никто не отменял. Зимой возвращались из школы, когда темнело, в селах не было ни радио, ни электричества. Такая жизнь нас не огорчала, мы всё принимали как должное.

Однако были обстоятельства, которые нам неподвластны. Это платное обучение в старших классах: 150 рублей в год за каждого учащегося, а в нашей семье было 300 рублей за двух учениц. Где взять такие деньги, ведь наши матери не получали на трудодень, в чём учитывался их труд, ни копейки, ни грамма натуроплаты. Жили только своим домашним хозяйством ещё не один десяток послевоенных лет. Умудрялись выращивать на своём подворье телёнка или овечку, продавать их, чтобы купить соль, спички, керосин, мыло, нитки, иголки, а главное – рассчитаться за учёбу детей-старшеклассников и уплатить налоги.

После восьмого и девятого классов летом, во время каникул, я работала в колхозе на должности учётчика полевой бригады. Работала с утра и до ночи в поле и на ногах. Местность в окрестностях села пересечённая: то овраги, то крутые берега. И на маленьких участках, куда не могла пройти сельскохозяйственная техника, женщины сеяли рожь и пшеницу вручную, убирали тоже вручную – жали серпом. Каждая выполняла своё задание, а я учитывала, измеряя саженью эти участки для того, чтобы каждой начислять трудодни, но не для оплаты их труда. Участки эти были в разных концах села, и закончив дело на одном, я торопилась на другой, где меня ждали.

При этом я знакомилась с людьми и открывала их человеческие качества. В основном малограмотные, но умудрённые житейским опытом, прямолинейные в суждениях, они обладали качеством душевной теплоты и открытости, чувством сопереживания. Я их уважала за это. Они встречали меня тепло и даже по-матерински.

Однажды я пришла на участок с оторванной подошвой на обуви, а по стерне ходить босиком невозможно. И вдруг одна из женщин сообразила, как мне помочь. Оторвала от берёзы кусок твёрдой коры приложила его к подошве и замотала тряпкой вместе с ногой. Красота! Так я и проходила до конца дня.

А сенокос! На эту работу шли и стар и мал. Кто косил, кто ворошил траву, кто сушил её, переворачивая валки, кто собирал копны и стога. Шум стоял от голосов, хохот, шутки и частушки на злобу дня. Вот где настоящий фольклор! Наступает время обеда, и по звону поварешки о котёл все сбегаются молни-

носно. Повариха ставит на бугорок большую миску с похлёбкой, и все ложатся животом на землю, головой к центру, а ноги врозь, образуя ромашку. Начинается работа ложками с такой скоростью, что за десять минут всё готово, миска пуста. Вечером косцы, в основном вдовы, возвращались в село с песней, несмотря на усталость, принарядившись в чистый платок и фартук.

Остались на всю жизнь прекрасные воспоминания о нашей школе, где учителем математики и физики был Михаил Ильич Павловский, наш классный руководитель. Всесторонне образованный, чуткий и честный человек, интеллигент, талантливый педагог, беззаветно любящий свою профессию, а ему было уже более пятидесяти лет. Уроки его проходили в абсолютной тишине. Он мог увлечь своим предметом, заинтересовать каждого ученика, все его очень любили. Он был прекрасным воспитателем. В конце урока находил время, чтобы подтолкнуть нас подумать о своём будущем. До него никто из нашей школы не посмел и мечтать о дальнейшем образовании по причине бедности наших семей. А он столкнул дело с мертвой точки. Он внушал нам, что такие-то ученики, кто посильнее, способны учиться на стипендию в Саранском учительском институте, тогда ещё единственном, чтобы купить хлеб, а мешок картошки мама забросит с колхозной машиной. А потом этот учительский институт стал педагогическим. И оказалось, что со временем в нашей школе учителями стали работать выпускники Михаила Ильича. Помнится, как он радовался нашим встречам, когда мы, будучи студентами, на каникулах приходили к нему, чтобы его навестить. Он интересовался всем, не только нашими успехами в учёбе, но и как живём, чем интересуемся, увлекаемся, посещаем ли театр, с кем дружим, что читаем. А когда мы рассказывали, Михаил Ильич с волнением ходил по комнате и глаза его блеснули от влаги. Жена Анна Владимировна говорила: «Ну, Михалыч, успокойся, не волнуйся, вот видишь, как всё хорошо». К сожалению, у них не было детей и внуков, единственный сын пропал без вести, как им сообщили из военкомата. Всю свою любовь они отдали чужим детям.

Незаметно прошли три года. Я окончила десять классов, и снова вопрос: где учиться дальше? Вдруг неожиданно мама получила письмо из Ангарска от родственника, где он писал, что в Иркутске много всяких вузов и Нина может выбрать, куда ей поступить учиться. Я загорелась желанием поехать, мама меня не отговаривала. Но где взять денег на дорогу? Ведь никакой зарплаты в колхозе мы не получали. Святая наивность! Мама продала овечку и деньги отдала мне на дорогу. Достаточно ли их будет, чтобы купить билет, этого она не знала, но для себя давно и твердо решила, что дети её должны получить образование и непременно высшее. Это была её самая заветная мечта. Кстати, мечта её осуществилась, старшая дочь окончила один вуз, средняя два вуза, младшая – два вуза и аспирантуру, она кандидат философских наук. Но это потом. А теперь я только вперёд, снова в дорогу за образованием. У меня ни страха, ни сомнений, куда еду и что меня ждёт.

На бензовозе верхом я приехала на станцию, а на вокзале даже не открывают билетную кассу. Оглядевшись, что делают люди, я, как и они, забралась на товарняк и доехала до Казани. И снова нет никакой

надежды, что мне удастся купить билет. Двое суток днём толчея у кассы, ночью в здании вокзала, иногда присев где-то на скамейку, задремать нельзя, милиция толкает в плечо, не даёт заснуть, чтобы мы сами берегли свои вещички от воров.

Сколько времени будет продолжаться такая жизнь, неизвестно. Вдруг однажды я слышу голос мужчины, предлагающего купить билет с рук до Новосибирска. Я решила купить его, подумав, что в Новосибирске куплю билет и дальше до Иркутска, другого выхода не вижу. Но чтобы перестраховаться, я обратилась к кассирше с вопросом, действителен ли этот билет, могу ли я по нему доехать, а возможно, он просрочен или ещё что. Кассирша небрежно кинула взгляд на билет, при этом разговаривая с кем-то, словно от мухи отмахнулась от меня и сказала, что билет действителен, могу ехать. Билет с рук я купила, но меня охватила какая-то тревога. Так небрежно ответила кассирша на мой вопрос. Мне показалось, что она ответила лишь бы ответить. Я пыталась успокоиться, отогнать свои сомнения, но ничего не вышло. Тогда я решила вторично задать кассирше всё тот же вопрос, показав билет. Теперь она ответила, что билет недействителен. Представить только, кассирша меня просто убила, ведь я осталась без денег и без билета. Возвращаться домой на оставшиеся деньги у меня даже и мысли не возникло.

Что делать? Вдруг увидела дежурного милиционера, подошла и объяснила, в какую беду попала. Он взял мой билет и пошёл в кассу через служебный вход. Через некоторое время вышел и сказал, что всё выяснил, билет действителен, и я могу ехать.

Что это такое с людьми? Один – бездушный твёрдый камень, другой – чуткий, внимательный, готовый помочь каждому. И такая быстрая смена картинок – как в кино, только бы не упасть без сознания.

Через несколько суток я в Новосибирске. Здание вокзала огромное, ведь станция узловая, и всё забито народом. От голосов стоит постоянный монотонный шум, словно пчелиный улей гудит, к этому надо ещё привыкнуть. Выстояла огромную очередь в кассу, но билетов до Иркутска нет. На вопрос, а сколько же стоит билет, мне назвали сумму, которой у меня не хватает. Что же делать? И это постоянный вопрос, на который я сама должна искать ответ. Решила обратиться в привокзальную милицию с просьбой помочь мне уехать в Иркутск. Мне ответили, что сейчас возможности нет, но у них бывают случаи, когда кого-то снимают с поезда и меня могут отправить. Но когда такой случай может быть – неизвестно. Посоветовали заходить, справляться. Так я и бегала: то в вокзал, то в милицию. А чего ждать? Из питания могу позволить себе кусок хлеба и стакан морса. Встала в очередь в справочное бюро, что-то хотела спросить. За мной заняла очередь женщина в белом халате, вероятно, медик. И я рассказала, в какую ситуацию попала. Выслушав меня, она сказала, чтобы я никуда не отходила, ждала её здесь. Возвратившись через 5-7 минут, она повела меня в медпункт к дежурному врачу. Врач не задала ни одного вопроса, поверив рассказу медсестры, и сказала, что в соседней комнате стоит кушетка, я могу ложиться и отдыхать. А через два часа прибудет поезд и меня отправят до Иркутска. Какое счастье! От усталости, переживаний я не могла закрыть глаз, всё думала, какие хорошие люди меня спасают. Я их вспоминаю

всю жизнь. Через два часа медсестра посадила меня в плацкартный вагон, и я, постепенно приходя в себя, благополучно доехала до Иркутска. Денег за проезд с меня никто не взял – ни медики, ни проводники. У них был, видимо, какой-то резерв, а главное – сострадание и совесть. Так я благополучно доехала до Иркутска, где меня встретил наш родственник.

На другой день мы остановились у здания Иркутского финансово-экономического института на улице К. Маркса, и спутник мой сказал, что здесь готовят специалистов серьёзной профессии, которая очень подходит женщине. Это профессия экономиста-финансиста. На этом выбор мой был закончен, и я не ошиблась, это была моя любимая работа на всю жизнь. На приёмных экзаменах получила одну четвёрку и три пятёрки, обеспечив себя стипендией. Получила место в общежитии рядом с институтом и успокоилась. Но ненадолго. К концу года наш родственник уехал на работу на Камчатку, и мама моя забеспокоилась, что я одна так далеко, что даже на каникулы домой приехать не смогу. Просила меня перевестись в какие-то вузы поближе к дому. Я решила попробовать. Сделала запросы в Московский и Казанский финансово-экономические институты, могу ли я перевестись в их вузы на второй курс. Ответ получила из Москвы положительный, из Казани – отрицательный. Получив стипендию за летние месяцы, я снова собралась в путь за продолжением образования. Приехав в Москву, теперь уже получила отказ, хотя ответ на мой запрос был положительным. Из Москвы сразу в Казань, ни на что не надеясь. Но меня там взяли в качестве кандидата на второй курс. Зачислить сразу студенткой не могли, поскольку у меня на руках была только зачётная книжка. Остальные документы мне на руки не дали, а обещали выслать на запрос того вуза, куда меня примут кандидатом в студенты.

Но я не знала, что меня ожидает. В институте была введена пропускная система, а у меня не было студенческого билета. Разрешение на посещение лекций давали только на три дня, и так снова и снова в деканат за пропуском. Прекрасный человек, декан Вадим Михайлович Ермолаев, успокаивал меня всякий раз, что документы мои из Иркутска они скоро получат и тогда мне дадут постоянный студенческий билет. Но пока это случилось, прошло долгих три месяца, а мне не платили стипендию, и жила я на съёмной квартире. Два раза в день я заходила в учебную часть, а сотрудница, уже не поднимая глаз, видимо, жалея меня, говорила, что документов и сегодня нет. Зато когда документы были получены, она сама нашла меня в актовом зале, где сидели на лекции 400 человек, и сообщила долгожданную весть. Радости не было конца, теперь я снова законная студентка со стипендией. Закончилась моя голодуха, и я могу купить теперь хлеба сколько хочу. А ведь последние две недели я питалась только пшенной кашей, сваренной на воде и один раз в день. Даже плакала втихомолку, чтобы подружки не узнали, как хочется кушать.

А на следующий год мне дали общежитие. Теперь я снова счастлива, рада жизни, могу ходить с подружками в оперный театр. В день получения стипендии можно было купить квашеную капусту как деликатес к хлебу и картошке и даже поехать к маме на зимние каникулы, что я и сделала, но опять же не без приключений.

Доехав до станции Чамзинка, при выходе из тамбура я столкнулась с молодым солдатом, который выходил здесь же. Он сказал, что едет из Сибири в отпуск в соседнее с нашим село, где я окончила школу – десятилетку. Теперь у меня попутчик и добираться вдвоём будет легче. Как только вышли из вагона, попутчик вдруг исчез, но снова появился. Куда он мотался? Шёл третий час, скоро будет темнеть. Может быть, переночевать на колхозной квартире? Но так хотелось скорее домой, и я решила идти. Что это, безрассудство или уже приобретенная смелость и решительность? Но предварительно я забежала на почту и позвонила в свой сельский совет, чтобы дежурная передала маме, что я вышла из Чамзинки, иду домой.

Мы стали подниматься к лесу, пошёл снег, и не было видно ни тропинки, ни дороги, всё замело, хорошо, что я была в валенках. Стала замечать, что мой спутник отстаёт. Когда повернулась, увидела, что он сидит в сугробе и засыпает. Так вот куда он вдруг исчез, когда мы вышли из вагона, заскочил на станцию. И хлебнул спиртного, а теперь его, что называется, развезло.

Снова вопрос: что делать? Оставить его не могу, ведь он замёрзнет, тащить – тоже, сил не хватает, мы прошли уже далеко. Вот ситуация! Я начала на него кричать, ругаться, молотить по спине кулаками, бегать вокруг него и снова колотить что было сил. Сколько кругов сделала, не знаю, но очень устала. И всё-таки хмель из него выбила, он встал и пошёл за мной. Шли долго, когда стали спускаться из леса в долину, далеко в темноте я заметила огонёк, движущийся то вправо, то влево, и поняла, что это фонарь. Наш дорогой дядя Саша пошёл мне навстречу с фонарём, когда дежурная сельсовета сообщила маме, что я иду со станции. Теперь мы дома, до предела уставшие. Пока мама подавала ужин, мой спутник уже спал, положив голову на стол. Переночевал, а утром пошёл домой в соседнее село.

Вот и пролетели студенческие годы. Сданы государственные экзамены, получены дипломы. Я получила диплом с отличием, или, как говорят студенты, красный. До настоящего времени написаны наши фамилии в институте на стенде «Наши отличники». Это был всего лишь третий выпуск специалистов нашего института. А на сегодняшний день институт подготовил уже более шестидесяти выпусков.

Теперь распределение на работу. Три года мы должны были отработать за то, что государство вложило средства на наше образование. Куда бы нас ни послали, в любой регион Советского Союза, мы относились к этому совершенно спокойно. Казань отшумела выпускными балами, и мы все отправились по своим дорогам. Оказывается, они ещё не закончились. Получив теоретические знания, мы ещё должны были получить практические, научиться работать.

Меня направили в Таджикскую Республику. Села в плацкартный вагон поезда до Сталинабада (Душанбе). Со мной был небольшой рюкзачок со всем моим очень бедным «приданым». Я положила его на багажную полку, а через некоторое время рядом с моим положил ещё кто-то такой же рюкзак. Из окошка вагона я смотрела на природу Казахстана, да такой унылой она мне показалась, что я загрустила. А чтобы было веселее, судьба подбрасывает нам такие шутки, хоть плачь, хоть смейся. Мне доставались только огорче-

ния и проблемы, было не до смеха. Проехали много станций, и я обратила внимание на то, что на багажной полке лежит только один рюкзак, а второго нет. Ребята из соседнего купе рассказали мне, что его взял парень, который ехал с ними и сошёл на такой-то станции. Он студент и едет в горы на практику. Значит, он перепутал рюкзаки и по ошибке взял мой, а его остался мне.

Думаю, с чего начинать в этот раз. Нашла начальника поезда, и такой хохот вызвал мой рассказ у его команды, надо же потешиться над девчонкой! Но посоветовали оставить заявление на очередной станции Зербулак и ехать дальше. Бежать до отделения милиции с заявлением пришлось так далеко, только бы не отстать от поезда, но мои успехи по бегу на школьных кроссах меня выручили. По прибытии в Сталинабад обратилась в милицию с заявлением, чтобы обменять наши рюкзаки. Вот здесь разговаривать со мной никто не хотел, наотрез отказались заниматься моим делом. Мотивация одна, но железная: рюкзаки перепутали, когда я ехала по Куйбышевской железной дороге, а здесь у них Туркестанская. Я же им доказывала, что мне неинтересно, какие это дороги, главное, что это дороги Советского Союза, а я его гражданка. Ничего и слышать не хотят. Тогда я попросила сделать опись вещей в этом чужом рюкзаке и оставить его у них на хранение, не таскать же мне его всю жизнь за собой. Что-то поняли, но вдруг один из милиционеров спросил: куда, в какую организацию их города я приехала на работу? Когда я назвала Министерство финансов, милиционеров словно подменили, они заулыбались, засуетились. Тут же приняли моё заявление и сказали, что дня через три они всё сделают и я получу свои вещи. Так и вышло, теперь наконец-то и на моей улице праздник!

В числе 14 молодых специалистов, выпускников института, я попала в распоряжение Министерства финансов Таджикистана. Приехала 10 августа, к назначенному сроку, но оказалось, что последняя из наших. Все уже были распределены по областям, а я получила должность ревизора в штате министерства. Приняли меня на работе хорошо. Сотрудники были в основном мужчины со стажем работы не менее 25 лет, русские. Общаться с ними было легко. Они знакомили меня с работой, предлагали помощь, если надо, и даже учили жить в новых условиях среднеазиатского быта. Я очень благодарна им. В первое время ездила в командировки по республике с ними, а потом самостоятельно. Только приеду из командировки, а мне уже готов приказ на следующую. Таким образом, я была в отъезде в среднем по 28 дней в месяц. Режим работы сама себе устанавливала с 9 часов утра до 11-12 часов вечера. А когда отдыхать? Никогда. Я даже обедать ходила в местную столовую после обеда, когда мало народу. Да там и кушать было нечего, кроме шурпы с лапшой, густо посыпанной жгучим красным перцем. В основном питалась чаем с лепешками. Но после военной закалки было не привыкать.

Для чего мне было надо так уж стараться, упираться на работе? Боялась получить замечание или наказание от своего начальства? Нет, не боялась, да такого и не случалось. Я просто работала увлеченно, с интересом, старалась освоить как можно больший объём работы с документами, оправдать кредит доверия старших своих сослуживцев. Конечно, это всё

пошло мне же на пользу. Но были очень большие проблемы для меня. Это дороги.

В командировки ездила на расстояние 100-200 километров без всяких пересадок и остановок на единственно доступном транспорте – грузовых машинах, покрытых брезентом. Люди сидели на полу кузова навалом, как картошка, тесно набившись. И все мужчины. Женщины-таджички работали с утра до ночи на плантациях хлопка, а мужчины сидели в чайхане или куда-то ехали. Я садилась на пол у заднего борта. Сзади из-под колёс меня окутывало пылью, уматывало от качек до тошноты, о жаре уже не говорю. На горных узких дорогах с частыми крутыми поворотами ехать невыносимо. Пассажиры то валятся все вперед на повороте, и я на них, а когда назад – все на меня. В такой куче мужчин, а я одна, жутковато, инстинктивно оглядываюсь вокруг. Глаза моих попутчиков спокойны, значит, нет никакой опасности, всё в порядке. Приезжаю к месту назначения вся измученная, грязная от пыли, а гостиниц чаще всего не было. Определяла меня на постой к какой-то сотруднице, где нет ни горячей воды, ни холодной, чтобы отмыться с дороги. Однажды мы пришли к домику саманушке с хозяйкой, и что я увидела? На расстоянии 15-20 см от угла домика протянута колючая проволока в несколько рядов, метра через два такая же стенка из колючей проволоки. А между проволокой распанная земля, разрыхлённая граблями. Я поняла, что это пограничная полоса и взяла горсть земли с самого краешка нашей Родины. Дальше через реку Пяндж граница с Афганистаном. Вот куда меня занесло! Не успела уснуть, как услышала топот лошадиных копыт. Хозяйка объяснила, что это пограничники по команде «Застава в ружьё!» спешат задержать перебежчика с наркотиками. Местные жители уже привыкли к такой жизни, а я побывала на пограничной заставе Новоосковской.

Командировать сотрудника по закону можно было не более чем на месячный срок, но, нарушая его, могли и на два месяца. Иногда кончалась моя командировка, а мне с попутчиком из министерства присылали приказ ещё на месяц в другой район или область, объясняя служебной необходимостью. Таким образом, я уже и забыть могла, где «моя деревня», где «мой дом родной». Но когда я возвращалась из командировки, меня ждала большая радость: на главпочтамте толстая пачка писем, перевязанная шпагатом. Писали подруги-однокурсницы из всех концов Советского Союза, родные. Не менее тридцати писем в месяц от одного адресата, старого школьного друга, который писал письма ежедневно четыре года, а потом стал моим мужем на сорок шесть лет жизни.

Случались и весёлые картинки, смешные до слёз. Мне доставались слёзы, а смеялся кто-то. Однажды в составе комплексной бригады ревизоров министерства я поехала в город Ленинабад, ближе к границе с Узбекистаном. По пути заехали в Бухару, посмотрели памятники старины, музеи. В Ленинабаде поселили нас в лучшую гостиницу, мы с Машенькой в одном номере и в течение недели работали в городе по заданию нашего старшего группы Александра Павловича. Потом отправили в командировку по районам на неделю. Справившись с заданием, я с радостью возвращалась в Ленинабад. Прямо с автобуса забежала в вестибюль гостиницы и к двери номера, где я жила

неделю назад. Немного приоткрыв её, я заметила, что на кровати лежит что-то непонятное, наполовину чёрное, наполовину белое, и, оробев, отскочила от двери. А когда приоткрыла дверь второй раз, в меня полетели карандаши, ручки и ещё какие-то предметы, а на пороге с криком «Гулящая женщина» появился человек, чёрный с головы до пояса, а ниже завёрнутый в белую простыню. О ужас! Ведь это был негр, большая редкость в те времена. Едва опомнившись, я начала извиняться, объясняя, что ошиблась, не знала, что за эту неделю произошло переселение жильцов. Он, кажется, ничего не понимал, продолжал орать, а из других номеров выскочили остальные жильцы-мужчины. Они окружили меня и с такой наглой улыбкой оглядывали, как какой-то товар. Большого оскорбления и обиды я никогда не испытывала в жизни. На крик пришёл администратор гостиницы, потребовал паспорт. Я объяснила, что паспорт мой у них в администрации, куда я его сдала по их требованию, на руках только служебное удостоверение. Не знаю, сколько продолжалось бы такое издевательство надо мной, только, растолкав всех, рыдая в голос, я рванулась вниз в вестибюль и гостиничный дворик, чтобы только скрыться от глаз людских. В этот момент меня увидел наш руководитель Александр Павлович и, когда понял, в чём дело, хохотал до истерики, удивляясь и возмущаясь, как это можно было обвинить меня, такую скромницу, в подобном грехе. Он объяснил администратору гостиницы, что я их сотрудница и уж никак не гулящая женщина. Дело было улажено. Мне же наш старший велел завтра в одиннадцать часов принести ему в его правительственный номер, который был и его рабочим кабинетом, все документы проверки, привезённые из района. На следующее утро я подошла к двери кабинета и позвонила, потом позвонила ещё раз, но никто не ответил. Вдруг услышала топот нескольких пар ног по коридору, которые приближались ко мне. Я быстро отскочила от двери в угол и что вижу? По коридору, как на плацу, шагают пять мужиков. Впереди служитель гостиницы на вытянутых руках несёт открытый чемодан крышкой вперёд, а за ним тот вчерашний негр, который орал, что я гулящая женщина. Сзади ещё двое служителей или телохранителей. Они дошли до кабинета, куда я

только что звонила, и открыли его своим ключом. Я с ужасом поняла, что Александра Павловича тоже куда-то переселили и он не успел меня предупредить об этом. Если бы я не успела отскочить от двери в угол, меня опять приняли бы за гулящую женщину, преследующую негра. Тогда уж никакой Александр Павлович меня не спас бы, пришлось бы иметь дело с милицией. Вот так в угоду неизвестному, но заокеанскому певцу-негру могли перевернуть всю гостиницу и опозорить невинного человека.

Спрашиваю себя, почему эти неприятности преследуют меня, ведь нарочно не придумаешь подобные сюжеты. Это что, испытания на прочность? Не достаточно ли для меня неприятностей? Но оказалось, что это не последняя.

Проработав полтора года, я получила трудовой отпуск и поехала домой к маме в родное Поволжье. Там встретила со своим другом, переписка с которым продолжалась четыре года, и мы поженились. Он поехал к месту своей службы в город Тулу, а я снова в Сталинабад, чтобы уволиться с работы и получить свои документы. По закону я имела право как жена военнослужащего уволиться в течение двух недель. Но руководство министерства и слышать не хотело о моём увольнении. Настаивали на том, чтобы я отработала все три года как молодой специалист, а о каких-то там военных законах они и знать не хотели ничего. Их власть выше всего. Так ещё в течение трёх месяцев я продолжала ездить по командировкам, и все мои хождения и разговоры с руководством министерства об увольнении были проигнорированы, результатов никаких. Со своей стороны муж тоже старался вернуть меня из «таджикского плена». Он обращался в Москву в союзное Министерство финансов, но безрезультатно. Дважды писал в ЦК КПСС Таджикистана, и только тогда вопрос решился. ЦК КПСС дал предписание Министерству финансов об удовлетворении моей просьбы, и словно не было никаких проблем. Через два дня я покинула Таджикистан, оставивший на всю жизнь так много воспоминаний.

Думаю, что я отработала свой долг перед государством за своё образование. Дальше продолжалась работа по специальности до самой пенсии.

ПЕРЕСМЕШНИК

Светлана СУПРУНОВА родилась в 1960 году в городе Львове. Окончила Ленинградское медицинское училище, работала медсестрой в Афганистане. Вернувшись через три года, поступила в Калининградский государственный университет на филологический факультет, параллельно училась в Литературном институте имени М. Горького на заочном отделении. С 1995-го по 2000 год проходила воинскую службу в Таджикистане, затем девять лет работала старшим литературным редактором в издательстве «Янтарный сказ» (г. Калининград), сейчас возглавляет редакцию научного журнала Калининградского государственного технического университета.

Публиковалась во многих отечественных и зарубежных изданиях, лауреат нескольких международных и всероссийских конкурсов. Автор четырёх поэтических сборников.

Член Союза писателей России.

Живёт в городе Калининграде.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАРОДИИ

РЕЙТУЗЫ

*Муза в розовых рейтузах,
С непокрытой головой,
Полезай, подруга, в кузов
Санитаркой фронтовой.*

(Александр ЛЮЛИН)

Чьи-то музы в платьях, блузах,
А моя так просто – ах! –
Ходит в розовых рейтузах,
На высоких каблуках.

Я писал, бывало, бодро
(Правду-матку говорю),
На обтянутые бёдра
Каждый день теперь смотрю.

Сладко сердцу, ярко глазу,
Я теряюсь, как никто,
Мысли путаются сразу,
Представляется не то.

И уже душою маюсь,
И не думаю совсем,
Ну, короче, отвлекаюсь
От больших и вечных тем.

И, прилепленный к рейтузам,
Понимаю всё сильней:
Чтоб стихи звучали, музам
Одеваться бы скромней.

ЧЕМ НЕ ПОЭТ?

*Так было! Было, есть и будет
С тем, что рождается от корней.
Я знаю: будущее будят
Дела давно минувших дней.*

(Герентий ТРАВНИК)

Все что-то пишут и рифмуют,
Бегут в издательство скорей.
Меня, как никого, волнуют
Дела давно минувших дней,

Преданья старины глубокой.
Я посмотрел, вот это вид! –
Глаза большие, с поволокой,
Русалка на ветвях сидит.

Какие перси, нос точёный!
Так было, леший там бродил,
И днём и ночью кот учёный
То пел, то сказки говорил.

Да, было, и, видать, немало,
Там ступа шла сама собой,
К избушке вон заковыляла
Старуха с костяной ногой.

Гулять полезно для здоровья,
И я, намеревшись встав чуть свет,
Гулял себе у Лукоморья
И думал: чем я не поэт?

ГАСТРОНОМИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ

*Я бы в Томске томился,
В Туруханске стухнул,
На окно бы косился,
Отпустившись на стул.*

(Александр КУШНЕР)

Города изучаю
И жую беляши.
Я в Сахаре бы чаю
Насластил от души.

Съем я в Тете тетерю,
Выпью в Були бульон,
Я по атласу сверю
Свой дневной рацион.

В Гусь-Хрустальном румяный
Будет ждать меня гусь,
Я на стул, словно пьяный,
Тяжело опущусь.

Съев в Салайне салаку,
По стихам загрущу,
А пока Титикаку
Я на карте ищу.

НАЧИТАВШИЕСЯ КЛАССИКОВ

*Я бы мог, наверно, жить иначе.
Будто лёд, кремнистый путь блестит.
Не жалею, не зову, не плачу –
И звезда с звездой говорит.*

(Лев КОТЮКОВ)

Выхожу один я на дорогу,
Пишется неплохо при луне.
Допишусь до книги понемногу.
Дай же, Джим, на счастье лапу мне!

Вроде бы зима – а дождь и слякоть,
Прячу шею в тёплое кашне.
Ох, февраль! Достать чернил и плакать,
Вспомнив Гюльчатай и Шаганэ.

Молния ударила, сверкая,
Но её в стихах не восхваляю.
Я люблю грозу в начале мая,
А зимой, поверьте, не люблю.

А ещё, друзья, люблю культуру,
Только книг приличных не достать.
То-то и печатают халтуру,
Что умом Россию не понять.

НЕОЖИДАННОСТЬ

*Благодаря гашишу
Я всё прекрасно вижу:
И Дельвига во фраке, и Гоголя в плаще,
И Царскую деревню,
И Анну-свет-Андревну,
И маленьких каких-то, бесцветных вообще.*

(Виктор БРЮХОВЕЦКИЙ)

Как накурюсь гашишу,
Такое, братцы, вижу!
Вон Кушнер в панталонах и в чепчике Эсхил,
Мережко без корсета,
На поприще поэта
Державин в камилавке* меня благословил.

А книг моих-то – тыщи,
И не тома – томищи!
Ни критики, ни бури мне не страшны теперь.
Иду уже смелее,
Передо мной в ливрее
Сам Александр Сергееч распахивает дверь.

Наутро я в тревоге:
Стою в трусах, без тоги,
Со шприцем и в халате какой-то изувер.
Где фраки и манишки?
Всё странные людишки,
И вывеска огромная: «Наркодиспансер».

* Головной убор священника

КОШМАРЫ

*Женщины, которых разлюбил,
Мне порою грезятся ночами,
С робкими и верными очами –
Женщины, которых разлюбил.*

* * *

*Женщины, которых разлюбил,
Мне зачем-то изредка звонили...*

(Анатолий АВРУТИН)

Вспоминаю Краснодар и Клин,
Видел всё от края и до края.
Кто не знает – Родина большая,
Как поэт скажу и гражданин.

То Тува, то Коми, так и жил,
Но звонили изредка в печали,
Плакали и даже угрожали
Женщины, которых разлюбил.

Всё виденья, белый свет не мил,
Ну а мысли – можно ужаснуться:
Вдруг возьмут да вместе соберутся
Женщины, которых разлюбил?

И тогда уже не до утех,
Отвернусь, пожалуй, на арапа.
Лес головок, каждый скажет «папа».
Хватит алиментов ли на всех?

ПРОВИДИЦА

*Лет через двести, максимум – через триста
Мир на Земле изменится несказанно:
Переведутся лётчики, машинисты,
Звёзды уйдут на небо с телеэкранов...*

(Вероника СЕНЬКИНА)

Я подсчитала: через триста лет
Не будет ни тарелок, ни стаканов,
Маразм рекламы, ну и прочий бред
Исчезнут навсегда с телеэкранов.

Колдуньи, маги улетят во мрак,
Как будто ввысь, но главное не это –
От «Дома-2» и Ксении Собчак
Вот отдохнёт уставшая планета!

Сквозь дырку в шаре вытечет вода,
И росы испарятся, и туманы,
Поэтов бестолковая орда
Переведётся, словно тараканы.

О, времена великие грядут!
Земля по тишине истосковалась,
И если пародисты не уйдут,
То это значит – я пока осталась.

ВОЗВРАЩЕНИЕ БЛУДНОГО СЫНА

*Зима давно уж в пеньюаре
Лежит на мёрзлом тротуаре...*

* * *

*Большим цветочным одеялом
Весна приляжет у корней...*

* * *

*Стареет осень, и ничто
Остановить её не может...*

(Давид КЛАДНИЦКИЙ)

По улицам вечно слоняюсь.
Морозец, но как он бодрит!
Зиме я помочь не пытаюсь –
Люблю, когда дама лежит.

Ну кто-то другой бы, понятно,
Сказал ей: «Немедленно встань!»
Но мне, как мужчине, приятно
Для взгляда прозрачная ткань.

Ах, топики, юбочки мини! –
Весна с чемоданом спешит.
К бесполому лету в бикини,
Признаться, душа не лежит.

А с осенью сущие муки:
В тряпье разноцветном ко мне
Всё тянет иссохшие руки –
И я возвращаюсь к жене.

ОТКРОВЕНИЯ МЕССИНГА

*Гроб толта провожает навстречу...
И чёрная мысль всю дорогу:
А много ль за мною пойдёт?*

* * *

*Не молчите вы так долго,
Вольф Григорьевич родной!
(Александр БЫВШЕВ)*

Отойду я в непогоду,
Что ж, на жизнь не станет сил.
«Много будет ли народу?» –
Я у Мессинга спросил.

Всё боялся, что забудет,
Он, закрыв глаза, изрёк:
«Не бойсь, народец будет,
Чтобы ты спокойно лёг».
И мысль засела прочно:
Пушкин, Гоголь и Толстой,
Девятнадцатый так точно
Попрощается со мной.

К Вольфу пристаю я снова:
«Кто и сколько человек?» –
«Иванов да Супрунова, –
Отвечает, – скуден век.
Откровенны и речисты,
Вижу ясно скорбный взгляд». –
«Что же, только пародисты?
Ну и что же говорят?» –

«Всех твоих творений слитки,
Мол, прочитаны за год,
Что теперь они в убытке,
А поэзии везёт».

ДОЛЖОК

*Приходи ко мне утром во вторник,
Я тебя угощу чем смогу,
Подарю поэтический сборник
И, конечно, останусь в долгу.
(Максим ЗАМШЕВ)*

Ты пришла ко мне утром во вторник,
Я тебя привечал-угощал,
Подарил поэтический сборник
И стихи до заката читал.

Ты мне сунула старую смету,
Взял я лист пожелтевший, гляжу.
«Дорогой, я хожу не к поэту,
Я к тебе за другим прихожу».

Четверть часа сидела ты в ванной,
Потереть себе спину звала.
Ты была необычной и странной,
Подозрительной даже была.

Ну а после ты бросила фразу:
«Во дворе разгулялась пурга.
Ты верни мне сегодня и сразу
Три субботы и два четверга».

ЗАД ВДОХНОВЛЯЕТ

*Я живу на задворках Самары,
Где цветёт ботанический зад...
(Сергей ЛЕЙБГРАД)*

Ай, да зад! Тишина и прохлада,
Ну а в мае – так только держись!
Я кругами хожу возле зада,
Так и нюхал бы целую жизнь.

Эх, такого роскошного зада
Не видал я во веки веков.
Душам творческим много ли надо,
Раз нюхнул – и томищи стихов!

Источает какие-то чары,
Как-то в радость его белизна,
Что живу на задворках Самары.
Да, поэтам из центра хана!

Снова май, и на сердце отрада,
Я всегда тут весною ходил,
А сегодня рванул мимо зада.
Просто я к логопеду спешил.

ДОЧИТАВШИСЬ ЛЕРМОНТОВА

*Подхожу я к туманной дороге,
Где золотая рыдает ветла,
И в горячей осенней тревоге
Журавлей пролетает стрела.
Путь змеистый и месяц высокий
Сквозь туман предо мною блестят.
Что сулит мне мой путь одинокий
И о чём мне так звёзды гудят?*

(Сергей БУДАРИН)

Выхожу один я на дорогу –
В тишине говаривал поэт.
От стихов известнейших, ей-богу,
Мне который год покоя нет.

То жара, то мало мне тумана,
То собак слышать из ближних сёл,
Но намерен как-то встал с дивана
И к дороге этой подошёл.

Так себе, дорога как дорога,
Ковыли да лопухи в пыли,
А в грудях осенняя тревога:
Не к добру по ночи журавли!

Ночь тиха, на что-то так похожа,
Кто-то под луной заголосил,
А ветла заходится: «Серёжа,
Ты про путь кремнистый упустил!»

Да легко унять безделку эту,
Только вижу: как-то без стыда
И без уважения к поэту
На меня уставилась звезда.

Вот стою и слышу: «Эх, Серёга!..»
Понимаю: славы не сулят.
Ну о чём ещё! «Побойсь Бога!» –
Звёзды возмущённые кричат.

Владимир ВАРЛАМОВ родился 9 января 1946 года в райцентре Радищево Ульяновской области. Некоторое время жил и учился в селе Верхняя Маза, в настоящее время живёт в городе Сызрани. Окончил строительный техникум и Ташкентский институт железнодорожного транспорта. Основная специальность – инженер-экономист.

Активно занимается культурно-просветительской деятельностью. Президент Сызранского клуба авторской песни и поэзии, организатор фестиваля бардов «Под золотым парашютом». 10 лет назад создал литературный клуб «Прикосновение», который издаёт книги местных поэтов, а также литературный альманах в виде газеты.

Публиковался в различных газетах и журналах Сызрани и Самарской области, а также в журналах «Карамзинский сад», «Мономах» и «Литературный Ульяновск». Автор сборника стихов «Тепло осеннего костра», книг пародий «Не пиши, не пиши, не пиши» и «Привет от дилетанта».

Лауреат городской премии «Признание».

Пародии

ВСЕЛЕНСКИЙ ПЛАЧ

Инженер Егоров под забором
Плачет... а в сиреновой дали,
Проплывая над осенним бором,
Инженеру вторят журавли. (Плач)
И бабы плачут. Бабы горько плачут. (Фрося)

О чём ты плачешь, идиот,
Во мраке за сараем.

Обнялись они, умываясь слезьми...
Обнялись и плачут они на ветру. (Над бездной)
Не плачь, моя бедная Муза. (Муза)

Плакал прошлогодний снег.

Плачут стёкла крокодильими слезами. (Эфиоп)
Я от бессилия плакал. (Слово)
Вытри мне слёзы платком. (Слепой дождик)
Евгений Семичев, г. Самара,
«Соколики русской земли». 2002 г.

Плачут пожарные, плачет милиция,
Плачет Егоров, уткнувшись в забор,
Плачут в столице, селе и провинции,
Даже премьер как-то слёзы утёр.

Вот за сараем слезами горячими
Плачет о чём-то во тьме идиот.
Муза, которую с детства я мучаю,
Тоже, слезьми умываясь, ревет.

Бабы рыдают – отнюдь не идиллия,
Снег прошлогодний им вторит весной.
Стёкла помыть бы слезьми крокодильими
Вместе с моею мужскою слезой.

Сколько их пролито – жаль, не подсчитано,
Снова бегу я платочки менять.
Книга слезами моими пропитана.
Хочешь поплакать? Возьми почитать.

Я — НЕ ПТЕРОДАКТИЛЬ

Мне кажется, что я когда-то был,
Что раньше жил и вижу не впервые
В ночной траве стреноженных кобыл,
Холмы в крестах и кедры вековые.

Во мне дремучий первобытный век
Щетиной пробивается на скуле...
Я был не птеродактиль — человек
И женщину любил на волчьей шкуре...

Зачем опять родился я на свет,
Коль мамонт вымер?..

Александр Лайков, г. Ульяновск

Мне кажется, что здесь я не впервой:
Холмы в крестах, кобылы, волчьи стаи,
Гостиница «Венец», а рядом под сосной
Стреноженные мамонты гуляют.

Ах, если б знали, как я раньше жил,
Не то, что здесь, в канцерогенном мире!
На волчьей шкуре женщину любил.
И всё из камня — в каменной квартире.

В дремучем веке лишь из фиги лист
Красавицы носили вместо платья.
Меня поймёт, надеюсь, дарвинист,
Ведь был я человек — не птеродактиль!

Я гибну здесь, щетиною оброс,
Кошмар такой сородичам не снился.
И жизнь без мамонтов пошла вразнос.
Жалею, что опять на свет родился.

ВСТРЕЧИ И РАССТАВАНЬЯ

*Встретились, узнали, полюбили,
Было мало дней нам и ночей.
Наше чувство мы не сохранили,
И чужая я, и ты ничей.*

*Ко мне ещё, возможно, прилетишь,
Промелькнущая в потоке долгих лет...*

Татьяна Воронова, г. Ростов-на-Дону

Встретила, узнала, полюбила.
Свадьба, загс, путёвка на Бали.
Ревность. Ссора. Слезы. Не простила.
Разошлись, как в море корабли.

Тяжба. Алименты. Не сумели
К нашим чувствам сохранить ключей.
И чужая я в чужой постели,
Ты в потоке лет плывёшь ничей.

Там, мелькнув, возможно, не утонешь,
Прилетишь ко мне признать вину.
Взлёт. Посадка. Голос в домофоне.
Встречу. Закопаю. Помяну.

УХОДИТ ВРЕМЯ

Уходит время, как вино.

Валерий Тимофеев, г. Сызрань

Увы, я стал вдвойне несчастлив,
Так круто мне не повезло -
Вино ушло, не попрощавшись,
А с ним и время утекло.

В безвременье я так страдаю
По времени и по вину.
Где взять вино - места я знаю,
А время точно не верну.

МЕЧТА

*Я бы ветром хотела родиться...
Ну а утром, умывшись росой
И забыв о прибойной тоске...
Или в танце осеннем кружилась
Там, где рои почти уж наги,
Или в ставни заветные билась
Под разбойничий посвист турги.*

Александра Соколова, с. Волжский Утес

Я б хотела поэтом родиться,
К сожалению, не повезло.
Стать «певицей любви» – и не снится,
Жрицей – вроде бы время прошло.

Я бы в танце осенней порою
Под разбойничью сущность пурги
Показала стриптиз и нагою
Вас спасла от прибойной тоски.

ХАТА С КРАЮ

*Я выбрал – моя хата с краю,
Пришлась она мне ко двору.*

Олег Портнягин, г. Сызрань

Себе я хату выбрал с краю –
Достала вечная борьба.
Я уши ватой затыкаю,
Когда на улицах пальба.

Опять бушуют где-то страсти,
А мне тут, честно говоря,
Пикеты, драки, смены власти
Давно уже до фонаря.

Покой я выбрал и блаженство,
Скандалы мне не по нутру.
Я здесь достигну совершенства
И в тихом дворике помру.

МУХУ ЖАЛКО

*Исчерпался остаток чернил,
Богом некогда выданный мне;
Всё, что мог, я уже сочинил;
Только дохлая муха на дне.*

Игорь Губерман, г. Москва

Богом выдано, Бог и забрал,
Не напрасно колодец иссох.
Всё, что издано, я прочитал,
Но, как муха, от скуки не сдох.

Вознести похвалу был бы рад,
Только муху жаль, лучше бы с ней
Откровенный в двухтомнике мат
Оставался осадком на дне.

БАБУШКА-САДИСТКА

*За святой водою в три колодца
Посылала бабушка меня.
Полночь. Снега скрип. Сердечко бьется.
Ни в одном окошке нет огня.*

Валентина Юдина, Сызранский район

Льется сумрак голубой,
Бьет в глаза поземка,
Провожает за водой,
Провожает за водой
Бабушка девчонку.

В окнах тьма, мороз трещит,
Сердце в страхе бьется.
На Крещение взять велит,
На Крещение взять велит
Воду в трех колодцах:

«Ты на льду не поскользнься,
С вёдрами не падай,
И в сугроб не провались,
И в сугроб не провались,
Ног ломать не надо.

Если трусишь, то не стой
Возле пьяной драки.

Осторожно, за рекой,
Осторожно, за рекой
Шастают маньяки.

Ворот медленно крути,
Черпай понемногу.
Упадешь на дно – кричи,
Упадешь на дно – кричи,
Выйду на подмогу».

Сразу после этих слов
Внучкин был ответ таков:

«Что ты, бабка, задарма
В полночь я не встану.
За водой иди сама,
За водой иди сама –
Я напьюсь из крана».

СВИДАНИЕ

*Я тебе свидание назначу
Где-нибудь на белых облаках...*

*Прилетай скорее, если сможешь
Одолеть без страха эту высь.
Облака на ангелов похожи.
Ты перед полётом помолись.*

*Виталий Сивяков,
г. Тольятти, «Исповедь». 2005 г.*

Не могу встречаться под часами,
А в метро не хочется вдвойне.
Все кругом едят тебя глазами,
Вдруг расскажет кто-нибудь жене.

Я нашёл интимное местечко,
Это рядом, в белых облаках.
Неземною будет наша встреча,
Если ты преодолеешь страх.

Только жаль, там пол газообразный,
Осторожней будь, не провались,
И сидеть на облаке опасно –
Ты на всякий случай помолись.

ПРОВОДЫ

*Смотрю, как ты уезжаешь,
Поспешно пакуешь вещи.
Опять меня покидаешь
Для множества разных женщин.*

Наталья Красильникова, г. Октябрьск

Опять ты меня покидаешь,
Тебе меня мало одной.
Ты множество женщин желаешь,
Отличных одна от другой.

Гарем для тебя – просто мелочь,
Тебе по плечу континент.
Я мучаюсь завистью белой –
Для Гиннеса ты претендент.

Закрою я дверь за тобою
И в Книгу заявку подам,

Фиксируют пусть двое-трое,
Идут за тобой по стопам.

Я верю – приложишь все силы,
Любые рекорды побьёшь,
Одно беспокоит, что хилым
Ко мне ты обратно придёшь.

КЛАССИКА

*Вот снова «роща золотая»
«Отговорила». И зима...*

*Придёт весна, но в «синем мае»
Поэту не воспеть «тепльнень»...
Нам не поведать. И вздыхает
«Свинцовой тяжести польнень».*

*Любил он все на этом свете,
Что «душу облекает в плоть»,
Не мог он «розовую водь»...*

*Надежда Чванова,
г. Сызрань, «Есенинский мотив»*

«Вы помните, вы всё, конечно», знали
Про «синий май» и «алый свет зари»,
Иначе б этих строк не написали,
Не «выткали» бы это попури.

Теперь «в окошко не увидать рая»,
И нужды нет Есенина читать,
Ведь вы смогли, как «роща золотая»,
Нам классика стихи пересказать.

ШЕВЕЛИТЬСЯ НАДО

*Но опять в тебе кипит
Золотая строчка.
И во сне пошевелит
Правым ушком дочка.*

Константин Рассадин, г. Тольятти

Если стих в уме свербит,
Закипает строчка –
Тут же ухом шевелит,
Засыпая, дочка.

Если рифма, как алмаз,
И строфа в ажуре –
Шевелить тогда горазд
Левой пяткой шурин.

Шевельнется мысль – сонет
На бумагу ляжет.
Тут Пегас крылом во сне
Шевельнет и скажет:

«Костя, эту дребедень
Не зови стихами.
Постарайся, сбросив лень,
Шевелить мозгами».

ПОСЛЕДНИЕ АСТРЫ

*И смотрят последние астры в саду
На то, как топиться хожу я к пруду.*

Диана Кан, г. Новокуйбышевск

Я каждое утро топиться в пруду
Хожу по тропинке у астр на виду.
Когда я впервые шла с камнем в руке,
Смотрели мне вслед они в жуткой тоске.

А после привыкли, их взгляд стал другой,
Улыбкой меня провожали цветной.
Топиться нетрудно, могу научить,
Вот так же примерно бросают курить.

Пускай отцвели хризантемы в саду,
Я вновь на рассвете топиться пойду.

ОСЕННИЕ КАТАКЛИЗМЫ

*Осень, осень, листвы пепелище
Да холодная рябь по пруду.
Стали воздуха легче и чище,
Тяжелеют рябины в саду.*

Андрей Шацков, г. Москва

Тяжелеют к зиме атмосферы,
Академиков ставя в тупик.
И сдают у синоптиков нервы:
Мир к явлениям таким не привык.

Знаем, солнцы на небах не вечны,
Каждый взят парадокс на учёт,
Но становятся воздуха легче,
А давленье растёт и растёт.

Если снова они полегчают,
Нарушая природный баланс,
Что же завтра землян ожидает:
Невесомость, удушье, коллапс?

ДУШИ

*В куртках потёртых
Души разбитые
Бродят по улицам,
Всеми забытые.*

Мария Кучеренко, г. Тольятти

В куртках потёртых,
С наганом на взводе
Души чекистов
По улицам бродят.

Ищут поэта
В потёртой тужурке.
Звать вроде Маша,
А может быть, Мурка.

В памяти вечны,
Кто Музе служили,
Только чекистов
Совсем позабыли.

Души чекистов,
Разбитые в щепки,
Ждут, что Мария
Напишет про кепки.

СОН

*Что там спрятано в омуте сером?
Голубиная книга о зле и добре?..
Вот в такую ж осеннюю темень и сырь
Голубиную книгу зарыли,
Утопили булат, раздавили ясырь
И про это навечно забыли.*

И приснятся мне струги на стрежне.

*..Луна на волне острым боком трясет,
Как монгольская сабля кривая.*

Анатолий Ульянов, г. Сызрань

Мне приснилась реки необъятная ширь,
Где луна по волне толстым задом елозит.
Невзирая на тьму и осеннюю сырь,
Голубиную книгу монголы привозят.

Эту книгу про счастье людское и зло
Они саблей кривой пополам разрубили.
Половину в песок – а другую на дно,
Разогнали ясырь и булат утопили.

Стеньки Разина струги я видел в том сне.
Там княжну молодую на стрежне стубили.
И в обнимку лежит она с книгой на дне,
Утешаясь, что в песне её не забыли.

ЗА РУБЛЁМ

*Не пытай занавесочку, дочка, -
В домик наш долго я не вернусь.
Есть на Севере дальняя точка.
Там рубли, и туда я стремлюсь.*

Александр Карякин, г. Сызрань

Не надо пытаться занавеску,
Тревожиться ночью и днём.
На Севере дальнем есть место,
Что славится длинным рублём.
Как факел зовущий, как идол,
Мне этот отрезок земли.
Влечёт меня, будто магнитом,
Туда, где большие рубли.

Я там, где живут не мечтами,
Плакаты вперёд не зовут,
Где бредят шальными деньгами,
За рубль башку оторвут.

Не рви занавеску, малютка,
И окна не трогай с петель.
Я там, где рубли и валюта,
Вот смысл моей жизни и цель.

ГОЛОС С НЕБА

*Зазеленел, притих застывший пруд;
Ведь лето нынче что-то жарковато.
И с неба томно голоса зовут:
«Пора прощаться...» И – грозы набаты.*

*Стою в траве. По пояс наг. И – тих.
Косу отставил. В небо – взгляд куда-то.
Плывёт-струится ниоткуда стих...
В нём пруд. Восход. И – гром. Грозы набаты.*

Юрий Зуев, Parnasse.ru. 2012 г.

Притих и посинел застывший пруд,
Вдруг стало жутковато, братцы,
Когда могильным голосом зовут
Из-под небес: «Пора прощаться!»

«Ужель пора? Да я в расцвете сил!»
Остановился, замер, снял рубашку.
Ко мне из ниоткуда стих поплыл.
Сменил косу на ручку и бумажку.

Строфу занёс. Вдруг молния и гром,
Во все колокола грозы набаты.
И голос томный стал молить о том,
Что лучше бы я взял косу обратно.

ОПЯТЬ О ДУРАКАХ

*Удивительно все ж: что не избы, то с краю,
И с печи не спуститься Ивану никак.
Только все ж на тебя, милый мой, уповаю,
Все же верю я, Ваня, что ты не дурак.*

Александр Морозов, Parnasse.ru. 2012 г.

Это странно, но всё ж продолжаю я верить
В справедливого бога, царя, дурака,
Что придёт и спасёт нас, избавит от скверны,
Осчастливит российский народ на века.

Может быть, Серый Волк или Рыбка Златая,
Может, Муромец ратные бросит дела.
Дорогие мои, я на вас уповаю
И отчаянно жду в хате с краю села.

Буду верить я в сказку, как все россияне,
И, как в сказке, на печке я буду лежать.
Может, Ваня придёт, добрый барин заглянет,
Всех рассудит и всем ниспошлет благодать.

ТРЫН-ТРАВА

*Любовь твоя — не трын-трава,
Не просто частое дыханье.
Звенит от счастья голова,
Когда спешу я на свиданье.*

*И я обманываться рад,
Что не случайна наша встреча.
Ведь яд любви — он всё же яд,
Хотя и ядом, знаю, лечат.*

Олег Корниенко

Каким меня ты ядом напоила:
Курары, пестециды, трын-трава?
Дыхание не просто зачастило,
Звенит, как с перепоя, голова.

К советам относился я беспечно,
Хотя Минздрав давно предупреждал.
Поверил в болтовню, что ядом лечат.
Язык бы вырвать тем, кто так сказал!

И вот последствия случайной встречи:
Обманут, как законченный кретин.
Надеялся, что яд любви излечит,
А ты подсыпала мне клофелин.

ТАНЕЦ ПРИ СВЕЧАХ

*Плавно музыка лётся
Под мерцание свеч,
И рука остаётся
Выше уровня плеч.*

Надежда Белова, г. Сызрань

Ночь тихонько крадётся,
И пора бы прилечь.
Жаль, рука остаётся
Выше уровня плеч.

У меня всё нормально:
И фигура, и грудь.
Опусти хоть до талии
Или ниже чуть-чуть.

Танцы мне надоели,
Душит копоть от свеч.
Что ж ты руки приклеил
Выше уровня плеч?!

